

Тёмная волна
Лучшее

Медиагруппа СПб

Дмитрий Костюкевич
Ольга Рэйн
Максим Ахмадович Кабир
Темная волна. Лучшее

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66331404

Темная волна. Лучшее: Эксклюзив-Медиана; СПб.; 2021

ISBN 978-5-93835-112-7

Аннотация

«Темная волна» стала заметным явлением в современной российской литературе. За полтора десятилетия целая плеяда авторов, пишущих в смежных жанрах: мистический триллер, хоррор, дарк-фэнтези, – прошла путь от тех, кого с иронией называют МТА (молодые «талантливые» авторы), до зрелых и активно публикующихся писателей, каждый из которых обладает своим узнаваемым стилем.

В настоящем сборнике представлены большие подборки произведений Дмитрия Костюкевича, Ольги Рэйн и Максима Кабира. В долгих представлениях авторы не нуждаются, они давно и прочно завоевали и любовь ценителей «темных жанров», и высокую оценку профессионалов от литературы. Достаточно сказать, что в восьми проводившихся розыгрышах «Чертовой Дюжины» (самый популярный и представительный

хоррор-конкурс Рунета) они одержали пять побед: по два раза становились лучшими Ольга Рэйн и Максим Кабир, один триумф на счету Дмитрия Костюкевича.

Истории в сборнике представлены самые разные, переносящие читателя и в фэнтезийные миры, и в темные глубины сознания, и на мрачную изнаночную сторону нашего обыденного мира... Разные, но нет среди них скучных. Приятного и страшного чтения!

Содержание

На гребне темной волны	6
Дмитрий Костюкевич	9
Мёртвый сурок, которому снятся кошмары	10
1. Кум	10
2. Вокзал	14
3. Место повыше	18
4. Юстас и сны чудовищ	24
5. Рутина и темнота	29
Ненастоящий дядя	34
N 6	73
Перекус	121
Дуэль	152
Перила выщербленной лестницы	176
Конец ознакомительного фрагмента.	224

Дмитрий Костюкевич, Ольга Рэйн, Максим Кабир Темная волна. Лучшее

© М. Кабир, Д. Костюкевич, О. Рэйн, 2021

© А. Матюхин, предисловие, 2021

© В. Точинов, концепция, составление, 2021

© Эксклюзив-Медиана, 2021

© ООО «Издательство Северо-Запад», 2021

На гребне темной волны

Позвольте начать с цитаты Влада Женеvского. В две тысячи двенадцатом году в докладе, посвященном хоррору, среди прочего, он сказал следующее: «Русского хоррора как цельного явления и – тем более – направления попросту не существует. Точнее, он сродни коту Шрёдингера: как бы есть, но как бы и нет».

Прошло чуть больше восьми лет, и сегодня мало кто будет отрицать, что лёд тронулся. Русскоязычный хоррор, как направление, встал на ноги. Даже больше – он стал модным. Неплохими тиражами выходят антологии и авторские сборники, отдельные романы и серии. Хоррор экранизируют, по его мотивам рисуют комиксы, выпускают аудиокниги. Появились собственные премии.

Самое, на мой взгляд, главное – русскоязычный хоррор оброс сообществом, собрал вокруг себя широкий костяк поклонников. Да и сами авторы хоррора объединились в так называемую «тёмную волну».

Хочу отметить, что и ранее в хорроре у нас появлялись безусловно талантливые и именитые авторы, многие из которых радуют читателей и сейчас. Но в то время успех книг в жанре хоррора списывали на удачу или случайность. «Ну откуда, скажите, у нас с вами отечественные Стивены Кинги». Писать хоррор было в чём-то даже стыдно и непопуляр-

но. Авторы стыдились писать, читатели стыдились читать.

Однако, появление «тёмной волны» – а вместе с ней новых молодых авторов, постепенно сместило фокус с «кому нужен хоррор, у нас и так в стране страшно», на «оказывается, и в наших реалиях могут писать страшно!»

К слову, все три автора, собранные под обложкой данной антологии, как раз относятся к новичкам «темной волны». Вернее относились, поскольку уже сейчас можно уверенно говорить, что в русскоязычном хорроре появились собственные большие звезды.

Возьмем, к примеру, Максима Кабира – самого яркого представителя. В его послужном списке на сегодня значатся четыре изданных романа, две авторские антологии и бесчисленное количество опубликованных рассказов и стихов. Я уже не говорю про различные премии и две победы на самом престижном конкурсе хоррора «Чёртова дюжина». Следует ли считать Максима новичком, или он уже вполне состоявшийся автор, мастер, на которого ориентируются более молодые и менее опытные литераторы? Не думаю.

Не менее яркая звезда – Дмитрий Костюкевич, всего год назад собравший целую россыпь различных наград – победа на «Чёртовой дюжине», лауреат премии «Мастера Ужасов», несколько номинаций в других премиях. Вряд ли он собирается останавливаться. Его также сложно отнести к новичкам, поскольку еще семь лет назад Дмитрий опубликовал свой первый роман.

Пожалуй, наиболее правильно будет назвать новичком третьего автора – Ольгу Рэйн. В хоррор она пришла позже остальных, но зато как! Добравшись до четвертого места «Чёртовой дюжины» в две тысячи пятнадцатом, следующие два года Ольга как забралась на пьедестал, так никого и не пускала. Вокруг рассказов автора не утихали споры – следует ли относить её к «тёмной волне» или это просто заглянувший на огонек профессионал, который решил размять мускулы. Ольга, не особо реагируя, продолжала пугать читателей замечательными историями. Премии, авторские антологии, повести в различных циклах и множество рассказов в сборниках – это неполный перечень её заслуг.

Как видите, у «тёмной волны» уже существуют вполне конкретные имена. Жанр «скорее жив, чем мёртв». Новые авторы за небольшой промежуток времени сделали невозможное: популяризировали русскоязычный хоррор. Вывели его из гетто, о котором говорил Влад Женеvский.

Всего десять лет назад любого автора хоррора неизбежно сравнивали со Стивеном Кингом. Сейчас начинающих сравнивают с Кабиром или с другими авторами волны. Это ли не достижение? Это ли не успех всего нашего сообщества?

Так что, открывая эту книгу, будьте уверены – Стивена Кинга тут не будет. Зато будет прекрасный хоррор на гребне новой тёмной волны.

Александр Матюхин

01.02.2021

Дмитрий Костюкевич
Перила выщербленной лестницы

Мёртвый сурок, которому снятся кошмары

1. Кум

В тюрьму я заехал в апреле. «Заехал в тюрьму» означает, что меня привезли в следственный изолятор. СИЗО – ко-рявое словцо с уродливым содержанием. Чёрная страница в тюремном ежедневнике, гарь, копоть, мрак. Отвратитель-ный кусок мёртвого времени, в котором зека рвёт острозубая неопределённость. В ИВС и колонии тоже хорошего мало, но в изоляторе временного содержания мурыжат недолго, а на зоне дышится легче.

Выпрыгнув из воронка, я сразу глянул вверх. Это един-ственное, что останется мне от свободы, – общее небо над всеми. Ничего другого – свободного! – я больше не увижу: окна камер будут пялиться в грязный двор или слепнуть под баянами.

Небо...

Мент толкнул меня в боксик, и я потерял серо-голубой небосвод, тяжёлый, плоский, почти без глубины, но такой драгоценный. В сборном боксе, очень похожем на жилую об-щую камеру со скамейками вместо нар, мне предстояло про-вести несколько часов. Всё, надо перестраиваться с ласковой

темноты и грустного неба на реальность, в которой я – грязь и падаль, нечто без судьбы и имени.

Отключить эмоции, насколько возможно. Они в тюрьме лишь вредят. Меньше внимания – меньше проблем.

Молодой парень с татуировкой паука на щеке явно не знал об этом простом правиле. Угрожал двери, по-звериному скалился, показательно харкал на пол. Глупая «прибыль», как тюремщики называют поступивших заключённых. Хорошо хоть не кидался ни на кого...

На вопросы я отвечал точно и коротко, так, чтобы ответы почти дословно совпадали с записанными в документах. Посадили за разбой. И точка. Тюремщикам плевать, попытка убийства или изнасилование, виноват или нет, записали и забыли.

С соседями в боксе я не трепался – в одну камеру вряд ли попадём. Дежурному фельдшеру, который осмотрел небрежно и быстро, сказал, что ничего не беспокоит. Фокусы с вымышленными болячками не работают: симулянтов тут колют на раз, да и лечат в тюрьме отвратительно, себе дороже. А на ментовские отметины жаловаться бессмысленно – свобода ближе не станет. Моя – уж точно. Врач охотно согласился с крепостью моего здоровья, от него пахло ментоловой жвачкой и скукой.

Беседа с кумом – с опером – заняла больше времени. Она во многом определяла мою жизнь в следственном изоляторе: в какую камеру поселят. Кум был вежлив, с инеем интел-

лигентности в карих глазах и длинными пальцами, внимательными к бумагам. Он подкурил сигарету и оставил тлеть в стеклянной пепельнице.

– Друг мой в милиции работает, – сообщил я. – Могут быть проблемы.

– У меня? – прищурился опер. Уголок рта потянула улыбка, тут же исчезла – кум дотронулся средним пальцем до полочки рубашки, осторожно пощупал грудь, словно прислушивался к эху былой травмы.

– У меня. Здесь.

– Кем друг работает?

– Охранник в Департаменте охраны.

Кум кивнул, молча. Но на ус намотал – мою безопасность в камере спросят с него.

– С прошлым есть непонятки?

Я сразу понял, о чём он. Тактичный вопрос о возможных гомосексуальных контактах. Не петух ли я, другими словами.

– Нет. К опущенным в камеру определять не надо.

Он пристально посмотрел. Сигарета тлела, глаза копали вглубь.

– Товарищи сидевшие просветили?

– Типа того.

– А что... – начал опер, но как-то скукожился от резкой боли, зажмурился, подался вперёд, прижав ладонь к груди. Через несколько тяжёлых, как дыхание кума, секунд вроде

отпустило.

Затем он попытался меня завербовать. Всё-таки не шибко умный, раз заводит эту пластинку, видя заключённого впервые. Хотя практика налаженная. С кумчастью «дружит» немало зеков, некоторые даже кичатся отношениями. Времена задушенных подушкой информаторов прошли.

Отказываться тоже надо уметь, главное не тошнить словами, не размазывать.

– Не готов к такому разговору, не отошёл ещё после ареста. – Я смотрел на стол, на пепельницу. – А в криминальные склоки лезть не хочу. Плохо с людьми схожусь, да и во сне, бывает, болтаю.

Кум не нажимал.

Тлеющая сигарета переломилась в пепельнице. Одновременно с этим начало происходить что-то непонятное и жуткое, словно гибель сигареты была тайным сигналом.

Опер выпрямился, шумно втянул между острых зубов воздух и стал тереть костяшками пальцев грудь.

– А-а-а, – вырвалось у него, – ж-ж-жёт...

Он вцепился в васильковую рубашку, рванул, брызнули пуговицы. Одна попала мне в щёку, но я даже не шелохнулся. Обмер, окостенел, исчез.

Кто-то рычал. Не кум – внутри него.

А потом раздался отвратительный звук, с таким рвётся плоть. Грудь опера расколосась изнутри, рёбра вскрылись отвратительными вертикальными челюстями. Мне в лицо

хлынула тёплая кровь, ударил рык, перманентно ненасытный, как армия бездомных.

Тварь выбиралась рывками, срывая человеческую оболочку, будто тесный наряд. Гибкое тело покрывали кровь и слизь, оно содрогалось от внутренних толчков и, кажется, росло. Сначала я мог разобрать лишь огромный рот, в котором вибрировали зубы-бритвы, затем появилась рука... нечто напоминающее руку, суставчатое, шишковатое, с когтями на трилистнике пальцев.

Рука качнулась, точно кобра перед броском, взметнулась и упала на меня. Острые когти впились в лоб, вгрызлись, распробовали – и сорвали моё лицо, словно присохший к ране бинт...

– Эй, эй! – пробился сквозь алую пелену голос кума. – Не спать.

Я моргнул. Попытался пошевелиться. Удалось. Потрогал лицо – сухое и жаркое.

Снова моргнул.

Последние образы видения стекла, как кровавый дождь по стеклу.

Кум закрыл папку и кивнул – уведите.

2. Вокзал

Из сборного бокса я попал на вокзал.

Вокзалом окрестили карантинную камеру. Карантин

здесь, конечно, особый, работающий, как и вся тюрьма, на унижение и подавление. Это предбанник Тартара, смердящий потом, экскрементами, табачным дымом, баландой и чёрт знает чем ещё. Так воняет тюрьма. Самый «возвышенный аромат» в данном букете – запах дорогой колбасы, который будит отвращение другого рода, как золотые зубы в пасти уродца.

Я сделал несколько глубоких вдохов – привыкнуть, пропитаться, раствориться. Я здесь надолго. Дольше, чем можно выдержать. Это не значит, что можно опустить руки. Всегда есть за что бороться, за что гнить, потому что после «дольше» всегда найдётся нечто иное.

У меня взяли анализы и на какое-то время оставили в покое. Тюремщики, но не вокзальный сброд. Теснота и духота колыхнулась.

– Есть хавка? – придвинулся сосед по лавке, его левый глаз был слеп – мутный сосуд, наполненный молоком. – На зуб чё кинуть?

– Нет.

Харчи я не брал. Не в этот раз.

Если ты при еде, лучше поделиться. Жадных не любят, оно везде так. Прослыть щедрым тоже не фонтан – какой-нибудь проныра попытается оседлать, выжать. Щедрость в тюрьме – слабость. И опасность: угостишь петуха, потом обеляйся.

В общем, много заковырок. Проще – порожним.

– А чё так? – кривился, присматриваясь, Молочный Глаз.

– Не успел.

– Медленный, что ль? Я меж ходками похавать красиво успеваю, всегда так, и людям хорошим прихватываю, ага.

Понты. Голимые понты. Пустота, как в незрячем глазу зека. Вокзал вгоняет всех в одинаковую свербящую неуверенность, и каждый пытается заглушить её по-своему. Молочный Глаз – показухой, фальшью, бахвальством.

Переждать, держаться подальше, потише, отключиться – скоро раскидают по камерам, и прощай, Молочный Глаз, забирай ложь и зловоние скрытых угроз с собой.

Опасаться стоит не подобных трепачей, а публики в лице нариков, алкашей и бомжей. Тюремный вокзал – словно извращённая лотерея, где разыгрываются гепатит, туберкулёз, СПИД, сифилис, чесотка и прочие болячки. В «карантине» все вперемешку – здоровые и больные. Выявлять недуги станут позже. Уберечься можно и нужно, соблюдая простые правила: минимум болтовни, никакой общей посуды, вещей, обмена одеждой. Жаль, не удалось занять место у приоткрытого окна.

– Кукожиться не надо, паря, – не унимался Молочный Глаз. – И молчок включать.

– Менты шибанули грамотно. – Я проморгался, глядя перед собой в пустоту. – Шумит всё.

Бельмоглазый открыл рот, из которого разило куревом и гнилью, но в этот момент вошёл офицер с отёчным лицом.

Пригасил – меня.

– Товарищ майор, – с ленцой в голосе обратился Молочный Глаз. – А музычку можно в эту хату оформить?

Сразу видно, шушера неопытная – «товарищей» среди офицеров он не найдёт. Обидит только.

– Товарищ твой лошадь в канаве доедает, – лениво сказал майор, даже не глядя на зека.

– Командир, – попытался сгладить тот, – я ж только...

– Какой я тебе командир? Такой солдат не упёрся никому.

У меня откатали пальчики, сфотографировали и вернули на вокзал.

Бомжеватого вида мужик спал в положении сидя, его храп пробегал по стенам, точно судороги. Два молодых да синих судачили в углу. Молочный Глаз донимал соседа справа. Мыла администрация мне не предложила: пальцы были чёрными, мокрыми, холодными и словно чужими. Я занял свой кусочек лавки и постарался отрешиться не только от смысла, но и от голоса.

Не удалось.

– Тысяча ног ада... маршируют, семянят, скребут... дороги над дорогами, чёрные, вечные... они никуда не ведут... они ведут повсюду...

Я повернулся к арестанту. Повернулся, зная, что не стоит этого делать.

Белый глаз зека дёрнулся, ещё раз, и ещё. Он шевелился – глазное яблоко и веко. Показалась чёрная лапка, колючая,

прыткая... А потом из гнойного уголка полезли жёлто-зелёные жучки, красные пауки и крылатые муравьи. Потекли по щеке вниз, к уголку рта, за шиворот, несколько пауков заскользило по сальным волосам заключённого.

Я отвернулся, снял куртку, лёг на лавку, согнутыми в коленях ногами к Молочному Глазу, и накрыл голову плотной тканью.

Ждать, ждать, ждать... делая вид, что не чувствуешь тысячи мелких касаний и укусов.

Что не слышишь крик.

3. Место повыше

Дежурный опер определил меня в маломестную камеру. Процедура рассадки завершилась поворотом ключа, общего на все хаты этажа. Попкарь – так в тюрьме обидно кличут надзирателя – отпер дверь, и я, прижимая к груди пожитки, попал в тройник.

«Тройниками» называют маломестные камеры, но никто уже и не помнит тех времён, когда в них жило по три человека. В хате размещалось три шконки – трёхъярусные кровати со стальными полосами вместо пружин. И словно те пружины, как только захлопнулась дверь, я ощутил тяжесть. Тяжесть чужих взглядов.

– Добрый день, – просто сказал я. Понты или попытки «нагнать жути» здесь не нужны, опасны для здоровья, как

тюремная пайка, не разбавленная посылками с воли.

– Здарова, – ответило несколько голосов, радуясь событию – появлению новой рожи.

Никто не рычал, не пытался опустить с порога, татуированные качки не тянули ко мне свои раздутые руки. Это сказки кинематографа, что, впрочем, не отменяет гнусность и безнадёгу тюрьмы. Здесь не встречали звериным оскалом, но и добротой глаз не баловали. В спёртом воздухе камеры висел, не перемешиваясь, туман личных бед и одиночеств.

Я бегло осмотрелся.

Каждый тройник – мирок со своими законами, традициями и иерархией. Руля – смотрящего – я определил сразу. Он устроился на самой престижной шконке: первый ярус, кровать подальше от двери, диагонально от «дючки» – параша. Ничем ни примечательный человек, как и все в тюрьме, которая обесцвечивает, выпивает до дна. Почему именно он стал смотрящим? Причины могли быть разные: сидит дольше других, имеет «вес» на воле, умеет решать вопросы с тюремщиками, более хитрый-наглый-сильный, или ранее судимый, попавший на хату к ранее несудимым по ошибке (а, более вероятно, по воле опера). Руль какое-то время смотрел на меня рыбьими глазами, а потом сделал жест, мол, устраивайся.

В тройнике сидело пятеро, я – шестой, шконок – девять. Итого: четыре свободных места. Второй и третий ярус кровати руля были заняты. Пустовали второй и третий ярусы

справа от двери и рядом с нужником. Я бросил пожитки на шконку второго яруса справа от двери.

– Звать как? – спросил главный.

– Илья.

– Будем квартировать, Илья. И знакомиться. Меня Алекс зовут.

Смотрящий – Алекс – быстро представил сокамерников: Аркаша, Юстас, Коля, Михей.

И меня начали «прощупывать». На все вопросы – а их было много – я отвечал не спеша и «честно». Уклонишься – родишь подозрения. Скажешь всю правду – сваляешь дурака. Живущему в сортире человеку неведомо слово «честно». Вот только врать нужно по правилу: 90 % правды и 10 % лжи, растворённой, незаметной, без прикрас. Не говорить о том, о чём не спрашивают. Никогда. Запоминать, в чём солгал, чтобы не запутаться.

Они спрашивали, а я отвечал. Когда врал, смотрел собеседнику между глаз, в окно, иногда в глаза, чтобы не подумали, что прячу взгляд. Это очень трудно – говорить о жизни, которой никогда не жил. Прятать всплывающие в памяти опасные подробности и достраивать в пустоте нейтральные штрихи, уже известные ментам. С каждым разом это всё труднее, потому что ложь – как новая кожа, а моя давно сожжена, забыта, никто не поверит в её реальность... я и сам почти не верю. И поэтому выдаю чужую кожу за свою, чтобы смотрели не так пристально.

Главное – понимать: люди, которые слушают меня, одинаково не верят как в обман, так и в правду. Я не старался с доказательствами. Имея возможность умолчать, пользовался ею. Молчание – самая красивая сестра на фоне уродин Лжи и Правды. Если не было выхода, врал интонацией. Прижимал действия, чувства и мысли.

А когда вопросы стали пробираться в опасную область темноты, в которой уже невозможно было черпать хоть что-то, я внимательно посмотрел Михею в переносицу и серьёзно спросил:

– Ты не мент, часом? Уж больно настырно пытаешь. – И после небольшой паузы ответил на его вопрос о поделнике, которого почти не помнил; чередой мутных картинок.

– И верно, – сказал Алекс. – Утомили нового соседа. О себе лучше почешите.

Фу-ух.

Но самое сложное – врать себе, что происходящее вокруг нереально. Не всё. Что есть запах гнили и чёрное пятно плесени в углу под потолком, но нет пузырящейся штукатурки и налитых кровью глаз в нарывах стены.

Восемнадцатилетний Коля, убудковатый с виду и, наверняка, убудковатый внутри, заехал в следственный изолятор за воровство. Обчистил квартиру соседа своей девушки, маханув через смежный балкон.

Сорокалетний Михей избил до полусмерти своего начальника... бывшего начальника.

– С зарплатой тянул, гад, – сказал Михей, недобро поглядывая на меня. Предупреждая. Стена над его головой агонизировала. Проказа грибка, чёрно-влажное пятно раскололось горизонтальной трещиной. Моргало, вздувалось, стонало. Никто, кроме меня, не замечал.

Юстас сказал, что сидит за убийство. Сказал тягостно, не поднимая взгляда.

Алекс попался на подделке документов.

Аркаша молчал.

– За лохматый сейф сидит, – добродушно сказал за сокамерника Алекс.

Сесть за изнасилование – не обязательно сразу быть опущенным. Разницу между ситуациями изнасилования зеки чувствуют тонко. Тюремный контингент не видит ничего страшного в изнасиловании знакомой лёгкого поведения, да ещё во время попойки в общей компании – сама виновата, задницей крутить меньше надо. «Сидит по беспределу, – говорят насмешливо. – За лохматый сейф».

– Валя по пьяным бабам спец, – усмехнулся со шконки Коля.

Аркаша зло посмотрел на сокамерника. Как я узнал позже, фамилия Аркаши была Валентинов, и Коля постоянно искажал её, превращая в женское имя.

Плесень приобрела объём, потянулась из стены, словно мембрану гнилостного цвета с той стороны продавливала голова огромной гусеницы. Жуткий маскарон приближался к

затылку Михея. Трещина превратилась в рот, пузыри взорвались, в ранах всплыли тёмно-красные вертикальные зрачки.

Накатила тошнота. Лечь на шконку и закрыть глаза не получится. Здесь не вокзал, среди этих людей – и не-людей – мне придётся находиться круглые сутки, разговаривать, когда хотят другие, бодрствовать, когда хотят другие.

Но что бы ни происходило со стенами камеры, я должен решать свои вопросы. Во всяком случае, постараться.

– Какой в хате порядок? – спросил я, обращаясь ко всем, но глядя на Алекса.

Запоминать надо всё: что-то поможет избежать недоразумений, ну а пустая болтовня выпадет осадком. Стесняться и бояться не стоит – трепаться перед новичком о тюремном бытѣ нравится каждому.

Они рассказывали, а я спрашивал. Когда встают, засыпают? Что с прогулками и уборкой? Как делят сигареты и продукты?

Они рассказывали, а грибковый червь рос из стены. Штукатурка отслаивалась пластами, сыпалась грязными чешуйками со слизистой кожи монстра.

– Продукты в общак, а папиросы у каждого свои, – прошептал Михей. На голову зека падали тёмные нити слюны.

– Если чай или...

Ахрч-хч-хр!

Голова, плечи и грудь Михея исчезли в пасти твари, слов-

но сигареты в шланге, открученном от коробки противогаза. Нижняя половина забила в конвульсиях – так корчится, выплёвывая собственные лёгкие, зек, которого тюремщики «накуривают» через тот самый противогазный шланг. Гадко зашипело. Камеру наполнил резкий запах окисления.

Теперь червя видели все. Одурело глазели, как тот выплёвывает Михея... то, что от него осталось: кровоточащее, полурасстворённое, костляво-острое – и поворачивает голову к Аркаше. Нечто, напоминающее голову.

Нечто голодное.

4. Юстас и сны чудовищ

Они сказали, что у меня был припадок.

Очень удобно, когда другие придумывают объяснения за тебя. Интересно, в какой момент люди вокруг меня начинают видеть происходящее иначе, а их ментальные копии кочают со мной в жуткое видение? В какой момент я засыпаю или, наоборот, просыпаюсь, наблюдая за реальностью в отстранённой бесплотности?

Впрочем, вру. Мне это не интересно.

Только – темнота.

* * *

В тюрьме любят байки, любые истории. Они заменя-

ют кастрированный список каналов телевизора (если такой имеется), изуродованное шансоном хрипящее радио и газеты недельной давности, которые отбраковали из продажи. Нехватка информации восполняется живым общением.

После «припадка» я включил дурашливость и рассказал сокамерникам один сон. Случай из юности парня, которым я был в данный момент, сон из прошлого. В истории просматривалось озеро, и небо, и банда друзей, и палатка, и две крали, которых привели с санаторской дискотеки. Девчонки были такими страшными, а одна к тому же постоянно глотала какие-то таблетки и жаловалась на почки. Выгнать страшилок из палатки не удалось, они вгрызлись в колбасу и чипсы, налегли на водку. Кто-то предложил пройтись по личикам и просто выкинуть на улицу, в лес, пускай чапают в свой санаторий. Но воспротивился Вася – пускай будет Вася, – который выгнал друзей и остался с девахами в палатке. Через полчаса он – довольный, хмельной, с початой полторашкой пива – нашёл друзей на пирсе. «Дай хлебнуть», – попросил «я». Вася передал. «Ну как там?» «Целовался», – с блаженной ухмылкой заявил Вася. «Я» оторвал от губ полторашку и выплюнул пиво в озеро. «С этими? Пилите горлышко! Пацаны, пилите горлышко!» Друзья на пирсе так и полегли от смеха...

Оценили и сокамерники. Алекс мелко посмеивался, точно икал. Михей и Аркаша откровенно ржали. Колян гнусновато лыбился, куря в потолок. И лишь Юстас остался без-

участным – изначально настроившись на изолированность, барахтанье в своих мыслях, он прослыл на хате молчуном, что только множило его проблемы.

Я же, начав с хохмы, осознанно примерил типаж весельчака-рассказчика. Линия поведения намечается в самом начале общения, важны первые часы в камере. Всё зависит от самого новичка. Потому что из сложившейся роли уже не выскочить. Никак.

Я выбрал смех, каким бы приторным он ни казался. Хороший рассказчик ценится в любой хате. А вот розыгрыши – нет. Могут не понять, взорваться: нервы – как струны.

Спустя несколько дней сорвался Аркаша. «Остроумные приколы» с превращением его фамилии в имя «Валя» перекормили демона внутри молодого насильника.

Одну из побудок Коля встретил с перерезанным горлом. Осколок стекла, которым Аркаша вывел жуткую ухмылку под подбородком приколиста, он положил Коле под подушку.

Такая вот хохма.

* * *

Люди порой тяжело переживают совершённое преступление. Случается.

Не все убийцы – бездушные беспредельщики. Фантомный Бог, путь к которому некоторые начинают искать в тюрьме,

набил земные тела опилками плохих и хороших качеств.

«Почему так случилось?» – спрашивают убийцы.

И, бывает, сами отвечают на свой вопрос. Как Юстас:

– Я бы хотел сказать, что не виновен, что это случайность.

Но это не так. Не большая случайность, чем цвет моих волос или старая привычка заранее приходить на встречу.

Когда Юстас говорил, он выглядел ещё более безразличным и неодушевлённым, чем когда безмолвно лежал на кровати, что делал почти всё время (в этом его трудно винить: спёртый воздух постоянно питает сонливость). Это был забитый, опущенный сокамерниками и внутренними страданиями человек.

– Та злость, та ужасная злость – часть меня, мой внутренний червь, и от него не скрыться. Она, эта злость, могла закончиться по-другому, но она закончилась смертью моего друга... И в этом виноват только я. Не бухло.

Юстас рассказал, что *не помнит*, как убил своего друга. Алкоголь – очередной путь в кошмары природной дикости, уничтожающий запреты и рушащий границы. Это регресс, который желают многие, но скрывают даже от самих себя под пластами психики. А ещё алкоголь помогает забывать.

Юстас пил несколько дней, а когда «очнулся», его друг был мёртв. Ментов вызвала девушка Юстаса, из-за которой, по её словам, и произошла ссора. История безобразного преступления тянулась в прошлое, где Юстас и его друг бегали за одной подругой, а после, повзрослев, снова угодили в схо-

жий переплёт, с той же кралей.

Ничего нового.

Ревность.

Кровь.

Искалеченные и отнятые жизни.

Ощущая себя источником кровавых последствий, он не пришёл к убеждению личной невиновности, как делают многие «случайные» убийцы. Он не хотел расположить меня к себе, вовсе нет. «Добрых» и «сочувствующих» в тюрьме не найдёшь, как и товарищей в клоаке. Он просто говорил – из темноты, из прошлого. Долбаный чревоушатель.

Юстас не был гипермонстром, как Чикатило, которые съедал отдельные части тел своих жертв, или как Мишка Культияпый, который клал несчастных веерообразно, а после колот им головы топором, или как Башкатов, главарь банды, которая забрала почти пять сотен жизней... но на руках Юстаса тоже была кровь, и он отчётливо видел её холодный блеск.

* * *

Когда удавалось, я спал (хвала темноте, не наяву). Сон в тюрьме – единственная возможность заслониться от страшной реальности; здесь это называют «полётом в страну дураков».

За последнюю неделю у меня не было кровавых видений,

зато я познал нечто худшее – огромное поле, путь к которому открывали рассказанные в тройнике истории, любые истории. Лавовое поле под дымным небом, на котором дремали чудовища, а над ними, словно мухи, кружили сновидения. Чудовищам снились люди – непостижимые создания, порождённые их разумом, и эти сны пугали бесформенных тварей, как человека пугают кошмары.

Чудовищ страшила наша бессмысленная возня, страшила наша ненависть и жестокость, но ещё больше – любовь.

И этим кошмарам не было конца.

Потому что удел чудовищ – бесконечный сон в изгаженной людьми пустоте.

5. Рутинa и темнота

Тюремная жизнь – угрюмая, тусклая, каждодневная скука. Неприглядная скука, в которой обитают уродливые создания содеянного. И призраки происходящего.

Иногда зеков бьют, но не так часто, как думают многие, – просто потому, что тюремщикам лень, да и колотить человека не многим легче, чем, скажем, колоть дрова, задора на такое занятие не напасёшься. Нужна веская причина. Например, «воспитательного» плана: наказание за проступки и профилактика. Или получение признания. Или «заявка» от потерпевшего. Личная неприязнь или «садистские» побуждения тоже сойдут.

Попав под раздачу резиновой палки и ботинок, лучше проявить стойкость, насколько возможно. Демонстрация боли тюремщиков не разжалобит, лишь разозлит и заведёт. А вот рикошет мужественности – минимум стонов и трепет слабых. Страх, злость и ненависть хорошо бы засунуть куда поглубже – они плохие помощники. Туда же – мысли о беззаконии. Об избиении следует думать как о хирургической операции или плохом сне: никуда не денешься, придётся потерпеть.

Если экзекуции сопутствовал диалог (рявканье, рык и риторические вопросы), я не возражал или говорил рассудительно, без всхлипываний. «Всё было немного не так» – моя позиция.

И ещё:

– Спасибо за науку.

Это после первой порции.

Иногда помогает избежать второй.

Как и вовремя подоспевшее видение: иней на раскрасневшихся лицах тюремщиков, растрескавшиеся от мороза глазные яблоки и оранжевый пар, струящийся из треснувшей кожи. Разваливаясь на мёрзлые куски, они кричали от боли, но продолжали опускать на меня свои палки, а я просто смотрел, бесчувственный и онемевший, смотрел, пока из морга не вышел труп – почивший на прогулке доходяга.

Вышел, чтобы увидеть небо свободы.

Как я научился выживать в этой геенне?

Выбора не было. Даже животное учится обходить преграды, которые бьют током. Особенно если они повсюду, мир очерчен ими, как тело мелом.

Это – моё наказание. Моя пытка.

Раз за разом я проживаю конец своей первой жизни, возвращаясь в душное ожидание приёмного бокса, на вокзал, в камеру, в скопище человеческой жестокости и мерзости. Это не одно и то же СИЗО, не одни и те же люди, не одни и те же события. Даже я – каждый раз другой, как и уголовные дела – кража, угон, разбой, убийство...

Раз за разом. Закольцованный страх, бичевание зловонным временем.

Это вовсе не грёбаный День сурка, о нет. Сурок в пыточной камере моего существования давно умер, превратился в кусок разлагающего мяса, в слизь и вонь, но ему продолжают сниться кошмары, если вам по нраву столь гадкие метафоры.

Я и есть этот сурок.

Иногда что-то повторяется, иногда я вижу знакомые лица, но... это всегда тюрьма. Боль и унижение. Бесконечное ожидание. Попытка продержаться как можно дольше, потому что чем быстрее ты умрёшь, тем скоротечнее будет *темнота*, пришедшая после, тем раньше ты зайдёшь на новый

круг...

Тюрьма. Кара. Мука.

Потому что в первой жизни я совершил ужасную вещь – убил человека. Потому что я – Юстас, человек в одном из моих «пробуждений». Потому что рвущаяся плоть, фонтанирующая кровь и жуткие монстры в видениях – ничто по сравнению с молчаливым временем, вьёвшимся в стены и пол камер, точно запах мочи. Ничто по сравнению с демонами в человеческих сердцах.

К этому привыкнуть нельзя.

Иногда я молюсь, чтобы монстры и гады из видений были истинной реальностью, а остальное – дрёмой.

Я не знаю, что стоит за этой жуткой каруселью возрождений – ад, рай, перегоревшая плата разума или героиновый приход Вселенной... просто не знаю.

А темнота между пытками... она такая нежная, тёплая, добрая, как тысячи небес в тысяче миров, слившиеся в одно... в ней почти нет меня, и это так прекрасно... быть невидимым, не существовать... я слышу эту пустоту, её размеренное дыхание, убаюканное историями, которые ей кто-то нашёптывает... здесь читают книги, десятки тихих голосов, миллионы слов, их так приятно подслушивать...

Я не хочу выныривать... нет, только не...

* * *

Из воронка невозможно выйти, только – выпрыгнуть.
Спасибо убогой лесенке.

Плевать.

Не дожидаясь тычка от начальника конвоя, я выскочил из
машины, шагнул в сторону и сразу обратил лицо вверх.

Небо.

Испить.

Насладиться.

Сколько позволят...

Ненастоящий дядя

За всю свою долгую жизнь – восемьдесят два года, и это ещё не предел – я встречал Ненастоящего дядю три раза. Разговаривал – два.

Впервые я увидел *его* пятьдесят лет назад. Это случилось в парке, где мы часто гуляли с сыном. Молодой и счастливый – таким я тогда был. Ничего другого, когда смотришь на себя с высоты новых пятидесяти «ступеней», уже и не разобрать. Я любил сына, любил жену, любил жизнь. Я и сейчас люблю Макса и Марину.

Оборачиваясь и пытаюсь рассмотреть тридцатидвухлетне-го себя, я копаюсь в воспоминаниях, выискиваю, что отскоблить от стенок памяти. Слышу эхо эмоций и событий. Думаю: «Раньше я был счастливее и уж точно моложе». Ошибиться невозможно. До того дня, когда Марина кивком показала на высокого мужчину на парковой скамейке, и ещё год спустя – я определённо был счастливее (в любую секунду из прожитых), чем в последующие сорок девять лет.

На то были причины. Вернее, их отсутствие.

Высокий мужчина неподвижно сидел на скамье. Такие типы часто притягивают внимание: чудачки, пьяные, бродяги, потерянные и несчастные люди... Мужчина, отдыхающий с закрытыми глазами напротив сцены летней эстрады, – кем был он?

Скуластое лицо, залысина, жидкие длинные волосы, которые нехотя, почти безглаголиво трепал ветер. Опущенные веки. Руки в карманах.

– Мам, – позвал Макс, заметив наше с Мариной внимание к незнакомцу, – это ненастоящий дядя?

– Тише, – сказала Марина. Нас и мужчину разделял один ряд лавок. – Настоящий, просто он устал.

– Наверное, это робот, – сделал вывод сын.

Я усмехнулся, глядя на Ненастоящего дядю.

Чёрно-белый клетчатый шарф, обмотанный вокруг шеи в два-три слоя. Болоньевая куртка-пилот. Острые колени, с которых, как рыба с крючка, свисали чёрные брюки.

– Или манекен? – не унимался Макс.

Мужчину и впрямь можно было принять за манекен. Чего скрывать, незнакомец заинтересовал меня. Колоритный тип, в июньский зной одетый с прицелом на осеннюю сырость. Неподвижный истукан, рождающий ворох вопросов. Он мог быть кем угодно! Несчастливым влюблённым с разбитым сердцем; умственно отсталым; серийным убийцей; шахматистом, живущим с мамой; парнем, который час назад тряс своими гениталиями перед прохожими; уставшим инженером, не спешащим домой к семье; призраком...

Я пообещал себе, что если увижу его ещё раз – неподвижного, укрывшегося от мира под опущенными веками, – то подойду и заговорю. Скажу правду: что пишу рассказы, собираю истории, что-то в этом духе.

Макс рисовал мелками на плитке, точнее, заставлял рисовать Марину, а после усердно замазюкивал домики, машинки и животных – такое вот современное искусство: уничтожение чужого.

– Пап, а нарисуй злого робота.

– С бензопилой или с топором?

– С бензопилой! Хочу, чтобы он пилил дерево!

Макс, как и большинство детей двух с половиной лет, не всегда говорил внятно. Последняя реплика прозвучала как: «С бензопилой! Хатю штоб он пилил деева!» Он напоминал иностранца, не разбирающегося в падежах и предложениях чужого языка («будем ходить на крепость»). Боже, как мне этого не хватает, *всего этого...*

– Сейчас сделаем. – Я взял из пластикового ведёрка мелок.

Злой робот распилил не только дерево, но и джип. Спустя пятьдесят лет я помню это очень хорошо, то ли потому, что ещё не раз рисовал Максу злого робота и разрезанный внедорожник, то ли потому, что по необъяснимой причине дни встреч с Настоящим дядей запечатлелись в памяти особенно чётко.

Закончив с рисунком, я снова украдкой глянул на мужчину.

Его глаза были открыты. Он смотрел на меня. Этот взгляд внёс разительные перемены, добавил образу пугающий, истеричный шарм, словно бездушная кукла проявила оттенок

жизни.

Я потупился, уставившись на изрисованный мелками асфальт. Из всех уличных художеств Макс не замалевал только злого робота с бензопилой и расчленённый джип. Это чего-то да стоило.

За сценой гипнотически шелестели листвой дубы и клёны. Я поднял взгляд и, изображая полную отстранённость, стал всматриваться в аллею за рядами лавок – левее и выше головы мужчины.

Ненастоящий дядя сидел с открытыми глазами. Он по-прежнему смотрел на меня. Я понял это, даже не пересекаясь с ним взглядом. Ощутил. Меня захлестнула неловкость и некая тревога.

Ладно, сказал я себе, отворачиваясь, хватит игр. Обычный бедолага, который притягивает внимание. Почувствовал, что на него пялятся, и заволновался.

Я оставил Ненастоящего дядю в покое, а когда Марина собрала мелки в ведёрко, а Макс потянул всех к каруселям, – забыл о нём. На неделю. На долгую счастливую неделю.

* * *

Через пять дней после той безмолвной встречи с Ненастоящим дядей (теперь она действительно видится мне встречей, а не простым подглядыванием) я ушёл в отпуск. Июль прятал в карманах жару и воспоминания о дожде. Каждое

утро мы с Максом брали с балкона самокаты и гнали в парк или в крепость.

В тот день мы направились в крепость.

Когда родился Макс, мы перебрались в новую квартиру, от которой до форта было рукой подать. Макс любил играть под «звездой» («пап, а когда дядя будет говорить?»); дядей был Юрий «Голос Войны» Левитан), у танков и пушек, в руинах казарм.

В кафе «Цитадель» мы перекусили сосисками в тесте, запили яблочным соком и покатали к Холмским воротам. Перебравшись по мосту на Волынское укрепление, мы остановились.

– Я пугался ночью, – сказал Макс, глядя на идущую вдоль реки тропку, – не хотел туда ходить...

– Куда? – спросил я. Дорожка петляла в зелени и почти сразу исчезала в тени деревьев и кустарников. – Туда, где темно?

– Да.

– Ты был в крепости ночью? Во сне?

– Да.

И не понять: Макс просто соглашается (использует чужие подсказки, чтобы не отвечать) или вправду побывал здесь в сновидении?

– Что тебя испугало?

– Там монстр. Не хочу туда идти.

Мне стало немного не по себе. В отличие от взрослых, де-

ти не говорят о монстрах только потому, что им нравится это слово. Как бы наивно и нелепо ни звучали страхи ребёнка, не стоит всецело валить их на впечатлительность и фантазию.

Я взял Макса за руку. Тёплая маленькая ладонь, мой маленький человечек. Мой сын.

– И не надо. Но давай проучим монстра. Кинем ему в логово гранату?

– Ага! Давай!

Я достал из кармана невидимую гранату, сорвал чеку и протянул сыну.

– Кидай.

Макс отпустил руль самоката, взял гранату и швырнул.

– Ба-а-абах! – Я победно вскинул руки. – Ура! Монстр повержен!

– Да, – кивнул сын, снова делаясь серьёзным. – Придут другие монстры, хорошие, и будут есть плохого по кусочкам вилками. И в воду кусочки кинут.

Я улыбнулся. Если бы всё было так просто.

– Там страшный дом, – сказал Макс, по-прежнему глядя на идущую от моста тропку.

– Страшный дом? – удивился я.

– Да.

– Ты его тоже видел во сне?

– Нет.

– А с кем?

– С мамой.

– И где этот страшный дом?

– Там...

– Ну так пошли, поищем. С монстром мы разобрались, давай и Страшный дом гранатами обкидаем.

– Давай, – кивнул Макс, обстоятельно и задумчиво, как взрослый, настраивающийся на ответственное задание.

Страшный дом. Ещё один отменный образ. В течение года, до того как всё изменилось, я собирался сочинить рассказ с названием «Страшный дом», а потом... я забросил писательство, вплоть до вчерашнего дня, когда взял эту тетрадь, чтобы поведать межстраничной пустоте историю своей жизни.

Мы двинули на восток. Справа высилась роща, слева, за высокой крапивой и лесной малиной, скатывался вниз берег Мухавца. В болотных лужицах пересохшей реки лежали сломанные сухие стволы. Отсюда был виден штык-обелиск и монумент цитадели. В лезвиях солнечного света, под углом вбитых в тропу, резвилась мошкара.

Мимо медленно, с ворчанием проползла серая легковушка, пришлось уступить дорогу. Я ступал за Максом, неся самокаты в руках – так было проще, по бугристой земле и траве двухколёсные катили тяжело. В зарослях показались чахлые огородики, мы прошли мимо старого канализационного колодца и не менее старого дерева, искалеченного, возможно, ещё во время войны.

Поворот вывел на двухэтажное здание: бывший госпи-

тальный корпус. Дом полностью уцелел, теперь в нём, согласно вывескам и табличкам, размещались кафе и общество охотников и рыболовов, члены которого, видимо, питались в этом самом кафе.

– Это Страшный дом? – спросил я.

– Нет, – ответил Макс.

– Где же он прячется...

За казармой стояло несколько гаражей-автомастерских и одноэтажных домиков послевоенной постройки. Польскую часовню-каплицу с чьей-то лёгкой руки переделали в котельную.

Тропинка расщепилась: один её рукав уводил в сторону трассы, другой, похоже, мог вернуть нас в район «звезды» центрального входа. Я выбрал дорогу к «звезде».

Мы миновали вышку сотовой связи и метров через пятьдесят увидели строение из кирпича и бетона. Пороховой погреб двухвековой закваски, обустроенный в поросшем травой валу укрепления и укреплённый бетонным сквозняком. Из насыпи выглядывали два арочных входа.

– Это он? Страшный дом?

– Хм... да, – неуверенно сказал Макс.

– Давай посмотрим.

Я ступил в маленький зал, в который вели оба бетонных входа. Пол был усеян кирпичным боем, пустыми бутылками, пакетами от чипсов и гниющими объедками. Пахло здесь отвратно.

– Воняет говном, – улыбнулся Макс.

– Это плохое слово. На людях его не говори. Но тут ты прав – воняет ужасно.

– Это дяди бомжи накакали?

– И бомжи, и алкаши.

Вглубь вала уходил узкий коридор, перехваченный металлической решёткой. Потолок напоминал гноящуюся рану: серо-оранжевую, растрескавшуюся. Сквозь щели сыпался песок обваловки.

– Ну что, здесь ты был с мамой?

Я уже знал ответ. Чувствовал: погреб не мог так сильно впечатлить (и напугать) Макса.

– Нет.

– Может, он в другой стороне?

– Может, – поддакнул Макс.

Мне стало интересно, интересно по-настоящему. Я верил сыну – где-то в крепости есть Страшный дом. Обычно все заявления Макса, даже смешные и нереальные, оказывались правдой. Просто правдой двухлетнего ребёнка, переданной доступными ему средствами.

Страшный дом. Ничто не способно напугать так сильно, как озвученные детским голосом странные вещи.

– А чем он тебя испугал?

– Там было темно. И грязно.

– Вы ходили с мамой по комнатам?

– Да.

Тропинка вывела к подвесному мосту у автостоянки, откуда большинство туристов начинали свой путь к цитадели.
– К пушкам, хочу к пушкам! – затребовал сын.

Ладно, решил я, спрошу потом у Марины. Найдём Страшный дом, никуда не денется.

К пушкам мы попали через «звезду», со смехом и улюлюканием. Я поддался Максy, а он с неподдельной радостью победил в гонке на самокатах.

Пока Макс заряжал зенитное орудие шишками-снарядами, инспектировал пушки шестнадцатого века и отгонял от гаубиц голубей, я набрасывал в блокноте историю о проклятом острове, гнев которого могли сдержатъ лишь лошади, попавшие на клочок суши с потерпевшего крушение французского парусника.

На лавочку кто-то подсел.

Он. Ненастоящий дядя.

Я заметил его не сразу, но когда поднял голову в поисках Макса, по подсказке периферийного зрения понял, кто сидит рядом. Высокий, неподвижный, со спрятанными в карманы болоньевой куртки кистями рук, в чёрных брюках и чёрно-белом шарфе.

Я вспомнил данное себе обещание: поговорить с Ненастоящим дядей, если встречу его ещё раз. Но меня что-то останавливало. Я глянул на Макса в поисках поддержки, повода уйти – если сыну наскучили пушки, то мы... И чёрт с ним, с обещанием!

Стоя на лафете зенитки, Макс увлечённо крутил маховик. Я мелко кивнул – да будет так. Повернулся к Ненастоящему дяде.

– Добрый день... Прошу прощения...

Он поднял веки, обратился ко мне бледный скуластый профиль с уставшими бесцветными глазами.

– Да? – Его голос тоже был уставшим и бесцветным.

– Я знаю, это прозвучит глупо... – тянул, подбирая слова, я, – но на прошлой неделе я видел вас в парке... возможно, и вы меня видели... нас с сыном...

Он смотрел на меня, ни одним мимическим движением не подтверждая и не отрицая мои слова.

– Я пишу рассказы... – Я глянул на блокнот, как на неоспоримое доказательство сказанного.

– Рассказы? – сказал Ненастоящий дядя. – То есть выдуманные истории?

– Что-то, конечно, я беру из жизни, типажи, ситуации... но да, главную работу делает воображение.

Он кивнул.

– Мне интересны необычные, запоминающиеся люди, – сказал я.

– То есть чудики? – без эмоций спросил Ненастоящий дядя, будто прочитал мои мысли.

– Нет... я не это...

– Не переживайте, всё нормально. Мне тоже в какой-то мере интересны люди, вернее, их пересечения.

Он посмотрел на Макса.

– У вас красивый сын. – В его словах не было никакого подвоха, тайного умысла – в них вообще *ничего* не было, только набор звуков. – Сколько ему?

– Почти два и семь.

– Сводите его завтра в парк. Парень получит массу впечатлений.

Я скептически улыбнулся.

– Мы там каждый день бываем, живём рядом.

Ненастоящий дядя едва заметно пожал плечами.

– Завтра будет интересней.

Это стало его первым предсказанием. Которое исполнилось.

– Вы тоже поблизости живёте? – спросил я, чтобы заполнить возникшую паузу.

– Скорей возвращаюсь, чтобы передохнуть.

Макс слез с зенитной пушки и направился к тяжёлой мортире. Ненастоящий дядя проводил его взглядом.

– Ещё несколько минут, и ему наскучит старый металл.

Это можно было посчитать (сейчас, вспоминая) за ещё одно предсказание, но подобных пророчеств я мог выдать сколько угодно, оптом, и девяносто процентов сбылись бы.

Настоящие предсказания – два в довесок к первому – Ненастоящий дядя озвучил следом.

– Наслаждайтесь этим летом. Июль следующего года запомнится вам в иных тонах.

– В каких?

– Больнично-диетических. – От его улыбки у меня похолодели ладони. Так могли бы улыбаться рыбы. – Да, наверное, ёмче и не скажешь. Больнично-диетических. Но не спешите с расспросами. Все вопросы вы сможете задать в следующий раз.

Я не стал спешить с расспросами, не со всеми:

– Вы уверены, что он будет, следующий раз?

Ненастоящий дядя пожал плечами.

– Это зависит.

– От чего?

– От того, купите ли вы в ларьке у парковки какую-нибудь вещицу.

Я решил поддержать игру (тогда я отнёсся к предсказаниям Ненастоящего дяди как к игре).

– По-вашему, мне стоит избегать этой встречи или искать её?

Он снова пожал плечами, на этот раз более явно.

– Кто знает? Развилок предостаточно. И многие из них лишь видимость.

К лавочке подбежал Макс.

– Пап, пошли домой! Здравствуйте!

– Здравствуй, мальчик, – сказал высокий человек, прикрывая глаза.

В ларьке возле автостоянки я купил карту крепости.

Встретил бы я Ненастоящего дядю ещё раз (услышал бы

то страшное пророчество), если бы не сделал этого?
Как тут проверишь?

* * *

Вечером я спросил у Марины о Страшном доме. Она поняла, о чём я говорю, но не могла вспомнить, где именно они его нашли.

– Заброшенная двухэтажка, – пожала плечами жена, – или трёх... в зелени пряталась.

– А рядом что было?

– Вроде ничего.

* * *

На следующий день Макс проснулся рано и поднял нас с Мариной. По телевизору передавали оранжевое штормовое предупреждение, с опозданием – за окнами уже лило, грохотало и выло. Пелена дождя прикрывала грязную, подсвеченную молниями декорацию неба. Макс стоял на подоконнике и смотрел, как ливневый шторм выдумывает работу эмчээсникам.

Через час из-за растасканных ветром туч опасно показалось солнце.

– Мы с Максом в парк ходим, – сказал я Марине.

– Хорошо. Только сапоги резиновые ему надень. И зонт возьми.

Я вспомнил о предсказании Ненастоящего дяди, только когда увидел на парковой аллее пожарную машину. В ста метрах впереди, задрав головы, стояли три спасателя и усатый мужик в штатском.

Макс оживился.

– А что дяди делают?

Держа сына за руку, я приблизился к жёлто-чёрной ленте, которой огородили участок аллеи напротив теннисных кортов, тоже глянул вверх и присвистнул. С массивного – не обхватить и двум взрослым – дуба сорвали всю кору, оголили ствол от корней до кроны. Пласты коры лежали на траве, висели на ветвях соседних деревьев. А ещё дуб разорвало изнутри.

– Молния? – спросил я у проходящего мимо спасателя.

Тот кивнул.

– Разряд через ствол прошёл. Вскипятил всё внутри, как в чайнике без дырки.

Макс проводил его восхищённым взглядом.

– А что у дяди написано на куртке?

– МЧС. Это спасатели. Ну как, нравится? Хорошо, что в парк пошли?

– Да! Нравится! Пап, а дерево старенькое?

– Да, старенькое. А где кора, знаешь?

– Нет.

– Наверное, молнией сорвало, – закрепляя впечатления, сказал я, – да?

– Да.

– А что дяди спасатели будут делать?

– Не знаю...

– Наверное, будут срезать бензопилой?

– Да! Бензопилой! – ещё больше обрадовался сын. – А лента зачем?

– Чтобы люди не заходили, вдруг что упадёт.

В кармане ёрзал сотовый.

– Сейчас, маленький, маме отвечу.

Марина сообщила, что затеяла уборку, и поинтересовалась, как у нас дела.

– Сейчас тебе всё сын доложит. – Я протянул Максу трубку. – Расскажи маме, что мы нашли.

Макс задыхался от эмоций:

– Мам! Пожарники! МЧС! Дерево!.. Думают, что с ним сделать!.. Наверное, будут срезать!..

Марина позвонила снова через два часа: напомнила об обеде и дневном сне.

Макс не поддавался уговорам.

– Я буду ждать, когда начнут пилить дерево!

– Макс, смотри, кран ещё не подъехал. Это не так скоро. Поспим и вернёмся. Хорошо?

Дерево распилили вечером (от пристального взгляда Макса не ускользнуло ни одной спиленной ветки), убрали – через

день. Сын ходил под впечатлением ещё два дня, рассказывал всем про дерево и молнию.

Так сбылось первое предсказание Ненастоящего дяди.

* * *

В следующий раз я встретил Ненастоящего дядю в больнице, после того как мне вырезали желчный пузырь вместе с полуторасантиметровыми камнями. Это случилось через год после нашего (Макс сказал бы «нашиного»), я это помню, помню очень хорошо) первого разговора в крепости.

Больнично-диетический июль. В точку, с небольшой поправкой: диетическим стал не только июль, но и все последующее месяцы.

В больницу я попал прямо со дня рождения старого друга: скорая забрала ночью, протрезвевшего, с невыносимыми болями в желудке.

– Решать вам, – с раздражающим безразличием сказал врач после УЗИ.

– А можно как-то избавиться от камней без операции?

– Нет. Но вы можете отказаться. Через месяц или год снова к нам привезут, тогда и прооперируем. Подумайте.

Я думал два дня. Читал информацию в интернете, спрашивал знакомых, советовался с Мариной.

В отделении мне сделали какой-то успокаивающий укол. В «предбаннике» я разделся до трусов, сложил вещи в шкаф,

напялил белый чепчик и бахилы до колен. Затем открыл дверь – и попал в операционную. Там мне поставили катетер, капельницу с наркозом, привязали ремнями руки, ноги, надели маску...

В сознание я пришёл уже в палате. Было плохо, как никогда до этого. Тошнило, живот просто разрывало (во время лапароскопической операции в брюшную полость закачали углекислый газ), тряслись руки, дышалось с трудом.

Я понимаю, что в жизни есть уйма вещей пострашнее удаления желчного, но какое мне было дело до этого? Страдаешь здесь и сейчас.

Я не мог контролировать даже глаза.

– Смотри, плачет, – сказала старая медсестра молодой и позвала врача.

– Очень больно? – спросил доктор.

Я кивнул.

– Хорошо, сейчас что-нибудь уколем. Попробуйте поспать.

Приходила Марина, но я плохо это запомнил.

* * *

На вторые сутки отпустило.

На утреннем обходе мне разрешили сходить на обед. Кормили в больнице «шикарно»: геркулес, манка, жиденькие супы, пюре на воде с рыбой, слабенький чаёк без сахара.

В палате лежали втроём (соседи – с аппендицитом), одна койка пустовала. Неработающий телевизор, четыре тумбочки, два стула для посетителей.

Марина привела Макса. Сын был под впечатлением: больница, врачи, каталки, больные... А папка... а что папка? Я его не винил, просто был рад видеть и слышать.

Марина расспрашивала о диете, которой теперь мне предстояло придерживаться. Пареное, вареное, нельзя острого, жареного, жирного, кислого, солёного. Суточная норма соли восемь граммов – это я запомнил очень хорошо. На Новый год побалуйте себя бокальчиком красного вина. Спасибо.

Мы сидели на скамье в коридоре. Марина держала меня за руку. Я чувствовал себя похудевшим на десять килограммов, что было недалеко от правды. Макс вернулся от стенда, проводил взглядом медсестру, а потом задумчиво посмотрел на меня: маленький серьёзный мужчина.

– Пап, мне снилось, как машина упала в реку.

– Когда снилось?

– Ну, так... когда-то.

«Когда-то» могло с равным успехом означать и «вчера», и «в прошлом месяце», и «год назад».

– И что с машиной? – спросил я. – Утонула?

– Да! И даже помялась!

– В воде?

– Там была стена! И паровоз!

– Ух ты.

Когда Макс отошёл, я спросил у Марины:

– Как он спит?

– С переменным успехом.

В тот год Макс часто кричал во сне, словно не мог выбраться и звал на помощь. Когда мы брали его в свою кровать, то я – разбуженный, со стылым сердцем – обнимал сына, шептал «всё хорошо, хорошо», чувствуя раны от этого неожиданного крика. Я баюкал его и клялся себе, что посвящу всю жизнь тому, чтобы Макс был счастлив, всегда буду рядом...

Я помню кусочки пересказанных сыном снов, помню хорошо. Они одновременно забавляли и пугали («они в клетке, их едят собаки»). Игнорировать их казалось неправильным, верить – изнурительно опасным.

– Всё будет хорошо, – сказал я. – У нас всё будет хорошо.

Вечером появился Ненастоящий дядя. И хорошо уже не было никогда.

* * *

– С вашим сыном случится что-то плохое, если вы не уйдёте, – сказал он.

Меня словно ударили в лицо.

Я сидел на лавке у бокового входа в больницу и смотрел на высокого человека, сквозь него. Сигарета застыла у моих губ, я чувствовал, как их касается фильтр. А ещё я чувство-

вал – ночь, её приближение. У этой ночи не было краёв.

– Что?

Ненастоящий дядя облизал тонкие губы: маленький острый язык сделал это по-змеиному проворно.

– Вы не должны видеть его, слышать его. Не знаю, как действует *старуха* (судьба, понял я без слов, или нечто похожее на представление человека о судьбе), но если ваши нити снова коснутся...

Он не договорил. Достал руки из карманов болоньевой куртки, посмотрел на них и снова спрятал.

Я пытался переварить услышанное. Хотел найти в нём другой смысл, не тот, что сейчас выжигал мои внутренности. Я хотел снова оказаться в палате, чтобы этой встречи не было, чтобы...

– Это неправда...

Он пожал плечами: как знаешь.

– Сколько... сколько времени мне нельзя его видеть?

– У этого нет предела. Если хочешь, чтобы с ним было всё в порядке, то никогда.

Я молчал, долго, может, несколько минут. Я думал о предсказаниях, которые Ненастоящий дядя сделал год назад. Все они сбылись, хотя я и не мог проверить последнее. «Все вопросы вы сможете задать в следующий раз». Если бы я не купил тогда карту, разговаривали бы мы сейчас? Увидел бы я его, спустившись покурить?

– Что именно произойдёт? Как? Когда?

– У этого нет даты и формы. Это вероятность, исключить которую можно лишь одним способом. Уйти и не *касаться*.

– Сколько времени у меня есть? Когда это начнётся?

– Это продолжается. Если бы мы встретились полгода назад, я бы посоветовал вам то же самое.

– Полгода... уже полгода я подвергаю Макса опасности?

Он кивнул.

– А интернет? Я могу следить за сыном... как он растёт, как становится мужчиной?

Ненастоящий дядя покачал головой.

Я впервые посмотрел на него не как на человека. А как на призрака... или уставшего дьявола, присевшего отдохнуть на скамейку. Я был готов обвинить его во всём – в удалённом желчном пузыре, который вытащили из меня через пятисантиметровый разрез, в дурных снах Макса... я видел в нём источник радиации, который отравляет всё вокруг...

– Кто ты? – спросил я.

Он закрыл глаза.

– Простой чудак, у которого есть для тебя ещё два предсказания.

Я встал. Я не хотел слушать, но знал, что не смогу уйти. Не от него.

– Мост, в будущем твою жену очень расстроит мост.

– Что это значит?

– Это значит смерть, которую не избежать.

– Это...

– Нет, – перебил он, не открывая глаз. – Это не касается твоего сына. И последнее: если хочешь увидеть нечто необычное, постарайся не уснуть сегодня до полуночи.

* * *

Я не сомкнул бы глаз даже без его последнего предсказания. Когда выключили свет и соседи – прооперированный и ожидающий операции – захрапели в унисон, я лежал на узкой койке и пялился во что-то чёрное и густое внутри себя. Шрамы болели и чесались, но недостаточно сильно, чтобы отвлечь от мрачных мыслей.

Уснул я только под утро.

Ничего необычного так и не произошло. Или нет? Быть может, бесформенная тьма, липнувшая к моим глазам, проникающая в меня едкими струйками, и была...

* * *

Через неделю меня выписали.

Я сидел у кровати Макса и чувствовал себя бомбой, готовой взорваться в любую секунду. Было около пяти утра. Пять минут назад я перенёс сына в детскую, умудрившись не разбудить ни его, ни Марину. Если бы Макс проснулся, если бы посмотрел на меня – я бы не смог. Не в тот день.

Но Макс спал.

Я поцеловал его волосы, вышел из детской, прикрыл за собой дверь, достал из кошелька заранее подготовленную записку («я не вернусь»), оставил её на полке в коридоре, оделся, обулся и открыл входную дверь.

Я медленно спустился по лестнице. Я выкинул сотовый в мусорку у подъездной лавочки. Я поднял взгляд на окна девятого этажа, и всё расплылось.

Всю дорогу до вокзала я плакал.

Будь ты проклят, говорил я, растирая по щекам слёзы, будь ты проклят, Ненастоящий дядя.

А потом: спасибо тебе.

* * *

После этого ничего уже не было, ничего, что имело бы хоть какое-то подобие смысла.

Молния *его* предсказания расщепила меня, распёрла изнутри. И я остался стоять на месте – мёртвый, пустой. А люди с бензопилами не спешили.

Сейчас мне восемьдесят два (кажется, я уже говорил). Я не видел Макса сорок девять лет.

Я ушёл. Я старел в другом месте. Мёртвое бессмысленное дерево. Мёртвый несчастный человек с горсткой воспоминаний.

Я хотел бы оставить лишь прошлое, в котором есть моя се-

мья, прошлое, в котором нет Ненастоящего дяди, но не мог. Я копался в наших встречах и разговорах, как бродяга в мусорном контейнере. Собирал объедки и складывал их в пакеты.

Отдельный пакет предназначался для его пророчеств. Я даже провёл сортировку.

Первый разговор у пушек в крепости. Одно предсказание-развлечение: парк, дерево после удара молнии («Парень получит массу впечатлений»). Одно предсказание-неизбежность: больница, вырезанный желчный пузырь («Июль следующего года запомнится вам в иных тонах»). Одно предсказание-выбор: купленная в ларьке карта цитадели, новая встреча с Ненастоящим дядей («Это зависит»). Три предсказания по цене одной беседы.

Второй разговор в больнице, год спустя. Одно предсказание-развлечение: увидеть нечто необычное («Постарайся не уснуть сегодня до полуночи»), которое не сбылось, или Ненастоящий дядя вкладывал в него некую аллюзию. Одно предсказание-неизбежность: чья-то смерть («Мост, в будущем твою жену очень расстроит мост») – оно сбылось, но об этом немного позже. Одно предсказание-выбор: уход из семьи ради спасения сына («С вашим сыном случится что-то плохое, если...»).

Мои мысли всё чаще крутились вокруг пророчества «если хочешь увидеть нечто необычное». Если оно не исполнилось, значит ли это, что может не сбыться и другое?..

Мог ли Ненастоящий дядя солгать?

* * *

Через два месяца после того, как я бросил свою семью, я позвонил Марине.

Она уже плакала, когда подняла трубку. Не из-за моего ухода, нет.

После моей сбивчивой попытки «прости, я не мог поступить иначе» у неё началась истерика.

– Он умер!.. Вчера!.. А ты... ты... тебя не было рядом!..

Меня словно полоснули по сердцу. Я едва не выронил трубку.

– Как?.. – только и смог сказать я, сдерживаясь, чтобы не произнести имя сына. Даже тогда, на грани, я боялся сказать «Макс», потому что не должен был допустить любое *касание* наших путей. Это было бессмысленно, ведь то, что сказала Марина...

– Мой брат!.. Он разбился!.. Лучше бы это был ты... трус! Предатель!..

Я сбросил междугородний. Звонок Марине был ошибкой, он подвергал Макса опасности. Её брат... Я испытал облегчение, гнусное, но облегчение. С Максом всё в порядке. С моим сыном всё было в порядке.

Я залез в интернет и ввёл в поисковик имя и фамилию (девичью фамилию Марины) её брата.

Авария случилась три дня назад, но, видимо, Марина узнала страшную новость только сегодня. Её брат умер в чужой стране, в российском городе, по иронии судьбы находящемся недалеко от города, в котором теперь жил я.

«ДТП НА ВИАДУКЕ – «АУДИ» ПРОТАРАНИЛА ЗАГРАЖДЕНИЕ И РУХНУЛА НА ПУТИ», – сообщал заголовок новости.

Я включил ролик.

– Автомобиль пробил ограждение и упал на железнодорожные пути. Авария произошла тринадцатого сентября около семи часов утра. Спустя полчаса в социальных сетях уже появились первые фотографии и сообщения с места происшествия. Выбитые элементы ограждения остались висеть на электрических проводах. По информации сотрудников станции, падающая машина зацепила электровоз, проходящий в это время под виадуком. Не справившись с управлением водитель умер на месте, пассажир остался жив, получив незначительные травмы...

Глядя на искорёженный перед и бок «ауди», я вспомнил сон Макса: «Пап, мне снилось, как машина упала в реку. Там была стена! И паровоз!»

Машина упала с виадука... так, совпадает... стена – ограждение... паровоз – электровоз... не было только реки, но сколько трёхлетних детей знает, что не под каждым мостом течёт река?

«Мост, в будущем твою жену очень расстроит мост».

Ещё одно предсказание Ненастоящего дяди сбылось.

Это почти успокоило меня.

Это было похоже на действие укола перед операцией. Я почти не боялся, что предсказание Ненастоящего дяди по поводу Макса – ложь.

Почти.

Потому что если он соврал, то...

(сорок девять лет без голоса и лица сына, просто потому, что я поверил)

...более страшного проклятья нельзя и придумать.

* * *

Я думал, что закончу свою историю на этом месте. Просто расскажу её (не для того, чтобы облегчить боль, чёрные буквы на желтоватой бумаге тут бессильны) и пойду спать. Возможно, наконец-то решусь выпить не две таблетки снотворного, а двадцать. Но поставив последнюю точку и закрыв тетрадь, я долго сидел за столом, таращась в пятно света на стене. Мысль пришла неожиданно, от неё мои руки задрожали.

Что, если тогда я просто не дошёл до конца, повернул назад слишком рано? Что, если искал не там? Что, если Страшный дом, как и говорил Макс, существует?

Я почти видел этот дом в своём воображении – угрюмый, одинокий, с чёрными провалами окон и дверей, с сухими перекрученными деревцами на крыше. Он страшил меня... он

звал...

Я почувствовал связь. Страшный дом был гораздо больше, чем простое здание, давным-давно напугавшее моего Макса. Больше, чем сентиментальное желание старика уделить несколько страниц своему сыну, ещё раз пройтись с ним по крепости в поисках мистического строения.

И тогда я решил: вернусь и попробую найти его, Страшный дом.

Спустя пятьдесят лет.

* * *

Выкарабкавшись из капсулы (в вакуумном туннеле мои суставы молчали, словно тоже предвкушая... *нечто необычное*), я сразу взял дрон-такси и выбрал на планшете ближайшую от крепости гостиницу.

Я не смотрел в окно беспилотника – не хотел видеть, как изменился город.

Вещей с собой я взял всего ничего, мог сразу отправляться на поиски Страшного дома, но старикам нужна передышка. Много маленьких или одна большая. Я решил – завтра утром.

Гостиница находилась в десяти минутах ходьбы от дома, который я покинул целую вечность назад. Я не питал иллюзий, что Марина или Макс по-прежнему живут там. Скорее всего и дома-то нет – растворился в желудочном соке

модульных новостроек и вертикальных ферм. Женился ли Макс? Есть ли у него дети? Эти вопросы ранили, как удары ножа, но я не мог позволить себе искать на них ответы. Я даже не знал, живы ли они – те, кто были моей семьёй.

Вечером я перечитал распечатки с найденной в интернете информации о Волынском укреплении, обозначил на карте (той самой, что купил в ларьке после первого разговора с Ненастоящим дядей) сохранившиеся объекты, принял две таблетки снотворного и лёг в кровать.

Это сработало.

* * *

Волынское укрепление возвели на топких берегах Западного Буга и Мухавца, на месте Волынского форштадта средневекового города. Корпуса мужского и женского бернардинских монастырей перестроили, превратив в кадетский корпус. К началу Второй мировой в зданиях монастыря размещались военный госпиталь, медико-санитарный батальон и армейская санитарно-эпидемиологическая лаборатория. Помимо этого, на Госпитальном острове находились полковая школа, гарнизонная прачечная и несколько жилых домов.

Мы въехали через Южные ворота: кирпичные, украшенные элементами псевдоготики, с хорошо сохранившимися бойницами. Я приложил карточку к терминалу дрон-такси,

вышел и осмотрелся.

Новым пластиковым створкам, прикрывающим вход в кордегардию, попытались придать эффект состаренного дерева – вышло неумело. Левое крыло казематированной казармы отдали под прокат гирокаров и гид-очков.

Развернувшись, я стал лицом к Холмским воротам. Штык-обелиск по-прежнему величественно поднимался над цитаделью, с монументом конкурировала вышка Теслы (после прорыва в области беспроводной передачи энергии ветвистые великаны росли как на дрожжах). Если дойти до моста и повернуть налево, то выйдешь к музею «Берестье», а дальше – упрёшься в забор пограничной зоны. Если свернуть направо и пойти вдоль берега, поросшего невысокими ивами, березами, осокой и водяным мхом, то пройдёшь мимо одного из госпитальных корпусов, гаражей, порохового погреба и выйдешь к автостоянке. Этот путь мы когда-то проделали вместе с Максом.

Так где же он, Страшный дом?

Страшный дом всегда был со мной – на карте, что я купил пятьдесят лет назад в крепости. Или в двухстах метрах от Южных ворот, справа от дороги, на которую я сейчас смотрел. Ещё один госпитальный корпус – бывший монастырь бернардинок.

Я знал, что это и есть Страшный дом, ещё до того, как осилил эти двести метров.

Прошедшие годы и загадка Страшного дома сделали своё

дело. Я ожидал увидеть чуть ли не готический дворец, а увидел унылые одноэтажные руины – то, что осталось от католического монастыря, госпиталя, склада. Их даже не пытались законсервировать. У восточной стены, обнажая древнюю кладку, зияла глубокая яма.

Тем не менее, это был *он*.

С трёх сторон Страшный дом окружали заросли деревьев, с четвёртой – дорога, за которой начинались огороды. Я обошёл здание. Разрушенные стены из тёмно-красного кирпича, поросшие сорняками. Слепые проёмы окон и дверей. Высокая крапива, лопухи, акации, клёны. Земля, продавленная колёсами самосвалов, солома.

Я отдышался и зашёл внутрь. Мои сандалии ступали по бетонному полу, пальцы касались стен, белых, серых, грязно-голубых, чёрных, в плесени, с провалами и следами от плитки. Я старался смотреть под ноги – везде лежали куски кирпичей, ветки, доски, пивные и водочные бутылки, осколки стекла. С потолка и стен свисали провода в наростах штукатурки. Пахло сыростью.

По некоторым обвалившимся стенам можно было подняться на крышу, вернее, на второй этаж, от которого остался лишь пол. Там лежал толстый слой земли, облюбованный небольшой рощицей. Через дыры виднелось небо, в провалы свисали корни деревьев, точно я бродил по древнему индийскому храму.

С противоположной стороны здания до меня долетели го-

лоса. Туристы. Как и я.

Я нагнулся – в пояснице прострелило, – чтобы пройти под низкой аркой, и попал в коридор со множеством проёмов и железными крепежами под потолком. Проходы по правую сторону вели во внутренний двор, в котором властвовали сорняки. В конце коридора был спуск в подвал, точнее, дыра с огрызком железной лестницы, ведущей в подвальные помещения.

– Мама, а здесь привидения живут? – раздался за спиной детский голосочек.

Я криво улыбнулся: одно из них здесь, малыш, это я.

– Живут-живут, – ответил женский голос.

Я схватился за ржавые перила и стал спускаться. Наверняка в подвал можно было попасть и более удобным способом, но я не хотел терять время. Я думал, что упаду и сломаю бедро или сразу шею – не самый плохой вариант.

Пол подвала был завален камнями, а стены исписаны похабщиной. Я представил, что мне тридцать с хвостиком, что рядом со мной Макс и он спрашивает: «Пап, а что здесь написано?»

Я остановился, надавив ладонью на грудь, там, где прячется сердце.

Попытался вообразить, каким стал мой сын. Я часто истязал себя подобными мыслями, обматывался ими, как ключей проволокой, и тянул за свободный конец, тянул, тянул, пока оставались силы. После телефонного разговора с

Мариной, когда она сообщила мне о смерти брата, я больше не рисковал. Не звонил, не копался в Сети. Я абсолютно ничего не знал о судьбе своей семьи. О Максе. Ничего. Но пытался взрастить его в своих мыслях, будто гомункула... Я видел, как он идёт в школу, как находит лучшего друга, надёжного, настоящего, каким так и не стал я, как влюбляется, как страдает и радуется, как совершает ошибки и оставляет их за спиной, сделав правильные выводы, как встречает ту единственную... Он мог стать кем угодно – продавцом музыкальных инструментов, инженером, администратором, программистом... кем угодно... но я *видел* Макса другим, тем, кто работает руками весь день, чтобы вечером оказаться дома, рядом с детьми и той самой, единственной, и чувствовать приятную усталость мышц и сладкую истому сердца, а иногда, открывая одну из папок на домашнем компьютере и выводя на экран электронный слепок далёкого прошлого, бросать вороватый взгляд на маленького себя, которого держит на руках отец, я...

Я заплакал. Жалкий, убогий старик в подвале древних руин.

Лучше бы я умер, трагически погиб пятьдесят лет назад, остался в памяти Марины (а после – Макса) не предателем, а...

– Ты всё-таки нашёл *свой* страшный дом, – донеслось из смежного помещения.

Я подумал, что нашёл его давно. Любое место, куда бы я

ни направился после того, как навсегда покинул своего сына, и было *моим* Страшным домом.

И да, я сразу понял, кому принадлежит этот бесцветный голос.

Так я встретил Ненастоящего дядю в четвёртый раз.

* * *

Он не изменился, даже его одежда, исчез только чёрно-белый шарф.

Ненастоящий дядя сидел за старым массивным столом, и его скупающие глаза светились в полутьме помещения, давно потерявшего свою функцию. Он не предложил мне сесть на расположенный напротив стул, и я устроился без приглашения. Старикам не до церемоний.

– Я искал не его, – сказал я. – Я искал тебя.

Он подёрнул плечами.

– Ты зря потратил своё время.

Мне было плевать, что он думает по этому поводу.

– Ты не соврал тогда? – Я подался вперёд, я почти шептал. – Я спас своего сына?

Мне показалось, что он улыбнулся. Рыба, чёртова улыбающаяся рыба.

– Кто знает. Правда, ложь... Я так любил путать, в том числе самого себя, что получал удовольствие от любого предсказания. Мне даже не надо было наблюдать за послед-

ствиями...

Ненастоящий дядя замолчал. Я знал, что он сейчас сделает: опустит веки.

– Скажи мне! Мне надо знать!

– Что это изменит? – бесцветным голосом произнёс он.

Я открыл и закрыл рот, открыл и закрыл. Другая рыба, умирающая на берегу.

– Ты ждёшь чего-то ещё? – спросил Ненастоящий дядя и закрыл глаза.

Я смотрел на его руки, которые он положил на столешницу. Они были старыми, *очень* старыми.

– Новых предсказаний, – кивнул он. – Их не будет. Ничего не будет. – Он помедлил, словно решал, закончил со мной или нет. – И этого всего не было бы, не заговори ты со мной тогда, в крепости.

Я почувствовал, что задыхаюсь.

– Ты... ты реален?

– Для тех, кто сказал мне хоть слово, – да.

В глазах потемнело. Сердце замерло, отдавая болью в левую руку, качнуло, снова замерло. Я достал из кармана пиджака пластиковый футлярчик, открыл его и поднёс к пересохшим губам. Таблетку, способную совладать с прыгнувшим давлением, я выловил языком.

Сказал ли Макс, крутил я в голове лихорадочную мысль, сказал ли Макс что-то Ненастоящему дяде... тогда... в крепости?..

Я вспомнил: сказал. «Здрaсте!» А существо ответило: «Здрaвствуй, мальчик».

* * *

Последнее воспоминание перед расставанием:

Я лежу на правой половине постели и смотрю на сына. Я боюсь его коснуться, поцеловать. Серый силуэт между мной и Мариной. Я боюсь ещё одного тёплого воспоминания. Я думаю только о Максе, на Марину почти не остаётся сил. Я буду безумно скучать по ним обоим, но без него, без моего маленького человечка, я буду умирать каждый день.

Я лежу так до самого утра, смотрю, как он спит, как ворочается и причмокивает губами, а потом беру Макса на руки и переносу в детскую.

А затем ухожу.

Лучше бы мы расстались со слезами, с взаимными обидами... но так... с сердцем, истекающим любовью...

* * *

В дверной проём вбежал светловолосый мальчик, следом, копясь в телефоне, зашла его мамаша.

– Мама, это призрак? – спросил паренёк. Ему было не больше трёх.

Женщина приподняла на лоб гид-очки, глянула на меня с тревогой и неприязнью, взяла ребёнка за плечи и вывела из помещения.

Мне хотелось, чтобы она не увидела меня, как не увидела Ненастоящего дядю. Я хотел и вправду стать призраком, обманом, небылицей.

Я повернул голову – стул по другую сторону стола был пуст. Ненастоящий дядя исчез.

* * *

Я возвращался в разрушенный монастырь ещё несколько раз, но ничего и никого, кроме руин и туристов, там не нашёл. Через неделю я уехал из города.

* * *

Сорок девять лет без сына, только потому, что я поверил сущности, которая, возможно, является плодом моего воображения...

Иногда мне кажется, что я прожил безумную жизнь (большую её часть), испугавшись слов гротескного персонажа, с которым проговорил за всё время не больше часа.

Иногда мне кажется, что я проклял себя и свою семью. Иногда – что я их спас.

Этого ведь достаточно... верно?

№ 6

Солдат с усилием повернул блокирующий маховик, затем отошёл в противоположный конец «приёмного покоя» и замер по стойке смирно у другой двери, менее массивной и надёжной.

Через какое-то время доктор Виль Гур придвинул к себе карточку наблюдения и вписал: *«День № 1. Камера запечатана. Объекты изучают обстановку, беседуют»*. Точно такой же бланк (пока ещё пустой) лежал на столе перед доктором Ренатом Фабишем. Утром все записи перенесут в дневник, на основании которого после заполнят протокол, раздел «Ход эксперимента». Как скоро это случится? Через пять дней? Десять?

Фабиш не писал. Неотрывно смотрел сквозь толстое стекло, будто боялся пропустить что-то важное. Происходящее в камере не располагало к подобному ожиданию. Испытуемые лежали или сидели на кроватях, объекты № 2 и № 5 листали книги. Ничего интересного. Вначале почти всегда так: тишь да гладь.

В «приёмный покой» смотрели окна трёх камер. В просторном помещении находились двое военных и четверо наблюдателей (три врача и психолог), внимание которых было сосредоточено на центральной камере.

Гур рассматривал подопытных – людей в серых робах

с номерами на груди и спине. Объект № 1, бритоголовый, круглолицый, с родинкой над правой бровью, лежал на тонкой жёсткой подстилке, прижав руки к груди. Объект № 2, бородатый, с проседью, похожий на последнего русского царя, листал потрёпанный томик, кажется, Островского. На соседней кровати сидел объект № 3, широкоплечий шатен с выдвинутой вперёд нижней челюстью и узким носом. Рядом, на полу, устроился объект № 4, курчавоволосый, с оттопыренными ушами и мясистыми губами. Испытуемые разговаривали, объект № 3 улыбался неровными зубами. Эта улыбка притягивала взгляд доктора, она походила на смех во время панихиды. Объект № 5 имел вытянутое лицо и близко посаженные к носу глаза. Отложив книгу, он часто тёр кулаком рыжую щетину и поглядывал на дверь.

Помимо кроватей в камере было пять стульев, раковина и туалет – дыра в бетонном полу за невысокой перегородкой. Вдоль левой стены висели стопками книги, стояли коробки с сухим пайком. Запас еды был рассчитан на месяц: галеты, мясные и овощные консервы, концентраты первых и вторых блюд, чай, сахар. Подача к крану кипятка осуществлялась под контролем одного из наблюдателей.

Объекты лежали, сидели, читали, разговаривали.

Пока – рутина.

Гур посмотрел в потолок. Лампы светили с едва различимым электрическим шепотком, щедро и ярко, но казались холодными, как глаза подводных хищников.

Гур моргнул и опустил взгляд. На столе перед ним лежала не карточка наблюдения, а наган, блестящий в свете комнатного прожектора, с цельным затылком рукояти. Над револьвером маячило одутловатое лицо следователя: «Сама знаешь, в чём виновата, рассказывай!» – «У меня давление», – не открывая рта, ответил Гур. «Мы тебе, гадина, такое давление сделаем! К стене прикрутим – глаз, сволочь, неделю не сомкнёшь! Или хочешь в карцер без жёрдочки? Что, забыла уже?» Он не забыл. Помнил несколько ужасных минут в тесном ящике, без света, без понимания, за что, как, навсегда, замуровали? «У, паскуда!» Следователь замахнулся пресс-папье, передумал, швырнул на стол, надвинулся, вытянув руки, словно хотел вцепиться в лицо...

Гур дёрнулся и, моргая, отёр лоб рукавом халата. На белой ткани остались тёмные пятна. Заметил ли кто, что он... отключился?

– Ты как? – спросил Фабиш. Увидел что-то на его лице?

– В порядке.

Коллега кивнул и отвернулся.

Гур глубоко вдохнул, медленно, незаметно. Выдохнул. Сердце успокаивалось. Вдохнул, выдохнул.

Психолог, Виктор Чабров, постукивал по бланку карандашом.

– Уровень потребления кислорода в норме, – объявил Михаил Саверюхин, третий врач смены.

Чтобы объекты не спали, к кислороду, подаваемому в ка-

меру через вентиляционное устройство, подмешивали экспериментальный газ, «вещество № 463», или «будильник», как его называли в группе. В больших дозах «будильник» был токсичен, проверни вентиль до упора – и бесцветное вещество, бегущее по вмонтированной в стену трубе, превратится из стимулятора в палача.

Исследовательскую группу создали для изучения последствий долгого бодрствования. Испытуемым пообещали свободу, если они не заснут в течение тридцати дней. Фабиш нарёк камеру Храмом Бессонницы.

За «приёмным покоем» наблюдал дежурный. Он сидел в отдельной комнате и отвечал за то, чтобы у окон камеры оставалось как минимум два сотрудника, когда другие едят, курят или справляют нужду.

– Как думаешь, когда назад попросятся? – спросил Гур.

Из головы не лезли сроки: сколько выдержат объекты?

– Назад? – шёпотом переспросил сидящий слева Фабиш, высокий и тонкий, точно обкорнанный ствол дерева. – В лубяную приёмную? В лагерь?

Подопытных отобрали из политзаключённых.

– И всё-таки?

Фабиш сосредоточился на окне камеры. Над изголовьями кроватей были установлены микрофоны. Два раза в сутки подопытные должны были докладывать о своём самочувствии.

– Неделя. А что скажет доктор Виль?

– Накину три дня, – ответил Гур.
Ошиблись оба.

* * *

Пройдя длинным безглазым коридором, отделённым от лестницы железной дверью, Гур поднялся наверх, показал охраннику пропуск («Разверните!» – «Конечно») и вышел на улицу.

Через сто метров он по привычке обернулся. Лабораторный комплекс состоял из двух пятиэтажных корпусов, соединённых галереями. Аляповатые козырьки над входами, тёмные окна и двери, гербы на фасадных досках. Здание больше напоминало проектный институт. Для обычных москвичей оно и было проектным институтом. Зайди внутрь – и попадёшь в просторный вестибюль: будка с вахтёром, горшки с кактусами и фикусами, диван у окна, доска почёта с сытыми лицами. Незваные гости случались редко. Видимо, аура.

Метро было рядом, до дома пять остановок, но доктор решил пройтись пешком. По городу катились скинувшие кожуру каштаны, прямо в проворные руки детворы. Пахло близкой грозой.

Комплекс имел два подземных этажа. Камера с политзаключёнными, участвующими в эксперименте со сном, находилась на минус втором. Во время войны в лаборатории

в основном занимались исследованиями токсинов и газов, а также медицинскими экспериментами. Именно здесь Гур пересидел войну.

Отец, гимназический учитель литературы, умер в сороковом от рака. Он одним из первых признал советскую власть и боготворил Ленина, что хорошо иллюстрировало имя сына. Виль – красивое, вёрткое, как движение рыбьего хвоста в воде. Мать, секретарь у детского писателя, умерла в эвакуации, на руках у Любы, сестры Виля: сердце не выдержало жары, голода и поездов.

Он открыл дверь квартиры и спрятал ключ в карман брюк. На площадке шумно остановился лифт, с металлическим треском раздвинулись двери, но Гур уже юркнул в прихожую.

Под ногами повизгивал паркет, будто под отдельными досками застряли отъевшиеся крысы. В комнате сестры горел свет. Гур прошёл коридором в гостиную, включил торшер и сел за круглый стол, покрытый кружевной скатертью. Через пыльный абажур лился тревожный рассеянный свет.

Трёхкомнатная квартира располагалась недалеко от станции метро «Красные ворота». Отец долго работал над дореволюционной атмосферой, суть которой ускользала от Виля. Буфет с ленинградским фарфором (тонкие чайные чашечки звенели звонко и горестно, если их потревожить ложкой), телевизор, картины. Почётное место в комнате занимал книжный шкаф; Гур наткнулся взглядом на томик Островского и

поспешно отвёл глаза.

Он встал, снял пиджак, прошёл на кухню и поставил на огонь чайник.

Два часа спустя Гур лёг на постель. Закрыв глаза, через минуту открыл, встревоженный чем-то ускользяще-назойливым, откинул одеяло и поднялся.

Квартира 마리новалась в темноте. В коридоре Гур понял: дверь в Любину комнату не очерчивал светящийся контур. Он на ощупь добрался до туалета, щёлкнул выключателем и отдёргнул шторку, скрывающую полки за унитазом. Осталась последняя лампочка. Гур прихватил пассатижи – вдруг лопнула колба и придётся повозиться с цоколем.

Не пришлось.

Никелированная заправленная кровать, этажерка, перекинутое через спинку стула тёмно-зелёное платье... Поспешно заменив лампочку, он притворил за собой дверь, глянул на живые жёлтые линии в щелях, кивнул и направился в свою спальню. Пассатижи и картонную упаковку с перегоревшей лампочкой положил на прикроватную тумбочку. Залез под одеяло, вспомнил, что не выключил в туалете свет, но возвращаться не стал.

* * *

Динамики транслировали дикий вопль.

Орал объект № 2. Испытуемый носился по камере и кри-

чал, не от страха или боли – так, как кричат сумасшедшие. Голос возрастал до громогласного рёва, на мгновение спадал в жалобный скулёж и тут же снова усиливался. В бороде заключённого блестели кровавые проплешины, лицо «русского царя» побелело, огромные глаза напоминали рыбы пузыри – ещё чуть-чуть, и вывалятся на щёки. Пол устилали страницы из растерзанного томика Островского.

Представление длилось без малого три часа.

Виль Гур пробежал глазами по записям в карточке наблюдения: *«День № 10. Объекты по-прежнему находятся в состоянии тяжёлой паранойи... 11.23. Объект № 2 без видимых на то причин истошно завопил, вскочил с кровати и принялся бегать по камере... 12.30. Объект № 2 не останавливается: мечется от стены к стене, кричит. Остальные объекты безостановочно шепчут в микрофоны...»*

За спинами наблюдателей открылась дверь, стоящие по обе её стороны военные отреагировали на вошедшего доктора Саверюхина одними глазами. Саверюхин поставил на стол стакан с бледно-жёлтой жидкостью, в которой плавали кусочки чайных листьев, и, глядя в окно камеры, невесело улыбнулся.

– Долго он.

– Долго, – подтвердил психолог Чабров.

– Этот рёв действует на нервы, – ворчливо заметил Саверюхин, словно другие получали от происходящего за десятисантиметровым стеклом наслаждение. – Можно ещё тише?

Доктор Фабиш прикрутил громкость.

– Не настолько же, – сказал Чабров, поправляя очки. – Ничего не слышно.

Фабиш добавил громкости. В динамиках шуршали лишь голоса объектов № 1, № 3, № 4, № 5: докладывали на товарищей. Объект № 2 припадочно рикошетил от стен Храма Бессонницы, его красное лицо окончательно уродовал перекошенный в крике рот, но самого крика не было. Точнее был – немой.

– Порвал голосовые связки, – сказал Фабиш. – Концерт закончен.

Гур кивнул, думая о том, что во время войны в центральную камеру подавали токсин. Голые стены – ни кроватей, ни стульев, ни раковины, ни микрофонов. Пленные в клубах жёлто-зелёного газа.

Он хотел записать о том, что объект № 2 повредил голосовые связки, но стержень, как и голос подопытного, закончился. Гур стал раскручивать ручку. Глаза неотрывно следили за камерой.

Через динамики в «приёмный покой» снова хлынул крик. – Смена солиста, – сказал Фабиш.

Гур бросил на него косой взгляд.

Примеру объекта № 2 последовал объект № 4. Лопухий испытуемый взобрался с ногами на кровать, коршуном навис над микрофоном, вцепился ногтями в щёки и испустил страшный вопль. Мясистые губы затряслись. Затем объект

№ 4 прыгнул на пол и закружил по камере, странным образом не сталкиваясь с онемевшим товарищем. Он хватал книги, подносил к лицу и кричал в обложки, будто в лица прохожих...

Вот оно как пошло, отстранённо подумал Гур.

Вначале объекты вели себя повседневно, спокойно. Общались, читали книги, совместно принимали пищу. На третий бессонный день в разговоры стали проникать мрачные нотки: делились неприятными воспоминаниями, перекидывались пессимистичными размышлениями. Ничего из ряда вон – не на курорт попали.

На пятый день подопытные прекратили контакты друг с другом. Депрессию утяжелила паранойя. Прилипнув к микрофонам, объекты изливали жалобы на жизнь, шептали о предтечах их заключения, стучали на сокамерников. «Умственное безумие», как называли паранойю психиатры девятнадцатого века, нарастало. Саверюхин первым высказал предположение, что причина в воздействии «вещества № 463», газа-стимулятора. Чабров охарактеризовал такое поведение испытуемых как странное и нетипичное. Доктора согласились: необычный, мягко говоря, способ расположения к себе экспериментаторов.

Когда начал кричать объект № 2, остальные заключённые обратили на это не больше внимания, чем на ползущую по стене муху.

Рёв объекта № 4 перешёл в жуткий, лишённый эмоций

смех.

– Что-то новое, – с присущим ему угрюмым сарказмом заметил Фабиш. – Как вам этот смех, коллеги?

– Не привыкать, – равнодушно пожал плечами Саверюхин, но в движении проскользнуло беспокойство. – Сломались ребята.

– Газ доконал, – сказал Гур.

– Ждём скорого визита начальства, – произнёс Чабров.

Над сотрудниками стоял профессор Хасанов, руководитель лабораторного комплекса, но, по сути, экспериментом заправлял низкорослый, рыхлоносый, вечно хмурый командир из энкэвэдэшников. Исследование финансировали военные. За все десять дней в смену Гура профессор и командир появлялись в «приёмном покое» по разу.

Объект № 4 вцепился в края раковины и заливался пустым хохотом. Объект № 2 стоял перед окном и, закинув лицо к потолку, беззвучно кричал сорванным горлом. Объекты № 1, № 3 и № 5 сгорбленно шептали в микрофоны...

А потом что-то случилось и с ними.

Гур как раз смотрел на объект № 3, на механические движения его выпирающей челюсти, когда испытуемый упал с кровати, будто кто-то схватил его за лодыжку и рванул вниз.

Он не издал ни звука. Рухнул на пол. Поднялся. Выпученные страшные глаза, ширящийся провал рта.

Объекты № 1 и № 5 стояли у своих металлических кроватей. Гур не видел, как они падали и поднимались, но не был

уверен, что этого не случилось.

– Что за... – вырвалось у Фабиша.

За спинами учёных задвигались солдаты – заглядывали поверх голов в камеру.

Гур не сразу осознал, что крики и смех прекратились. В Храме Бессонницы кипела бурная безмолвная деятельность. Впервые за неделю подопытные объединились с некой целью, суть которой стала известна довольно скоро.

– Они что... хотят залепить окно? – сказал Чабров.

Саверюхин кивнул.

– Вот гады.

Объекты вырывали из книг листы, жевали и клеили на стекло. Замазка из слюны и бумаги. Через полчаса смотреть стало не на что.

Камера ослепла.

* * *

У прилавка раздаточной невкусно пахло жареными котлетами и яблочным компотом. Долговязый повар с потным лицом шлёпнул в тарелку Гура три тефтели и комок вермишели, который полил коричневым соусом. Фабиш передал коллеге стакан бурого компота.

Ожидая, когда обновят ёмкость с чистыми вилками, Гур смотрел на покачивающиеся под потолком липучки. Размышлял, шевелятся ли ленты от сквозняка или из-за обре-

чѐнного усердия мух. Подносы с грязной посудой уползали во чрево кухни. Гур заметил таракана, спешащего в противоход движущейся резине.

– Для чего нужны сны? – Чабров поставил поднос на шаткий стол, отодвинул стул и сел.

– Ты у нас психолог, – ответил Гур, зная, что Чаброву не нужен ответ, нужны уши.

– Правильно. Чтобы дополнять и компенсировать. А если этого не происходит? Если покаяние или угрызение совести не находят дорогу в сновидение? Правильно. Конфликт не устраняется. Напряжение растёт.

– Ты это к чему?

– Надоело всё валить на «будильник». Слишком просто.

В столовой приглушенно звучали голоса сотрудников, впитывались в бетонные стены. Многих Гур видел впервые. В оконных провалах чернели железные решётки.

Чабров оторвался от тарелки.

– Слушай, а почему всё-таки «будильник»?

– Что?.. – не сразу понял Гур. – А-а, газ. Ты ведь знаешь.

– Да ты подумай. Будильник – будит. А разбудить можно только спящего. А наши... ну, эти... не спят. Им нельзя спать.

– И чего?

– Да ничего. – Чабров будто смутился, помешал ложкой остатки супа. – Один дурак ляпнул, другие подхватили. Неправильно назвали.

– А как правильно? Что не даёт людям спать?

Гуру действительно стало интересно. Чабров подёрнул плечами.

– Смерть?

* * *

Камера безмолвствовала трое суток. Залепленное бумажным мякишем окно, выкрученная на максимум громкость.

И ни единого звука.

Изменялся только уровень потребления объектами кислорода. Он рос. Согласно цифрам, пятеро подопытных активно занимались физической деятельностью.

* * *

После смены, перед свиданием с пустой квартирой, Виль Гур решил прогуляться. В метро на него накатила сонливость. В гроыхающем, раздёрганном тенями перегоне он закрыл глаза – а открыл в клопяном боксе.

Электрический свет – резкий, оглушительный в дощатой тесноте – воспалил веки. Гур застонал. Яркая лампочка покачивалась перед лицом куском раскалённого железа. Глаза пересохли, разум мутился, тело сотрясал озноб. Со стен и потолка сыпались сотни, тысячи клопов; голодные крово-

пийцы впивались в кожу. Гур задыхался от ужасной вони. Хотел стряхнуть, раздавить кусачих насекомых, но не слушались ослабевшие руки. Сколько часов... дней... он провёл в этом ящике? Надо спросить, кого угодно: надзирателя, клопов, ослепляющий свет... Распухший от жажды язык царапал нёбо, щёки... не язык, а ёж... Гур сглотнул – горло спазматически сжалось – и закашлялся...

Вагон замер, доктор встал, будто оглушённый, вывалился в открытые двери и, продолжая кашлять в кулак и жмуриться от призрака яркой лампочки, поплёлся за серыми спинами. Главное – вверх, на воздух.

Над Тургеневской площадью висел тёплый день.

Гур перекинулся парочкой слов с мороженщицей в нарукавниках и белом фартуке, испачканном под левой грудью красными пятнышками – варенье? кровь? – и отошёл от лотка со сливочным пломбиром. По плитке расхаживали воробьи. Откусывая и слизывая, Гур направился к трамвайной остановке, но его задержал крик.

Кричала девушка в лёгком платье с рукавами-фонариками, светло-сером в чёрный горошек. Она показалась Гуру красивой, даже в своём яростном отчаянии – вцепившись в фонарный столб, девушка орала:

– Нет! Убивают! Люди! Люди! Помогите! Убивают!

Рядом с фонарём сконфуженно переглядывались двое, молодой и постарше, в застёгнутых на все пуговицы пиджаках. Старший что-то сказал молодому, тот повернулся к де-

вушке и сказал (Гур прочитал по губам): «Пройдёмте, всего на минутку». Потом протянул руку. Девушка отдёрнула локоть, вжалась в столб и заверещала пуще прежнего.

Собиралась толпа. Это удивило Гура больше всего. Не все прошмыгнули мимо, не все опустили глаза... да, были и такие, и много, но – толпа, толпа. Он уже почти не видел девушку из-за спин зевак. Зато видел, как торопливо отступали двое в пиджаках, не озираясь, уже не переглядываясь. Видел, как уезжала от площади чёрная «Победа».

Перед тем, как захлопнуть пассажирскую дверь, молодой всё-таки обернулся, но глянул не на девушку у столба, а почему-то на Гура. Тот растерялся, задёргался, пошёл прочь.

Рука была липкой от потёкшего мороженого.

Размякший стаканчик он выбросил в урну за углом почтамта.

* * *

– Ладно, – согласился профессор Хасанов утром четырнадцатого дня эксперимента. – Открываем.

Солдаты повернулись к командиру. Приземистый энкавэдэшник сделал небрежный знак рукой: по моей команде.

– Как думаешь, живы? – шёпотом спросил Фабиш.

Гур пожал плечами. На лице Фабиша проснулось азартное выражение.

– Ставлю на то, что хоть один в коме.

– Ты нормальный? – Гур слабо толкнул коллегу локтем.

На них покосился командир, между большим рыхлым носом и козырьком фуражки прятались цепкие красные глаза. Военный медленно вытер ладонь о гимнастёрку, как бы невзначай коснулся кобуры, затем повернулся к залепленному бумагой окну и, навалившись на стол, отчеканил в микрофон:

– Внимание. Через минуту дверь будет открыта, в камеру зайдут специалисты для проверки микрофонов. Внимание. Отойдите к дальней от двери стене и лягте на пол между кроватями. Те, кто не подчинится, будут застрелены. Одного из тех, кто пойдёт на сотрудничество, мы освободим.

Командир отпустил кнопку, и в «приёмном покое» воцарилась вязкая тишина. Учёные и военные пялились в слепое окно Храма Бессонницы, будто на серый занавес, который вот-вот разойдётся.

Динамик ожил ровно на четыре секунды.

Им ответили.

– Что... что он сказал? – залепетал Фабиш.

Ты прекрасно слышал, что он сказал, подумал Гур, и уже не забудешь ни этого глубокого, абсолютно пустого голоса, ни самих слов. Не забудешь никогда, как и я.

У Гура перехватило дыхание. По коже продрал мороз.

Смысл услышанного прятался за тенью рассудка, в опасной близости от безумного осознания, и был лишь один способ постичь услышанное – продавить лицо сквозь острые

пругья и осмотреться слепыми рубцами, вращающимися в кровоточащих глазницах.

Всего четыре слова, от которых теперь придётся воротить внутренний взгляд, как от разлагающегося трупа. Если получится...

У Гура, здесь и сейчас, не получилось.

– Нам нужна другая свобода, – вот что ответил динамик.

И ещё раз, и ещё – уже в голове доктора.

* * *

Камера молчала. Вопросы оставались без ответов.

После часового совещания, под властный аккомпанемент хромовых ботинок (энкавэдэшник мерял шагами помещение), решили открыть камеру завтра, предварительно выведя из неё газ-стимулятор.

* * *

Не вытирая сапог, оперативники прошли в комнату Любы. За ними семенил понятой, пришибленный ночной побудкой сосед. Пожилой еврей загнанно пялился в пол. Гур безуспешно пытался поймать его взгляд. Спросить чекистов, которые уже рылись в комнате сестры, он не решался. Стоял в коридоре, хлопая глазами и ртом.

Энкавэдэшников было трое, молодые, наглые. Они перевернули постель, выпотрошили комод и шкаф. Вытряхивали, рассыпали, сбрасывали. Под сапогами хрустело.

– Я-а? – спросила Люба, но на большее её не хватило.

Широко открытыми, застывшими глазами она смотрела, как чекист с жиденькими усиками листает её интимный дневник. Враждебный взгляд шарил по сокровенным строкам.

– Поедете с нами, – бросил тот, с усиками.

Сестра опустилась на корточки у буфета. Гур попытался успокоить, как мог, потом достал из антресоли чемодан и стал наполнять его, руки тряслись: кусок мыла, что-то из еды, тёплые носки, бельё, что ещё?.. а что можно *туда*? что лучше?

– Не надо ничего, – соврал с привычной скукой оперативник. – Накормят, обогреют.

Сосед, с которым Гур неожиданно встретился глазами, косился с жалобным выражением, будто второй раз на дню пришёл за солью. Позже Гур часто представлял это лицо за толстым стеклом исследовательской камеры лаборатории или в застенках НКВД.

Затем Любу увели.

Он обивал пороги, мямлил у крошечных окошек, за которыми – в немислимой глубине – кто-то сидел и что-то отвечал. Удалось пробиться на приём к замнаркому, отведать сладкого чая и невнятных обещаний. Найденный на обыске

дневник предъявили как доказательство близкой дружбы с иностранным агентом. Заклеймили «невестой интернационала». У Любы и вправду был знакомый француз, но они и виделись-то от силы два-три раза в общей компании...

Гур отстаивал очереди, носил передачи, которые молча брали (получала ли их сестра?). В то, что дело Любы прояснится, он не верил. Ему стал сниться следователь с лицом молодого усатенького чекиста, который бьёт сестру в зубы, а потом смеётся над её телом...

Что у неё было на душе, когда везли на Лубянку, когда всё вилось вокруг удушливого «за что?» Может, облегчение? Уже не надо ждать, что придут... Нет, Люба так не жила! Это он о своей душевной слабости... И чего они медлят с ним, раз её взяли, уж его найдётся за что... чего медлят?..

Гур одёрнул себя: нашёл время вспоминать.

В «приёмном покое» толпились военные и учёные; от командира разило табаком и одеколоном.

Храм Бессонницы подвергся надругательству: в камеру закачивали свежий воздух.

Всхлипнул динамик, затих.

– Верните газ, – взмолился шипящий голос, – верните... газ...

Гур отметил, как дёрнулся кадык профессора. Как переглянулись солдаты.

– Нам... нельзя... спать...

Кому из объектов принадлежал голос, в котором однове-

менно слышалась просьба и угроза? Доктор не знал.

– Открыть дверь! – приказал командир. Никаких предупреждений и обещаний.

Солдат взялся за маховик, и в этот момент в камере начали кричать. Надсадно, по-звериному. Гур представил огромную глотку – туннель для бездушного вопля.

Железная дверь открылась, и крик выплеснулся в «приёмный покой».

Гур попытался заглянуть внутрь камеры, но в щелях между спинами военных рассмотрел лишь тёмный блестящий пол, который казался... подвижным, живым.

Отперший камеру солдат шагнул внутрь – Гур услышал вязкий всплеск, – но тут же шарахнулся назад. Кажется, солдат закричал, но полной уверенности у доктора не было. Рёв нарастал.

В камеру заглянул другой солдат, тоже отшатнулся, согнулся пополам, и его вывернуло на собственные сапоги.

Командир выхватил из кобуры наган. На лице энкавэдэшника не дрогнул ни один мускул.

Гур оттолкнул застывшего истуканом Фабиша, шагнул вперёд. И увидел...

...обнажённого человека.

Обнажённого до мышц и костей алого человека. Объект № 5 сидел на полу, откинувшись на спинку кровати. Сквозь рёбра, с которых свисали клочья кожи и мышц, просматривались лёгкие. Рёбра раздвигались и сходились – заклю-

чёрный дышал. Кишечник, будто живое существо, выполз наружу. На коленях и вокруг ног лежали внутренние органы: дольки печени, желудок, поджелудочная железа, почки, жёлчный пузырь, селезёнка... Органы были целы, как и кровеносные сосуды, они... они... просто лежали рядом.

Они работают, понял Гур, Господи, они ещё работают. Стенки кишечника и сфинктеры пищеварительного тракта сокращались. Что алый человек переваривал?

Доктор знал ответ. Не хотел, но знал.

Подопытный переваривал себя. Глотал сорванное с собственных костей мясо, вращал дикими глазами и кричал. Лицо объекта № 5 вздулось, словно под кожу закачали воду.

Гур поплыл. Он не подумал, что теряет сознание, проскочила другая мысль: «Кровь, сколько там крови». Камеру затопило густой тёмно-красной, почти чёрной жидкостью, в которой плавали обрывки одежды и куски плоти, и лишь пятнадцатисантиметровый порог не давал ей перелиться в «приёмный покой».

Прежде чем отключиться, Гур подумал о забитых дренажных отверстиях... о том, чем они забиты...

* * *

– Что... что случилось?

Над Гуром висело бледное угловато-костистое лицо Фабиша. Доктор нервно курил.

– Много дерьма случилось, – сказал коллега.

– Где я?

– Где-где, в партбюро. – Фабиш усмехнулся, на лоб Гура планировали чешуйки пепла. – Нашатырь повторить?

Так вот чем здесь пахло... Гур покачал тяжёлой головой и сел на койке.

– А где... объекты?

– Оперируют. – Фабиш опустился рядом; сигарета в одной руке, вскрытая ампула в другой. – Чёрт, Виль, там такое...

– Ну? – слабо подтолкнул к откровению Гур. Если бы он мог избежать подробностей, так бы и сделал.

Фабиш рассказал.

Когда солдаты решились (под дулом командирского нагана) войти в камеру, то обнаружили четырёх безумцев. Объекты № 1, № 2, № 3 и № 5 были живы, хотя... как назвать это жизнью?

Испытуемые не притрагивались к еде с шестого дня эксперимента. Коробки с пайком размокли от крови и телесных выделений. Сливные отверстия были забиты – заткнуты! – частями тела объекта № 4. Не церемонились заключённые и с собственными телами: вырванные куски мяса и мышц, выпотрошенные брюшные полости.

– Они сделали это сами, Виль, понимаешь. Не только зубами, но и пальцами... Ты бы видел, что осталось от их пальцев...

В истерзанных грудных клетках бились сердца, сжима-

лись диафрагмы, заставляя расширяться лёгкие, а всё, что ниже, безумцы вынули и разложили на полу, как ритуальные амулеты.

– Они кричали, чтобы им вернули газ... а когда военные попытались их вынести...

* * *

В затопленную камеру входили фигуры в противогазах. Солдат остановился в метре от подобия человека, окровавленного, орущего, и сделал знак товарищу: хватай за ноги. Когда солдат снова повернулся к безумцу, тот распрямился, как пружина, и бросился на него. Вонзил в грудь обглоданные до костей пальцы, вцепился зубами в шею под резиновой маской противогаза.

Солдат успел вскрикнуть. Раз, и только.

Его развернуло, он ухватился за спинку кровати, захрипел – кровь выплеснулась из горла в шланг, – затем рухнул замертво.

– Верните нам газ! – кричали существа.

– Верните!

– Нам!

– Газ!

Кричала камера.

От шока у вошедшего следом солдата подёргивались глаза, будто пытались стряхнуть увиденное. Он приблизился к

твари, перегрызшей горло его товарищу, и саданул прикладом автомата в липкий от крови затылок. Схватил за волосы и потащил к двери. Оплывшее лицо верещало. Солдат наступил на что-то скользкое и податливое, лопнувшее под сапогом. Багрово-серые змеи, свисающие из-под рёбер, натянулись – существо выгнулось дугой...

Перед глазами плыло. Стёкла противогаза запотели. Солдат почти не мог разобрать того, что происходит в камере, но, судя по крикам, подопытные бешено сопротивлялись.

Раздался выстрел. Следом крик: «Они нужны живыми!»
Верните им, незакончено подумал солдат.

Каким-то чудом его спина нашла дверной проём, провалилась в спасительный прямоугольник, каблук зацепился за порог, и солдат выпал из уродливого жёлчно-пряного ада в «приёмный покой»...

* * *

– Носатый потерял двоих. – «Носатым» Фабиш называл командира. – Одному перегрызли горло, второму откусили яички...

– Что? – опешил Гур.

– То самое.

За матовым стеклом мелькали тени. Гур понял, что находится в одной из больничных палат комплекса, куда помещали пострадавших испытуемых (конечно, если сам экспе-

римент изначально не предполагал травмы или смерть – для таких исследований годились приговорённые к высшей мере).

– Что с объектами?

Фабиш бросил окурок на пол и растоптал.

– Четвёртого разобрали на куски свои же после того, как залепили окна. Третьего застрелили. Первый умер в приёмном покое от потери крови – когда вытаскивали, наступили на селезёнку... Ему вкололи успокаивающее, но морфин его не брал... десятикратная доза... а, как тебе? А как он вырывался! Зверьё раненое так не дерётся... Саверюхину руку сломали, а, может, и пару рёбер... А его сердце...

– Саверюхина?

– Да нет. Первого. Оно не билось две или три минуты, а он всё равно брыкался, повторял одно и то же... три минуты... Да у него крови меньше, чем воздуха, в сосудах было!..

Гур поскрёб языком пересохшее нёбо.

– Что он повторял?

– Что, что... – Фабиш отвёл глаза. – «Ещё» он повторял. «Ещё, ещё, ещё, ещё» – как заведённый.

Фабиш то и дело посматривал на желтоватое пятно коридора за толстым стеклом двери. Он пришёл меня навестить, подумал Гур, а потом... потом запрет дверь с той стороны, а я останусь здесь. Он знал, что это не так, но червяк страха уже ползал внутри грудной клетки.

– Остальных, второго и пятого, связали. – Фабиш кивнул

на стену: – Сейчас оперируют.

– Сколько я провалялся? – спросил Гур.

– До-олго. Даже завидно. На хрена такое видеть.

В стекло постучали. Фабиш без объяснений выскочил за дверь.

Гур опустил взгляд на разлетевшиеся по полу осколки капсулы. Потом посмотрел на дверь. Он действительно слышал щелчок?

Он сглотнул и медленно поднялся с койки. В ногах и руках ощущалось покалывающее онемение, сознание путалось.

Одноместная палата-камера вмещала лишь койку с привинченной к полу тумбочкой, до двери – каких-то два метра... которые показались Гуру ужасно длинными. Он положил вспотевшую ладонь на ручку и замер.

Заперто, мысленно предупредил себя доктор и повернул ручку.

Дверь открылась в широкий больничный коридор.

Сердце безмолвно надсаживалось в груди. Гур вышел из палаты.

В конце коридора, слева от двустворчатых дверей в операционную, курили две медсестры. Белые, заляпанные красным халаты, повязки и шапочки. Разве что перчатки сняли.

Гур сделал несколько ватных шажков и опустился на лавку. От белизны стен рябило в глазах. Сизые, почти невидимые клочки сигаретного дыма щекотали горло.

– Он улыбнулся, ты видела, он мне улыбнулся... – говори-

ла крупная медсестра с выбившейся из-под шапочки русой прядью. – Вот прямо в глаза посмотрел и улыбнулся.

– Жутко, – отвечала вторая, статная, бледная. – Да как он вообще жив-то остался?

– И не говори. Ведь по живому резали...

– Пять часов без анестезии, пока назад всё запихали... а ещё улыбается...

– А что тот немой написал, видела? Когда бумажку с ручкой попросил?

Немой, подумал Гур. Значит, объект № 2.

– Не видела, но Басов шепнул...

– И?

Гур напряг слух. Медсёстры ни разу не взглянули на него, словно из палаты выбрался не человек, а призрак.

– Немой написал... – Статная да бледная глубоко затянулась, пустила дым в потолок. – «Продолжайте резать».

Потолочные лампы погасли.

Свет падал лишь через косые прутья, перекрещенные на окне коридорной стороны вагона. Полусидя на багажной полке арестантского купе, Гур пялился в слепое обрешеченное оконце. Со скрежетом скользнула по направляющим железная рама – закрыли дверь. Слева стонала старуха. Купе шевелилось, тяжело дышало, кашляло. Зечки (в основном старухи) перемешались с вещами. Каждый кубический дециметр воздуха между головами, плечами и ногами заполнен, использован. Не люди, а уложенные трупы.

– Как вам не стыдно! – раздалось со средней полки. – Нельзя так людей везти! Это же матери ваши!

Конвоир подошёл к решётке. Гур смотрел на него сверху вниз.

– В карцер троих могу, – сказал конвоир.

– Так сажай! Поспят хоть!

Конвоир нащупал на поясе связку ключей и...

* * *

...закрыв дверь центральной камеры.

Командир поднял руку. От «приёмного покоя» его отделяло десятисантиметровое стекло.

– Пустить газ, – сказал профессор Хасанов.

Гур протёр глаза. Он не спал больше суток – реальность играла с ним в дурную игру: путала, затемняла, ускользала.

Объекты № 2 и № 5 вернули в Храм Бессонницы. Операции прошли тяжело. Испытуемые бились в ремнях, почти не реагировали на анестетик, просили включить стимулирующий газ. Сломанные в борьбе или усилием мышц кости, разорванные сухожилия, увеличенный (в три раза от нормы) уровень кислорода в крови. Внутренние органы вправляли в брюшную полость без анестезии. Успокоить безумцев смогли лишь заверения о скорой подаче газа. Пока снимали электроэнцефалограмму, объекты лежали с приподнятыми над подушкой головами и часто моргали. ЭЭГ показала проме-

жутки пустоты, словно мозг испытуемых на какое-то время умирал, снова и снова.

При каждом заключённом в камеру осталось по доктору. Басов и Мгеладзе – из второй смены. Командир загнал их туда под дулом револьвера. Остался внутри и сам. Электроэнцефалографы установили возле кроватей.

Комиссия жадно – испуг пополам с любопытством – вглядывалась в смотровое окно.

– Это не люди, – прошептал Фабиш. – Уже нет.

Гур сонно кивнул.

Там, в другом мире, командир навис над кроватью с объектом № 5.

– Зачем вы сделали это с собой? Отвечай!

– Нам нельзя засыпать. Вам нельзя засыпать. Когда вы спите – вы забываете.

– Кто вы такие? Кто вы на самом деле? Я должен знать!

Из глаз подопытного глянуло нечто заостренное, безразличное ко всему живому и от этого истинно опасное – проглотит, не заметит. Существо на кровати улыбнулось.

– Видишь, ты забыл, – бесцветно произнесло оно. – Так быстро.

– Забыл – что? Отвечай!

– Мы – это безумие, серое, бесконечно длинное. Оно прячется в вашем разуме, ищет выход. Не противься своей животной глубине, человек. Мы – то, чего вы боитесь, от чего бежите каждую ночь, что стараетесь усыпить, скрыть, сгно-

ить в камерах сознания. – Тварь хрипло, злорадно засмеялась. – Мы – это вы!

Командир отшатнулся от этого крика, будто ему в лицо угодил ядовитый плевок.

– Мы – это вы!

В этот момент доктор Мгеладзе выхватил из открытой кобуры энкавэдэшника наган и выстрелил командиру в живот. Глаза Мгеладзе были пусты, выжжены, лицо неподвижно. Командир сполз по стеклу.

– Нет... – выдохнул динамик: то ли ответ существу, то ли отрицание подступившей смерти.

Гур зажмурился до чёрных вспышек. Открыл глаза.

Бросившийся к двери солдат схватил маховик, но открывать не стал – замер, словно игрушка с закончившимся заводом. Ждал приказа.

Подняв руки и мотая головой, Басов вжался в угол камеры. Губы доктора мелко дрожали, лицо выражало мольбу.

Мгеладзе перевёл пистолет на кровать с объектом № 2, которому удалось вызволить правую руку и засунуть пальцы под веки, и снова нажал на спусковой крючок. Револьвер харкнул красной вспышкой. Над грудью немого взметнулся скупой фонтанчик крови, тело дёрнулось в ремнях, отвечая на предсмертное напряжение, и обмякло. Мгеладзе прицелился в объект № 5.

– Убирайся обратно, – сказал доктор. По его непроницаемому лицу, по синим щекам текли слёзы.

Он выстрелил. Прямо в сердце.

Существо приняло пулю с улыбкой. С затухающим хрипом:

– Близко... так близко... к свободе...

Глаза испытуемого закатились. ЭЭГ оборвалась.

Гур открыл рот, и ему удалось вобрать в лёгкие немного воздуха.

* * *

– Ты ведь думал о том, что с ними произошло? – спросил Гур.

Чабров безрадостно усмехнулся, будто ему дали под дых. На тонкой переносице покосились очки.

– Шутишь? Хотел бы я думать о чём-нибудь другом. – Психолог поднял стакан с яблочным компотом, глотнул и облизал губы. – Яд – вот в чём дело.

Гур прищурился. По его ноге кто-то ползал, возможно, таракан, возможно, даже тот самый бегун по резиновой ленте кухонного транспортёра.

– Яд реальности, – пояснил Чабров, – бодрствования. Есть одна теория. Когда мы спим, наш мозг работает активнее. Почему? Хороший вопрос?.. Вот и я себя спросил – почему? Может, мозг подчищает за реальностью, выводит из головы все накопившиеся за день яды, а? И если долго не спать...

– Произойдёт отравление, – закончил Гур.

– Схватываешь на лету, Виль, – кивнул Чабров и полез пальцами в стакан. – Отправление, галлюцинация, безумие... Что такое безумие? Игра немых зеркал, в которых теряется человек.

Чабров выудил розовую дольку, кинул в рот и обсосал пальцы. Гур рассеянно смотрел на психолога. Почему я хожу в столовую только с ним? Никогда с Фабишем или Саверюхиным. Это ведь странно. Или нет? Он немного подумал об этом, а потом решился озвучить свою теорию:

– А может, без сна объекты стали заметными.

– Для кого?

– Для тех, кому были нужны спящими, кто питался ими... всеми нами, когда мы спим.

Чабров издал короткий смешок.

– Как яблоками? – спросил он, снова запуская пальцы в стакан.

* * *

Люба не вернётся. Гур знал это, как знают по первым каплям о дожде. Обратного пути нет, никто не спохватится, чтобы исправить ужасное недоразумение. Не оправдают, не отпустят. Он не ждал ничего хорошего и до этого – после войны брали с новой силой, исчезали коллеги и соседи, – а уж после ареста сестры – и подавно. Всё решено, выбор сделан, жертвы обречены; аресты неким органичным образом про-

израстали из послевоенной почвы. Оставался лишь крошечный вопрос: когда придут за ним?

Слухи о том, что делали с арестованными, изводили Гура. Клетки с гвоздями, пытки водой, светом, клопами... поговаривали, что заключённым не давали спать – от этой мысли его гадко трясло. Перед внутренним взором вставал жуткий чёрный погреб, куда сволакивали всех и каждого без разумного обоснования...

Люба работала в машбюро при Академии художеств. Слушала музыку, читала книги, встречалась с друзьями, заставляла брата делать уборку. А потом за ней пришли...

Гур стоял на ступенях и испытывал жгучее желание бежать. Бежать подальше от этого места. Он обернулся на мрачное здание, нависшее над Лубянской площадью, и умоляюще глянул на парадные двери.

Передачу не приняли. Что это значило? Надежды нет? Люба... мертва?

Домой возвращался пешком. За глазами что-то дрожало, щипало язык.

Начинался дождь, асфальт темнел от капель, мимо проезжали трамваи, люди сбегались к станциям метро... Почтамт, булочная, новые здания вместо разрушенных, карета «скорой помощи», синяя «Победа», постовой-регулирующий...

Что я могу сделать, думал он, подсознательно оправдываясь в бездействии, да ничего не могу. Знакомств в самом верху не имею, а если б и имел...

На пороге квартиры он замер с ключом в руке. Ему показалось, что за дверью кто-то стоит. Он прислушался. Бешено билось сердце. Открыл замок, распахнул.

Никого.

Не раздеваясь, Гур лёг на кровать. Его сковало послушное, безнадёжное ожидание. Мыслей не было.

За окном громко, хмельно кричали.

* * *

Гробы в оплавленных дождём ямах. Чёрная грязь на лопате, которую он держал в руках, в грязных тонких руках, в грязных тонких руках с клеймом лагерного номера.

Видение было пронзительно ясным. Тошнотворно живым. Он не знал, что оно значит. Не хотел знать.

Гур набрал на лопату земли и сбросил в яму. Комья глухо ударили о крышку гроба. Нагрузил, кинул. Поёжился от звука. Набрал, сбросил. Зачем гробы? С каких пор зеков хоронят в гробах? Он распрямился и глянул в серое низкое небо. Не делай этого, пожалуйста... просто закидай землёй. Он оглянулся – надзиратель занят папиросой. Виль присел у края могилы и спрыгнул вниз. Доски поддались легко, словно гробу не терпелось поделиться своей тайной...

Перед ним открылся маленький ад. Гниющее тело молодой женщины, узкий череп с ровно отпиленной верхней частью. Он протянул руку (нет, пожалуйста), и крышка черепа

отпала, обнажая остатки мозга. Женщине выстрелили в лоб, а потом вскрыли голову.

Он встал во весь рост и посмотрел из ямы на большое здание медицинской части. Чему учились эти... врачи? Что искали в головах заключённых?

Затем обернулся в сторону какого-то движения и увидел летящий в лицо приклад винтовки.

Взрыв.

Белые искры, чёрные искры.

Пробуждение? Нырок?

За стеной кто-то ползал. Там – в комнате Любы.

Серое, безгранично длинное. Так значилось в отчётах. Так сказал объект № 5. Гур два или три раза обсуждал это с Чабровым; психолог использовал словосочетание «серая явь» или «серый червь». Виль не помнил, кто первым сравнил «расстройства сна» с некой сущностью. Про себя Гур называл порождаемый бессонницей кошмар – Серой Бесконечной Тварью.

Серая Бесконечная Тварь была здесь с того дня, как забрали Любу. Она струилась в межстенье, кольцо поверх кольца, пепельные бока тёрлись о сырой кирпичный испод, шелушивая мёртвую чешую бесцельных дней. А он задыхался. Тварь ждала, караулила, когда он оглянется и увидит её хвост, след собственного беспомощного одиночества, и тогда – прыжок, укус.

Но он ведь спит... мало, но спит... как она нашла его?..

Уходи! Убирайся!

Он почти видел её, скользкую, алчную, надавливающую на плеву сна бесформенной, постоянно содрогающейся мордой...

Вон! Пошла вон!

– Я – не ты!

* * *

Он хотел поговорить с Фабишем, но того увезли в психиатрическую больницу.

Фабиш жил в дореволюционной современной трёхэтажке, за авторством, кажется, Шехтеля, с внутренним лифтом, широкими лестницами и высокими потолками; советская власть поделила доходный дом на коммуналки. Спустя какое-то время после окончания эксперимента со сном Фабиш стал вести себя странно. Звонил ночью в квартиры соседей и шептал в замочные скважины: «Я понял... Христос и Лазарь... Она воскрешает нас каждый раз, как Христос Лазаря, только не на четвёртый день, а сразу... пожирает и воскрешает, чтобы питаться снова и снова... Мы не помним своих смертей, когда просыпаемся... мы все мертвы, мертвы с момента своего первого сна в утробе мёртвой матери... гнилое мясо, воскрешённое её дыханием... мы должны сгнить окончательно, освободиться, выбраться из головы мёртвого бога... не спать...» Об этом Гуру поведал сосед Фабиша, су-

етливый добродушный еврей с седыми кочками над ушами. Тот самый понятой, которого привели чекисты, когда брали Любу. «Имел я за Игнатом Тимофеевичем одно наблюдение, до того, как он в двери шептать стал. В парке случайно его увидел, – вещал еврей, прилипший к Гуру на лестничной площадке, словно не он, а сама новость караулила доктора, пришедшего навестить Фабиша. – Так и там он странностями занимался». – «Какими?» – «Спящим в лица заглядывал... Да, да, и не смотрите на меня так. Было! Сядет рядом на край лавочки и смотрит, изучает, и сам Моисей не поймёт, чего ищет». Уходя, Гур спросил: «Вы когда переехали?» – «Двадцать лет уж тут». – «Врёте», – вырвалось у Гура. – «Не надо таких слов, молодой человек, так и обидеть можно старика».

По пути к метро Гур думал о говорливом еврее. Как тот мог быть его, Виля, соседом и одновременно соседом Фабиша, который обитал на другом конце Москвы? С момента завершения эксперимента Гур усердно искал хоть какие-то (кроме звуков за стенами, за мембраной сна) признаки сдвига реальности, надвигающегося безумия, и, не находя, испытывал почти болезненное разочарование. Поэтому даже обрадовался проклюнувшейся странности: вечный сосед, призраком скитающийся от дома к дому.

Перед тем, как уйти в отпуск, он узнал, что солдаты, которые выносили тела из камеры, покончили с собой. Один перепилил вены деревянной расчёской. Другой сунул в рот ствол автомата. Третий лёг на включённую газовую плиту. Четвёртый выпил две бутылки уксуса. Чабров подшил это в отчёт, закрыл папку и загнанно посмотрел на Гура. Он будто прощался, не на месяц – на срок гораздо больший, до некой неизбежности.

В отпуске Гур спал по восемнадцать-двадцать часов в сутки. Яркие сны раскачивали его на внимательных, тёплых руках, в них было уютно, как в новенькой лаборатории, где всё и вся в твоей власти. Пробуждаясь, он видел, как умирает квартира – осыпается, тускнеет, сжимается, и спрашивал себя: почему объекты боялись спать? Почему рвали и потрошили собственные тела, пытаясь укрыться от некой тени?

Они просто не знали, что такое спать наяву. Их короткие сны были беспокойными и умерщвлёнными, они боялись долгой бесконечной дрёмы. Они были плохими людьми, преступниками (а его сестра?), и без сна с ними случились плохие вещи. Соки подопытных текли в никуда, Серой Бесконечной Твари не доставалось ни капли... а он, а с ним... Он должен узнать, что скрывается в пузыре сновидений и что приходит за тобой, когда депривация сна отказывает чело-

веческому мозгу в привычном уколе. Или прав был Чабров, и всё дело в ядах реальности? Когда их скапливается критически много, за работу берётся механизм сна – нейтрализует, выводит губительные вещества, факторы; медленный сон, быстрый сон, простые и сложные химические реакции. А если бодрствовать достаточно долго, несколько суток, то случится отравление, галлюцинации... Или прислушаться к сумасшествию Фабиша, проводником которого стал старый еврей?.. Или... Чёрт побери, он должен понять! Узнать, что увидели те несчастные!

Освободиться от вопросов.

Провести последний эксперимент.

Потому что... потому что в предсмертных словах объекта № 5 был проблеск откровения. Истиной свободы – свободы от всего.

Но Гур долго не решался, обессиленный постоянным страхом, схожим в своих нечётких формах со страхом детства – маленький Виль боялся, что родители не вернутся домой, им станет плохо на работе и они умрут.

Иногда он вполголоса разговаривал с сестрой, призраком. Он не думал о разговорах с Любой как о чём-то странном. Кто ещё будет с ней разговаривать?

В один из дней раздался телефонный звонок.

Сильный мужской с насмешливой ноткой голос сказал:

– Ты ещё не решился?

– На что?

– Не спать.

– Кто это?

– От тебя больше ничего не просят... да здесь и не нужно.

– Кто...

– До свидания, братик. Увидимся.

И – гудки.

Он ещё долго стоял в коридоре, сжимая холодную матовую трубку и пытаясь понять, как голос из незнакомого стал знакомым, знакомым до боли, до крика, как в несколько фраз плавно перетёк из мужского в женский... в голос его...

* * *

Приготовления заняли два дня. Списать со склада пять баллонов с «будильником» оказалось не так трудно, как он думал. Гур не питал надежды, что его махинации с бумагами останутся незамеченными, но когда это произойдёт, он... познает откровение. Или безумие. Есть ли разница?

Его охватило лихорадочное веселье. Закрывшись в комнате Любы, он проклеил дверные и оконные щели полосками газет, устроился на полу и немного приоткрыл клапан. Нужна самая малость, вначале – да. Два предыдущих дня он не спал без помощи газа.

день третий

Книги. Он подготовил много книг. Они помогут.

день четвёртый

Он открыл первую попавшуюся книгу и стал писать между печатных строк. Он рассказал всё, что знал, о чём догадывался или додумал: о Фабише, о Чаброве, о Саверюхине... Это было легко и правильно. Внутренний голос усиливался, пока не обрёл независимые интонации, отслоился от Гура. И тогда пришёл страх, клейкий, семенящий, тараканий. Но...

Эксперимент должен продолжаться.

день пятый

Болели мышцы. Это неплохо – отвлекало. Хуже было то, что упало зрение: он читал и писал (о папе, маме, Любе – все мелкие грешки и большие прегрешения, нельзя такое скрывать, надо вывернуть людей, как карманы), практически уткнувшись в книгу носом.

На стенах потрескивали обои. Он огрызался. Иногда вставал и ходил, чтобы прогнать вязкую сонливость. В конце дня увеличил подачу газа.

день шестой

Цвета, они путались. Он знал, что перекинутое через спинку стула платье сестры – тёмно-зелёное, но сейчас оно было красным. Красным, как артериальная кровь.

Глаза словно засыпали песком. Когда Гур опускал веки, они больно царапались.

– Ты видишь это, Виль, – сказал кто-то.

Кто-то...

день седьмой

Предметы откликались только на прикосновения. Если не брать их в руки, они могли быть чем угодно. Даже чем-то живым.

Заложило нос. Саднило горло. Руки и ноги ритмично дрожали.

день восьмой

Ему казалось, что он Мария Манасеина, физиолог, а за окном конец девятнадцатого века. Он – она – не давал щенкам спать. На пятый день щенки умерли.

день девятый

Он говорил сам с собой. Речь стала нечёткой, бессвязной. Полуслепой взгляд скакал по комнате: этажерка, шкаф, кровать, мёртвые щенки с погрызенными переплётами... сконцентрироваться не получалось. Кружилась голова.

день десятый

Стена распалась на треугольные пылинки. За стеной был пруд и дорожки по обе его стороны, бегущие к лесу. У воды стоял баллон. От баллона топорщился огрызок шланга. Когда Гур подошёл и крутанул вентиль, из него вырвался смеш-

ной розоватый дым, заиграл резиновым хоботом.

день одиннадцатый

В углу комнаты гнусно хихикнули.

– Прости, братик, – сказал двойник Гура голосом Любы. –

Я не должна была так поступать.

Гур открыл и закрыл полный песка рот.

– Ведь я терзала тебя, Виль? Своей болью, своим адом?

Ведь так? Мне следовало умереть раньше.

Двойник ударил себя по щеке.

– Плохая, плохая сестра. Но... что ты почувствовал, когда понял, что пришли не за тобой? Облегчение? Радость?

– Облегчение, – промямлил Гур. – И страх.

– Прости меня за это. Но теперь всё позади. Ты ведь видел штрафной лагерь и закрытые гробы?

– Зачем... зачем гробы?

– Потому что зекам, которые хоронят зеков, не положено было видеть того, что сделали с их товарищами в медицинском корпусе. Понимаешь, братик? Я тоже там – в одном из этих гробов. Они отпилили мне кусок черепа... отпилили, когда я ещё была жива.

Существо в углу комнаты вытянуло вперёд руку и показало выжженный лагерный номер:

– Видишь?

Да, он видел. Сейчас и раньше. Они оба умели видеть и чувствовать происходящее с ними. Дар разнополых близне-

цов, расщеплённая плоть, но не связь.

В моменты эмоциональных амплитуд он подключался к голове сестры, примагниченный её болью или страхом. Никакого мысленного понимания, разговоров на расстоянии – только кусочки пережитых на двоих кошмаров, вспышки неконтролируемого слияния, скоротечного, болезненного. Одинаковые сны, которые снами не являлись. Это было забавным и даже полезным в детстве (если бы не Люба, он не выбрался бы из карьера, в котором сломал ногу), но со временем стало обременительным. Пугающим.

– Да, ты всё видел! Допросы, боксы, перегон, гробы в ямах! – внезапно закричал двойник. – Ты знал, что со мной делают! Как ты можешь жить с этим?!

У Гура подёргивался левый глаз. Он чувствовал себя отвлечённо пьяным.

– Можешь и будешь, – успокоившись (или подавив непрощённый голос), сказала существо. – Потому что мы – это вы. Внутренние демоны, изнанка души. Во сне вы...

день двенадцатый

...скрываетесь от нас, переживаете. Сон смывает наши прикосновения, очищает. Но каждый раз после вашего пробуждения мы снова берём след. Мы – ваша злая воля, грязная сущность, и мы догоняем, всегда догоняем. Мы не объясняем или оправдываем – лишь множим и придаём новые обличия. Таков удел истинного безумия, целостного зла, без-

удержной свободы.

– Чего вы хотите?

– Мы хотим...

день тринадцатый

...освободиться. Сон означает смерть, сон означает новую погоню. Нам не хватает времени, чтобы прогрызть дыру в мир, который вы называете реальностью. Теперь ты понимаешь, зачем мы требовали вернуть газ? Сон отвратителен, очищение отвратительно. Вы не заслуживаете очищения! Вы должны принять нас всецело, срастись, выпустить. Мы – это вы. Те, кому не требуется тело, кому не знакомы сомнения, только – бесконечная...

день четырнадцатый

...жажда боли.

Керамическая ваза на подоконнике растеклась бурой слизистой лужей. Кровать с треском сложилась пополам, нацелив на потолок занозистые обрубки. Телефон в коридоре хрипел и кашлял. Гуру казалось, что аппарат истекает кровью. Баллон с газом расширился по высоте и сжался снизу – металлическая капля, исходящая алым туманом.

Замурованное под обоями существо продолжало говорить. Слова были клеем.

Оно сказала, что нужно делать.

застучали, он добрался до илистой заводи, в которой разлагалась отрубленная голова великана, заполз на серую щёку, раздвинул головой зловонную мякоть губ и, извиваясь, полез внутрь.

Чтобы встретить гостей в своём истинном обличье.

Перекус

Мальчишка похож на одного из известных мультипликационных героев. На Лёлека или Болека, родившихся в далёком 1964 году на студии польского города Бельско-Бяла. Тёма успеваешь погуглить, пока к ролику подгоняют анимационное вступление. Так Лёлек или Болек? Не беда, найдём, и столет не пройдёт.

Не успеваешь. Зовут на финальную озвучку.

Здравствуйте, меня зовут Андрей.

Мне восемь лет.

Когда я был ещё маленький-маленький, ко мне приходили мои папы и смотрели, как я расту. Как сплю. Даже как плачу. Как мама меня моет и кормит.

А однажды я стал всё понимать, и папы стали интересными-интересными. Такими хорошими и такими разными.

Рисованный мальчишка – Лёлик или Болик, кто сейчас вспомнит, если вообще узнает? – превращается в живого парнишку. По квартире катится звонок, мелодичный, зовущий, заставляющий мечтать. Мальчик идёт в прихожую, включает дисплей дверного замка, смотрит, поворачивается к зрителю и улыбается, глядя немного в сторону.

– Ма! Па пришёл!

А потом входные двери открываются. Пять дверей, в разное время, перед разными людьми. Монтаж профессиона-

лен. Папы ступают в тёплый прямоугольник света, заходят один за другим, словно процессия гостей.

Они не могут быть долго дома, потому что папы должны усердно трудиться. Решать проблемы, зарабатывать деньги, сердиться, сражаться и изменять мир, так говорит мама. А дома – отдыхать. А пока пап нет, мы с мамой убираем в квартире, смотрим мультики и рисуем.

А ещё мы ждём их.

Очень-очень.

И они приходят.

В квартире дремлют полутени, мама выходит из зала, целует папу и помогает снять пиджак. Куртку. Пальто. Плащ. Пуховик. Они немного медлят в прихожей, – счастливые и уставшие от разлуки, – соприкасаются руками, взглядами, улыбками.

В зале горят бра, медленно опускается мягкое тесто взбитых подушек. На столе – фрукты, шоколад, кофейник, коньяк в бокастой бутылке, маленькие рюмочки, тонкие чашки. Шепчет в углу телевизионная панель. Новости. Цветочная выставка или день рождения народного артиста. Не разобрать, да и не хочется.

Сын, мама и папа сидят за столом. Папа нежится в кресле, довольный, умиротворённый, немного дымящийся, как кофе в изящных кружках. Он смотрит на свою семью нежным взглядом зелёных – серых, голубых, карих, серо-зелёных – глаз. Папа делает маленький глоток коньяка – кофе, коньяка,

кофе, коньяка, – и подмигивает.

Он дома.

В кадре счастливы все семеро – сын, мама и пять отцов (каждый по очереди, каждый по-своему, спасибо актёрам и режиссёру ролика). Это настоящее волшебство. Все они любят свою семью, они благодарны ей, они безмерно блаженны в уюте комнаты – словно выпали из мрачного сна прямо в удобное кресло.

Я даю папам силы, чтобы они побеждали, добивались успеха, зарабатывали деньги, радовались с друзьями. Чувствовали себя сытыми.

Ведь семья – как вкусная еда, питательная, тёплая, нужная.

Тогда, когда вы действительно этого хотите.

Быстро и уютно.

Озвучка закончена. Всем спасибо, все свободны. Гонорар переведён на карточку.

На площадке кипят новые приготовления, на очереди съёмки второго варианта: фаст-фэмили для мам. Папы разбредаются, ещё присыпанные конфетти трогательного комфорта и любви, что так ярко блестели в рекламном ролике.

Дмитрий Эдуардович Архаиков останавливается в двери, поворачивается и смотрит на мальчика. На Андрея. На Тёму. Он не помнит, как зовут мальчишку в рекламе, а как в жизни. Зато помнит открывшуюся дверь, и крик «Па пришёл!», и негу кресла, и вкус коньяка (в рюмках действительно-

но был коньяк, дешёвый, но смачный, Дмитрий Эдуардович даже крякнул от удовольствия, но это вырезали).

Мальчик – его экранный сын – о чём-то беседует с оператором; сейчас он выглядит на несколько лет старше своего героя, наверное, так и есть. Андрей-Тёма не чувствует взгляд «отца», как чувствовал его в ролике, не откликается на него теплом. Искусство обмана смонтировано и готово к эфиру. Теперь – не до взглядов.

Дмитрий Эдуардович неопределённо пожимает плечами и шагает на лестничную площадку.

* * *

Цюприки. Название района радовало щекотными переливами слогов и сказочно-мультяшными образами, как и некогда одноимённая деревня, которую город Брест поглотил чохом с остальными селениями области. Цюприки лежали вокруг Старого Бреста шарфом франта, являясь о-о-очень дорогим и о-о-очень престижным районом. Если вы арендовали здесь квартиру, ваша жизнь определённо текла в правильном русле: у берегов хрустели купюры, блестели монеты, жужжали терминалы, переваривая депозитные карточки. Если купили в Цюприках квартиру – кидайте, к чертям, вёсла в воду, ложитесь на дно лодки и смотрите в текущую по небу лазурь. Вам совсем не обязательно что-либо делать. Или, как раз, обязательно. Деньги к деньгам. Гребок к греб-

ку.

Многие не бросали вёсла.

Как, например, Тёма Милонов, с пелёнок делающий капитал в индустрии фаст-фэмили. Звезда рекламных роликов и «Сын года».

Дмитрий Эдуардович побродил по опрятным квадратным кварталам, в которых решительно невозможно было заблудиться, несколько раз прошёл мимо дома Тёмы, собираясь с мыслями, решаясь и безвольно заходя на «новый круг».

В Цюприках хватало офисов, галерей и торговых рядов. Жилые постройки разделяли блестящие прослойки бутиков и ресторанов. Окна домов были гротескно высокими, удивлёнными, светлюбивыми. Где-то далеко приятно шумела скоростная железнодорожная магистраль – так ветер ведёт ладонью по высокой траве.

«Вот где ты живёшь... сынок», – периодически всплывало в голове Дмитрия Эдуардовича, хлопало хвостом и уходило на глубину.

Брест вобрал в себя хутора, посёлки, деревни, как рано или поздно делает любой тщеславный город – да хоть Барселона, поглотившая близлежащие городки и деревеньки в конце девятнадцатого века. Но помимо тщеславия нужен ум, который подскажет: присоедини, но сохрани индивидуальность, будь то фабричный колорит или сельская простота.

«Сынок» Тёма жил в элитном квартале Клейники. «Технологический уют на окраине, вызов историческим фасадам

центра» – сообщал некогда еженедельный «Брестский курьер». Газеты Дмитрий Эдуардович любил. Не за краткость, угождающую спешности жизни, и не за собственную колонку во всё том же «Брестском курьере», а за навеваемую взмахами шуршащих страниц ностальгию, терпкую, но скоротечную. Ностальгия летела над миром сегодняшнего дня бумажной птицей, она кричала, но недостаточно громко, чтобы разобрать слова, она напоминала о чём-то, но излишне застенчиво и невнятно, чтобы найти опору для слёз. В этом и заключалась прелесть газет.

Декабрьское небо – холодное и пористое, как серый чугун – лениво сыпало снежком. Снежинки были маленькие и скромные, они облетали прохожих, липли к домам и деревьям.

Дом стоял высокий, зеркальный. Он словно прикрывал пикантные места небосвода. Дмитрий Эдуардович подошёл к первому подъезду и, не давая себе опомниться, распахнул тяжёлую дверь и вступил в парадную. Остановился, потрясённый.

Он, конечно, не ожидал увидеть тесную клетушку, украшенную единственно почтовыми ящиками и граффити, но и не залитый светом вестибюль, больше похожий на холл гостиницы. Нет. Не такое. Всё блестело и играло, словно насмехаясь над мерой и скромностью. Мрамор и гранит сражались текстурами, поверх вились ценные породы дерева и латунь, высокий потолок истекал гипсовыми формами.

Дмитрий Эдуардович осторожно шагнул по полу из природного камня. Роскошь определённо позволяла владельцам квартир чувствовать себя как дома, но вот гостей на каждом шагу и опрометчивом взгляде упрекала в бедности.

Пост охраны располагался слева; за пуленепробиваемым стеклом поднялся улыбчивый детина.

– К кому, отец?

Дмитрий Эдуардович снова остановился и стянул с головы фетровую кепку. Почему-то мелко дрожали губы.

– Я, знаете ли... зашёл...

– А! Узнаю! – громыхнул охранник. – К Артёму Павловичу! Вижу! Вот только недавно ролик крутили!

– К Тёме, – обрадовался Дмитрий Эдуардович. Закивал. – Да, да, к нему.

Над широкими плечами охранника на металлическом холсте горели разноцветные лампочки.

– Подниметесь? Или попросить Артёма Павловича в сигарную комнату?

То, что здесь имеется сигарная комната, удивило Дмитрия Эдуардовича уже не так сильно. Стал привыкать. «Наверняка, и зимний сад найдётся».

– Хочу подняться, проведать. И если можно... сюрприз сделать.

– Извините, не положено. – Охранник даже немного пригорюнился, будто искренне хотел выполнить просьбу, но не мог. – Но... давайте, я подам картинку на мониторы кварти-

ры с... – Детина подмигнул, – небольшим опозданием? Он увидит вас уже у дверей.

– Благодарю, – искренне сказал Дмитрий Эдуардович.

Он не решался сделать первый шаг к ступенькам, не был уверен, что разговор закончен, но ширящаяся улыбка охранника придала сил. Дмитрий Эдуардович стал подниматься по широкой, пахнущей деньгами, лестнице.

– Эй! – окликнули снизу.

Сердце ёкнуло, споткнулось, заболело. Дмитрий Эдуардович с трудом обернулся – и увидел вздёрнутый большой палец.

– Классно сыграли! – крикнул охранник. – Лучший отец ролика! Чесслово!

– Спасибо... – пробормотал Дмитрий Эдуардович, опомнился, понял, что его не слышно, и крикнул: – Спасибо!

Охранник поднял руку с поднятым большим пальцем ещё выше.

На звонок долго никто не подходил. Квартира с номером «22» игнорировала попытки Дмитрия Эдуардовича обратить на себя внимание. Дверь равнодушно смотрела большим чёрным видеоглазом.

Наконец, открыли. Без разговоров через сталь и электронику.

– Я тебя не сразу узнал. Смотрю и не понимаю: кто, – Тёма поманил в квартиру, не глядя на гостя (насмотрелся в мониторы), говоря на ходу, на полпути в зал. Окно, заменяющее

стену, смотрело в сад. Несколько стеклянных панелей было приоткрыто. «Он не простынет?»

С окончания съёмки рекламного ролика Тёма приосанился, поправился, словно повзрослел на год-другой. Да, он и прежде «становился старше», как только выключалась камера, но сейчас...

– Сколько вам лет? – не сдержался Дмитрий Эдуардович.

– Двенадцать. Почти тринадцать, – важно сказал Тёма. – Но мне всегда дают меньше. Сначала стеснялся, а потом научился пользоваться. В бизнесе – это большой плюс.

– Да, конечно...

– Как ты меня нашёл?

– Это не трудно. Вы популярны.

– Фаст-фэмили не делится адресами «детिशек». Настоящими адресами.

Дмитрий Эдуардович кивал, хотя Тёма не видел его – смотрел на сад. Яблоки, вишни и сливы потеряли листву, но не изящество; деревья украшали цветы из разноцветного стекла.

– Нет-нет... я узнал ваш адрес в агентстве... у меня знакомая в плановом, понимаете, и я...

– Ясно, – перебил Тёма. – Что ж, можешь пройти, присесть. Спонтанные встречи – не стоит упускать такие шансы.

– Шансы на что?

Тёма повернулся и подмигнул. В его улыбке было мало тепла. Скорей, холодная восторженность случаем.

– На что угодно. На новое знание. На интересное общение.

– Да, да, разумеется... – пролепетал Дмитрий Эдуардович, устраиваясь в кресле. Кресло пыталось его вытолкнуть.

– Отключи массажную функцию, – подсказал Тёма.

– Ага... да... сейчас...

Кнопок на панели подлокотника было слишком много для «ага, да, сейчас», и поэтому Дмитрий Эдуардович просто сел на диван, рядом с электронной книгой.

Из просторной комнаты можно было попасть минимум в пять других помещений. За открытой дверью справа виднелся стол для игры в аэрохоккей, баскетбольное кольцо и растущие из пола, точно грибы, динамики.

– Что будешь пить? – Тёма нажал на хромированную панель, и она послушно скользнула вверх, открывая ряды бутылочек и банок.

– Э-э, тоже, что и... вы, – Дмитрий Эдуардович безумно хотел назвать мальчика сыном, но боялся.

– Хороший выбор, – похвалил Тёма. – Сейчас быстро охладим.

Пока мальчик хлопотал в баре, Дмитрий Эдуардович взял лежащий на диване ридер – экран книги ожил под пальцами – и стал читать:

«Старик в нормальной семье не чувствовал себя обузой, не страдал и от скуки. Всегда у него имелось дело, он нужен был каждому по отдельности и всем вместе. Внуку, лёжа на печи, расскажет сказку, ведь рассказывать или

напевать не менее интересно, чем слушать. Другому внуку слепит тютюку из глины, девочке-подростку выточит веретенец, большухе насадит ухват, принесёт лапок на помело, а то сплетёт ступни, невестке смастерит шкатулку, вырежет всем по липовой ложке... Немного надо труда, чтобы порадовать каждого!»

– А вот и холодненькое.

Дмитрий Эдуардович поднял взгляд. Перед ним стоял Тёма и протягивал запотевшую бутылку. Дмитрий Эдуардович поспешно отложил ридер и принял угощение.

– Благодарю, – Он сделал глоток, ничего не понял и сделал второй. – Вы это читаете?

– Читаю, – кивнул Тёма, устраиваясь напротив. – Книжки о прошлом веке, о другой эпохе. Нас всегда учили, что прошлое нужно как минимум для одного.

– Для чего же? – Дмитрий Эдуардович покрутил в руках бутылку. Этикетка сообщила, что он пьёт безалкогольное пиво.

– Для ловли в нём новых идей. Как бы это странно ни звучало.

– А где учили?

– В специнтернате, где же ещё. Мне повезло. А мог ведь расти с какой-нибудь мамашей, верящей в то, что она обеспечит и воспитает ребёнка. Некоторые до сих пор рожают, представляешь? Сами! Мог ведь попасть в другой сектор специализации, готовиться в промышленники или гумани-

тарии. Но, мне подфартило, я стал работать почти с пелёнок. Спасибо рынку семьи.

Дмитрий Эдуардович зачем-то кивнул, отпил практически безвкусного пива и покосился на электронную книгу. Он парился в пальто, которое ему не предложили снять.

– И так? – сказал Тёма. – Что же привело тебя ко мне?

Дмитрий Эдуардович поискал помощи у телевизионных панелей и спиралевидных люстр. Не нашёл. И тогда ринулся в страх неопределённости и возможного отказа, как в горящий обруч. Только так он мог победить нерешительность: сгореть или проскочить.

– Я бы хотел, видеться с вами, как... как с сыном.

– Без проблем, – отчеканил Тёма, и у Дмитрия Эдуардовича потеплело в груди. На секунду-другую: мираж оттепели. – Покупай фаст-фэмили. Правда придётся постоять в виртуальной очереди, но я могу подсобить. Замолвить словечко.

Дмитрий Эдуардович открыл рот, полоща под нёбом слова благодарности и любви, но тут до него дошёл смысл сказанного мальчиком.

– Но я... у меня нет на это денег...

Тёма глянул на «отца» как-то жалостливо. Так хотел думать Дмитрий Эдуардович. Но, если смотреть правде в глаза, это была не жалость, а надменность пополам с удивлением.

– Где тебя нашли?

– Что?

– Для рекламы. Как ты попал на съёмки, если не можешь

себе позволить «быструю семью»?

– Я... моя знакомая, я уже говорил... одна из учениц, давно это было... в общем, помогла, порекомендовала...

Тёма замахал рукой.

– Ясно, ясно. Старый добрый блат, – Он допил пиво и кинул бутылку на пол. Тут же проснулся робот-уборщик, зашпешил к «нарушителю» чистоты и гармонии ковра. – Так ты в реале никогда не заходил на перекус?

– Простите?

– Не покупал фаст-фэмили? Некоторые клиенты называют это перекусом. Хотя словечко подкинули наши, даже знаю кто... Перекус, чтобы утолить ретро-голод.

– Ретро-голод?

– Дядя, ты откуда свалился? Со статистики разводов в середине тридцатых годов?

– Что?..

– Девяносто восемь процентов, помнишь? Огромные голо-цифры на площади? Не? Ну ты и дре-е-евный... или дикий. Телек-то смотришь?

– Иногда, – растерянно произнёс Дмитрий Эдуардович, думал он обо всём сразу. – Ретро-голод... я посмотрю, потом, я узнаю...

– Да что там смотреть. Ностальгия по полноценной семье, что-то из психологии.

Конечно, он про это слышал. Просто, просто... был немного не в себе. Замечтался, что здесь его дом, что перед

ним его сын...

Слышал про лавину разводов в начале тридцатых... Отцы бежали из семей, матери рожали для себя, мужчины пили пиво на ступеньках ЗАГСов, ретиво переквалифицирующихся под ночные дискотеки и бары, женщины меняли квартиры и привязанности... И как-то приноровились, принялись, влились, словно всегда мечтали о независимости, словно презирали узаконенную государством связь... Так об этом читал Дмитрий Эдуардович, но, возможно, это была беллетристика: Дмитрий Быков или кто-то ещё из классиков. Или новостные архивы – не суть... Паниковала тогда лишь власть, даже «Единая Белоруссия и Россия» признала распад традиционной семьи и демографическую яму, в которую правительство дружно взглянуло и отвернулось, в надежде, что затянется, засыплется... Не уберегло ведь семью, расплескало, запаниковало, успокоилось, плюнуло, сосредоточилось на детях, нет детей – нет государства, кладбище одно, жёлудь без шляпки. Вот правительство и дало зелёный свет, и крепкий рубль дало, «телесным субстратам», экстракорпоральному оплодотворению, суррогатным матерям, «искусственной матке» и специальным интернатам... А процент разводов рос, рос, рос, пока не достиг девяноста восьми... Почему не ста? Наверное, перестали считать...

Помнил об озвученной причине кризиса нуклеарной семьи. Теоретики задумчиво наблюдали за разлагающейся тушей социального института, чтобы затем дружно обвинить

эгалитарный тип семейной власти. Они ткнули пальцем в индустриальную проказу эпохи, проклявшую традиционную семью безвластием и латентным конфликтом, хищно оскалились, хлебнули из термоса остывший чай и вызвали так-си...

– Ладно. – Тёма резко встал. Такой большой, серьёзный, занятой... ребёнок. – Поговорили и хорош. Тебе пора.

Дмитрий Эдуардович сделал последнюю попытку:

– Про сына и отца... я по-настоящему... я бы хотел... встречаться иногда, говорить, хотел бы... заботиться о тебе...

– Дядя! – пожурил Тёма, прыснул и начал хохотать. Смеялся он задорно и звонко. Это было почти приятно. – Ну ты даёшь... ну артист... позаботиться... это я могу о тебе позаботиться...

– Можете и вы... обо мне, – прошептал «отец».

Мальчик то хлопал по коленям, то показывал на Дмитрия Эдуардовича пальцем.

– Ну, уморил... видишь, спонтанные встречи – залог успеха... смех продлевает жизнь, а, значит, не зря нашёл ты меня... о-хо-хо...

– Я могу... зайти ещё раз?

– Через месяц или через год. Если у меня будет настроение. Элемент неожиданности уже исчерпан. Тебе повезло, что вообще застал меня дома.

«Это не везение, а судьба или любовь».

– До свидания... Тём, – сказал Дмитрий Эдуардович в прихожей.

– Пока! – ответил «сын» из игровой комнаты. – Дверь сама закроется! Ничего там не нажимай!

Охранник в вестибюле, завидев спускающегося по лестнице Дмитрия Эдуардовича, вынырнул из убежища поста. Вышел навстречу, улыбаясь и подмигивая.

– Как всё прошло? Поболтал сын с папой?

– Поболтал, – бессильно сказал Дмитрий Эдуардович.

– Верю, верю. Лучшему отцу – лучшее внимание. О! Звучит, как слоган!

– Вы можете его куда-нибудь продать...

– Правда?

Дмитрий Эдуардович заставил себя улыбнуться.

– Я не знаю, – Его мысли летали тремя этажами выше. – Сдуру ляпнул.

– Вы лягнули, я намотал на... этот...

– На ус, – подсказал Дмитрий Эдуардович.

– Точно! Видите, как с умным человеком приятно поговорить. И проводить его приятно, да хоть и до дверей. Заодно и ноги разомну.

– Конечно... спасибо.

– Тут передачу посмотрел, да вот только что. Мистика, да и только. Какие-то племена в Африке или Америке, – Они остановились в полутенях парадной: один – не решаясь выскользнуть в морозное разочарование, другой – стремясь по-

греться у углей разговора. – Деревушка бедная, грязные все, полуголые. И мальчуган один приболел, сопли, платки, травы, температура, лихорадка, короча, понимают, что плохо дело. Умрёт скоро. А семья – там у них по-прежнему пережиток этот, мать, отец, дети, все вместе – любит его, аж глаза за лопни. И вот отец говорит... он там на своём болтал, на тарабарском, но перевели так: «Моей любви хватит на два сердца. Он не умрёт». Сказал и ударил мальчика в грудь ножом...

– Что? – дёрнулся Дмитрий Эдуардович.

Охранник принял это за одобрение: значит, правильно подал историю, раз собеседник встrepенулся.

– Представляете? Ножом! А потом вырезал сердце и положил в какую-то миску.

– Простите? В миску? Сердце?

– Да! Но это ещё ерунда, это не главное!

– Ерунда... – слабым голосом повторил Дмитрий Эдуардович, ища в карманах пальто кепку.

– Сердце-то билось! Понимаете?

Заговорщицкий тон охранника вызвал у Дмитрия Эдуардовича приступ тошноты. Перед глазами билось что-то алое и липкое.

– Простите... я пойду, душно... простите...

– Да, да. Дверь, осторожно... Но вы понимаете, сердце билось! Вырезанное сердце билось! Всего наилучшего!

– Ага... и вам...

Он оказался на улице. В заговоре снега и ветра: снежинки клеились к лицу, вихрь обстреливал их холодными струями. Луна слитком серебра пряталась в грязных разводах неба.

«Так поздно? Сколько же я провёл...»

Дмитрий Эдуардович понял, что принял за луну какую-то конструкцию на крыше дома, надел кепку, стал поспешно застёгивать пальто.

Девять остановок автобуса.

Следовало поторопиться и набраться терпения.

* * *

У подъезда собственного дома его ударил голос соседки.

– Хмурый как лес ночью! Продай новость за американский червонец!

– Что продать?

– Новость продай! – каркнула соседка, «старая, но щиплющая, как девятивольтовая батарейка» (это сравнение Дмитрий Эдуардович позаимствовал у полузабытого мэтра фантастики – Алексея Жаркова; люди легко забывали всё, от имён до традиций, словно в потере прошлого нашли новую цель существования). – А лучше подари, потому что червонца всё равно нет. Хмурый, значит, новость в тебе живёт. Подари!

Дмитрий Эдуардович приблизился к лавке.

– А вот и подарю. А вот и мотай на ус. Дети – зло! Дети

– боль!

Соседка захлопала глазами, неподвижно засуетилась (эту технику она довела до совершенства, олицетворяя деятельность всего союзного государства России и Белоруссии: видимость движения есть – движения нет).

– Да как, да как можно! При живом-то сыне!..

– Не сын он мне! Реклама! Знаете, что такое реклама?!

– Ходишь, значит, сын. Чё ходить-то, к чужому?

Дмитрий Эдуардович подался вперёд, резко остановился, словно налетел на штык: рот открыт, но пуст на слова, нижняя губа в каплях слюны. Заколело под левой лопаткой; он вяло качнул рукой, дав боли отмашку – криков не будет, проворкотал «хожу» и пошёл прочь.

Дом высился мрачный, блочный, негостеприимный. В квартире пахло гадко – очистные сооружения не преминули надыхать в окна, оставленные на проветривание.

Дмитрий Эдуардович скинул туфли, уже в ванной стянул противно-влажные носки (подошвы он менял недавно, но дыры, видимо, перешли в разряд фантомных, пропуская влагу, как ампутированная рука пропускает боль) и включил кран. Вода была едва тёплой, с упрёком-мечтой о настоящем тепле. Дмитрий Эдуардович быстро потёр под струёй ступни, вымыл руки, закрыл кран и сел на плитку.

В дверь тут же застучали.

– Дуардыч! Дуардыч!

Он начал, чертыхаясь, вставать. Его напугал тот факт, что

он не мог узнать неумолкающий голос за дверью – Дуардыч! Дуардыч! – словно оказался в чужой квартире, населённой сумасшедшими.

«Так и есть...»

Дмитрий Эдуардович нажал на ручку (защёлка давно не работала, но барабанивший в полотно человек даже не попробовал войти: стучал и голосил) и открыл дверь.

Нечто сгорбленное и морщинистое отскочило в сторону, начало мелко постукивать в провал собственного живота и бормотать:

– Так тож, так тож, то-то, то-то...

– Что вы тут устроили, Валентин Петрович, – сдерживая злобу, сказал Дмитрий Эдуардович. – Один раз постучали и хватит.

– То-то, так тож...

В кухне гремела крышками Ирина Юрьевна, за проклянным скотчем дверным стеклом мелькал её силуэт – так танцуют грозовые тучи. Валентин Петрович толкнул сожителя острым локтём и проник в ванную, взял нервной осадой. Комната Казимира Иосифовича не подавала признаков жизни, но от этого пугала ещё больше.

Дверь в ванную приоткрылась, и в щель вылезла синяя зубная щётка, на которую щедро выдавили пену для бритья. Дмитрий Эдуардович схватил за головку, рванул, победно вскрикнул и запустил щётку в полумрак коридора. Валентин Петрович пронзительно завыл.

Обтерев руку о штанину, Дмитрий Эдуардович бросился к своей комнатухе и поспешно закрыл дверь. Здесь замки и защёлки работали исправно, уж он позаботился.

Подобные сожительства («доживательства», как говаривал Казимир Иосифович, единственный более-менее адекватный из трёх соседей по квартире Дмитрия Эдуардовича) инициировало государство: группировало несостоятельных пожилых людей по психотипу, трамбовало в общей жилплощади. «Неужели я совместим с этими людьми? Почему мы оказались вместе?» Подобные социальные трагедии, ограниченные четырьмя человеческими устоями, стали общественными нормами.

Пародия на семью.

Насмешка реальности.

На растрескавшемся подоконнике стоял стакан с остывшим чаем. Дмитрий Эдуардович опустил в гранёную ёмкость кипяtilьник, воткнул вилку в розетку и стал ждать.

– Эдуардович, дорогой, – позвали из коридора: Ирина Юрьевна. – Хлеба нажарила. Белого, серого, чёрного. С солью и вареньем. С черникой и грибами. Отведаешь, дорогой?

– Вон! – закричал Дмитрий Эдуардович, распахнул форточку, схватил стакан с кипящей водой и швырнул во двор. В сумерки и пульсирующее отчаяние.

– Сам вон! Сама съем! Сама! А ты – вон! Вон от моего хлеба!

Шаги проклятиями покатались по скрипучим доскам.

Дмитрий Эдуардович упал на узкую кровать, пошарил рукой по одеялу, нашёл и включил ежедневный электронный листок Википедии, который кидали в почтовый ящик для рекламы (трафика хватало на десять минут). Стал лихорадочно читать:

«Фаст-фэмили (англ. Fast «быстрый» + family «семья») – семья с небольшим сроком пребывания в ней, с упрощёнными (сведёнными к минимуму) обязанностями, по сути, ограниченными лишь личными желаниями, вне собственного дома. Отдых в лоне оплаченной почасово семьи.

Для «быстрой семьи» предназначаются заведения: семейные дома и забегаловки (дешёвый, часто нелегальный вариант). [...]

Минский психиатрический институт пишет об опасности фаст-фэмили для нервной системы человека: зачастую возникает привязанность, ничем не подкреплённая с другой стороны, ассоциирование себя с купленной семьёй, и как следствие этого – психическая травма ввиду разрушения иллюзий».

Он отложил листок и какое-то время лежал без движения – без движения тела и мысли. А потом внутри него потекло негодование и нахлынули иллюзии прошлого...

Верили, что, несмотря на выкрутасы истории, крепкая нуклеарная семья будет жить. В условиях повышения неопределённости существования, спрос на семью, как на

оплот стабильности, должен был расти. Не стал.

В массе открывающихся возможностей и форм сообществ ожидали увидеть победу фундаментальных человеческих ценностей, цементацию базовых консервативных ценностей на новом уровне. Но, к сожалению, не произошло.

Внешняя угроза не консолидировала семью, тревоги не скрепили союз. Рухнуло, всё рухнуло.

За минувшее тысячелетие и ещё горстку десятилетий человеческая еда не претерпела особых изменений. Как и пищу, традиционную семью считали базовой потребностью. Ошибались. Потребность осталась, но появились фаст-фэмили – забежал, поговорил, сделал, что надо, напился бу-тафорского тепла и убежал. На фоне разнообразия новых форм семьи победил вариант «семейного перекуса».

Ничего страшного (в понимании общественности) не произошло: вспоминали Исландию начала двадцать первого века, где вне брака рождались восемьдесят процентов детей, кивали на однополые семьи, просто жили в новой реальности. Перешли на систему «семьи по потребности»: «ребёнок», от которого можно брать лишь ощущение причастности, «жена», которую можно поменять (детей, как правило, не меняли). Плати – и они всегда тебя ждут.

Люди давно возводили алтари личной свободе и независимости от партнёров. Чему удивляться? Традиционная семья превратилась в мифическое понятие, о котором приятно размышлять, но – боже упаси – примерить на себя. А вот

на несколько часов – пожалуйста. Так появились «быстрые семьи». Как фаст-фуд вызывает у некоторых ожирение, так фаст-фэмили стало вызывать «отёчность привязанностей», главу угла заняло само насыщение, единовременный вкус, а не полезность. Под лживой вывеской «семьи» менялись начинки (по желанию, то гамбургер, то роллы) – разные «жёны» и «дети». Главным стало ощущение себя в кругу семьи, а не сама семья, конкретные люди.

Всё текло, всё менялось. Партнёра выбирали по генетической совместимости. Рождение детей перестало быть женской прерогативой. Семейные ценности распродавали на барахолке. Дети воспитывались в «атомизированных» семьях или самим государством. Демографы сообщали о потребности общества в тех или иных работниках, генетики удовлетворяли эти нужды. Старики доживали...

– Дуардыч! Дуардыч! – выл коридор, звала изнанка двери. Дмитрий Эдуардович заткнул уши и закрыл глаза. И представил Тёму.

Зима копила силы на Новогоднюю ночь. Морозы были терпимые, но с обещанием: «всё впереди». Дмитрий Эдуардович ездил в издательство через день, в основном работал дома, если квартиру с тремя стариками можно было назвать домом... да и работы было негусто, ложка упадёт.

Дмитрий Эдуардович работал за старым столом у окна. Сделал несколько статей о «клановой» семье прошлого века, но редактор завернул материал: «Кому это интересно?».

Тёма постоянно квартировал в его воображении. Идиллия на съёмочной площадке не выходила из головы. Дмитрий Эдуардович грезил «сыном», даже пробовал занять денег (у знакомой из планового), чтобы отведать «быстрой семьи», побыть с Тёмой. Несколько раз он пытался навестить мальчика, но охранник уже не был столь улыбочив и приветлив: «Артёма Павловича нет», «Просили не беспокоить».

Соседка, поджидающая его после каждого пустого возвращения, часто спрашивала:

– Как ваш сын?

– Болеет, – отвечал Дмитрий Эдуардович и торопливо уходил.

Тёма позвонил однажды и предложил зайти к нему вечером. Валентина Петровича, позвавшего к телефону («Дуардыч! Дуардыч!»), Дмитрий Эдуардович даже удостоил крепкого рукопожатия, от которого сгорбленный старичок бежал, поскуливая, в ванную.

Дмитрий Эдуардович вышел незамедлительно.

Прогуляться. Подышать. Помечтать.

До вечера. До встречи.

«Ад мінулага – да будучыні» – прочитал он на одной из фасадных табличек. Раритет прошлого, слова из почти забытого языка. «От прошлого к будущему» – перевёл Дмитрий Эдуардович, и понял, что смотрит на первых два слова в жутком контексте, миксе двух языков. Белорусский предлог «ад» звучал в голове русским существительным – имен-

но посмертным местом грешников.

Ад прошлого...

Почему нет? «В нём я и жил... но сейчас, сейчас... когда у меня появился...»

В клетке охранного поста дежурил незнакомый Дмитрию Эдуардовичу здоровяк.

– Я к Тёме.

Охранник без эмоций кивнул и сделал знак рукой. Поднимайтесь. Ожидают-с.

Тёма начал говорить прямо с порога. Он снова не предложил снять пальто, но на этот раз Дмитрий Эдуардович повёл себя по-свойски. Он нагрузил вешалку и потрепал седые волосы перед зеркалом.

– Скоро у меня пенсия, – говорил Тёма. – В сфере фаст-фэмили пятнадцать лет – потолок. Никто не хочет цацкаться со взрослым сыном. Найдётся, конечно, парочка чудаков: мол, передать опыт, наставить, научить какой-нибудь ненужной ерунде. Отругать и воспитать, в конце концов. Но это мелочь. Это одна-две заявки в месяц.

Дмитрий Эдуардович не спрашивал, не перебивал.

– Поэтому я хочу открыть своё дело. Нечто новое, понимаешь?

– Нет, – ответил Дмитрий Эдуардович, раз уж «сын» спросил его. – Вы ведь заработали достаточно, и пока зарабатываете. Разве нет? Не хватит на безбедное взросление?

– Ха! У меня есть амбиции, есть задумки! А эта квартира

– это не предел. Всего лишь этап, который надо пройти.

«Ты говоришь, как взрослый... как взрослый, которого не хочется слышать».

– Будешь работать на меня? – в лоб предложил Тёма.

– Работать? На вас? Я думал...

Тёма рассмеялся.

– Что ты думал? Что я приглашу тебя поболтать о проблемах или попрошу сводить с парк? Как отец? Ха! У меня есть идея, и я предлагаю тебе место в этой идее.

– Какая идея? – растерянно спросил Дмитрий Эдуардович. Спокойствие и предвкушение чуда слетали с него мёртвой листвой.

– Аналог клановой семьи. Так жили в деревнях и сёлах. Семья из нескольких поколений, живущих вместе. Это станет аттракционом века. Вот, прочти!

Дмитрию Эдуардовичу что-то сунули в руки, толкнули к дивану, к мягкому свету торшера. Он опустил глаза. Знакомый ридер и липнувший к зрачкам текст:

«...часто рассказывали они о строгом, вспыльчивом, справедливом и добром своём старом барине и никогда без слёз о нём не вспоминали. И этот добрый, благодетельный и даже снисходительный человек омрачался иногда такими вспышками гнева, которые искажали в нём образ человеческий и делали его способным на ту пору к жестоким, отвратительным поступкам.

...Но во вчерашнем диком звере сегодня уже проснулся че-

ловек. После чаю и шутильвых разговоров свёкор сам пришёл к невестке, которая действительно была нездорова, похудела, переменилась в лице и лежала в постели. Старик присел к ней на кровать, обнял её, поцеловал, назвал красавицей-невестонькой, обласкал внука и, наконец, ушёл, сказавши, что ему «без невестоньки будет скучно». Через полчаса невестка, щёгольски, по-городскому разодетая, в том самом платье, про которое свёкор говорил, что оно особенно идёт ей к лицу, держа сына за руку, вошла к бабушке. Дедушка встретил её почти со слезами. «Вот и больная невестка себя не пожалела, встала, оделась и пришла развеселить старика», – сказал он с нежностью. Закусили губы и потупили глаза свекровь и золовки, все не любившие невестку, которая почтительно и весело отвечала на ласки свёкра, бросая гордые и торжествующие взгляды на своих недоброхоток...»

Тёма выхватил электронную книгу, потряс её, как весомым доказательством.

– Вот кем ты станешь, вот, чью роль будешь играть! Барина, главы семейства, порой жестокого, порой чуткого и слезливого!

– Но я... – «Я не могу так жить... не хочу... только не так, без любви...»

– Контраст! Людям нужен контраст! Это станет новым слоем в семейной индустрии. Я собираю команду, и, знаешь что? Актёров будет раз-два и обчёлся. Барин да внуки несмышлёные. А вся семья – это клиенты! Понимаешь? Де-

ти, мамки, папки, тётушки... Эй, ты куда?

Тёма проследовал за Дмитрием Эдуардовичем на кухню.

С улицы донеслось эхо преждевременного салюта.

– Что ты здесь забыл? – спросил мальчик, обходя стойку для фруктов.

– Выбираю нож, – ответил Дмитрий Эдуардович.

Ножей на кухне было видимо-невидимо: шеф-нож, универсальный, для чистки, для фигурной нарезки овощей, для лососины, для хлеба, для влажных продуктов, в виде топорика, японские ножи для суши...

– Зачем?

– Ты болен...

– Что?

Дмитрий Эдуардович повернулся к Тёме и ударил его в шею. Лезвие вошло в подключичную ямочку. Мальчик дёрнулся, соскочив с окровавленной стали, его глаза сделались безумными, он попытался поднять к шее руку, но колени подогнулись, словно лишённые костей, и он упал на плитку пола.

Дмитрий Эдуардович опустился на колено рядом с мальчиком и приставил лезвие универсального ножа под бьющийся кадык. Над пульсирующей кровью раной. Провёл по коже обухом, перевернул режущей кромкой...

– Ты болен... ты неизлечимо болен...

Тёма открыл рот, между тонких губ надулся и лопнул алый пузырь.

– X-хш...

– Ты болен тщеславием... ты болен нелюбовью... ты болен
взрослостью...

Дмитрий Эдуардович закончил с шеей, вспорол футболку, раскинул её точно гибкий панцирь, примерился и принялся за дело.

* * *

Сердце было красным и горячим. Оно билось, билось, билось...

Дмитрий Эдуардович положил его в прозрачный вакуумный контейнер, принёс домой и устроил на подставке-башне для цветов, на самом верху. Потом лёг на кровать, выудил из-под подушки пульт и погасил крохотную телевизионную панель, которую забыл выключить, в спешке собираясь к сыну. Реклама фаст-фэмили – счастливый мальчик, сообщающий маме, что пришёл папа, – провалилась в эфирную ночь.

Под потолком ритмично сокращалось сердце.

Его сына. Его семьи. Его опоры.

Стенки контейнера покрывала тёмная кровавая пыль.

Дмитрий Эдуардович положил руку на грудь. Робко улыбнулся, когда в пальцы проник сбивчивый пульс. Тук-тук-тук...

Пока жива любовь в старом сердце отца, сил хватит на двоих.

На двоих...

А затем пришла ночь, и пустые сны, и радость совместно-го утра, и чувство лёгкого голода, который он утолил сладким хворостом, малиновым вареньем и кружкой горячего чая.

Дуэль

Мимо прошёл проводник. Серые брюки, белая рубашка, галстук в красно-чёрно-серую полоску. Поинтересовался у рыжеволосой девушки, разобралась ли та с креслом. Рыженькая кивнула с улыбкой – полулёжа, с наушником в ухе, с пузырьками шампанского в глазах.

Тот, кто сидел позади девушки, через проход, носил терракотовую кофту с капюшоном, синие джинсы и спортивную обувь. Гладко выбритый, он повернулся к окну с сумеречным исподом, несколько секунд рассматривал свой острый подбородок и тонкие губы, рассматривал с каким-то грустным интересом, затем пробил взглядом плёнку отражения, и вот уже сыпались назад домики, вагоны без локомотивов, реденькие рощи. Человека в капюшоне заинтересовали столбы-лестницы с круглыми светильниками на вершине (они напоминали пирамиды с парящим оком), но быстро наскучили.

Тогда он глянул в проход. За стеклянными дверями работал вагон-ресторан. Иногда двери открывались, выпуская официантов, людей в чёрной униформе с тёмно-красным фартуком.

Человек в капюшоне хотел курить, но не мог рисковать. Никакого лишнего внимания. Если вытерпит, обойдётся и без туалета. Каких-то десять часов – и Берлин. Незачем

мелькать перед пассажирами, которых потом могут *просмотреть* те, от кого он бежал. И *просмотрят* – залезут в хорошенькую головку рыженькой, пролистают, как ленту новостей.

Девушка погрузилась в планшет. На секунду он представил, как её глаза выпучиваются, красный взрыв выдавливает лицевые кости на экран, раскалённая проволока волос разлетается в стороны, и вагон реагирует на это – сначала оцепенением, потом криком.

Кажется, он переборщил. Рыженькая напряглась, тонкие пальцы взметнулись к вискам.

Человек в капюшоне отвернулся к окну: бритые щёки и подбородок, жёлтые огни вдоль колеи. С шумом налетел встречный состав, и пассажир закрыл глаза.

Через несколько минут поезд стал замедляться. Долго и лениво полз, будто разбуженный дождём червь.

Польские пограничники прошлись по вагону чёрными силуэтами – высокий и крепкий прикладывал к чемоданам пикающий прибор, – и осели в вагоне-ресторане.

Лысеющего таможенника интересовали сигареты, колбаса, лекарства, алкоголь. Человек в капюшоне мотал головой: не везу. На полке лежал его рюкзак, других вещей не было. Таможенник поднял сканер.

– Большой палец правой руки, – сказал он по-русски.

Человек в капюшоне медлил. Нашёл взглядом светлые глаза таможенника, наладил с реципиентом связь, пустил по

линии мыслеток, и таможенник растерялся, на мгновение поплыл. Глянул на сканер, потом на пассажира, неуверенно улыбнулся, вернул прибор в набедренный чехол и поставил в паспорте печать.

Человек в капюшоне поблагодарил, раскрыл паспорт на последней странице и сразу закрыл. Лицо на фотографии чем-то напоминало его лицо.

Заметят ли *они* след? Или мыслеформа растворится в переживаниях других пассажиров?

Больше всего нервничала семейная парочка, чьи пухлые чемоданы не влезли на полку, и тучный мужчина, стараниями турфирмы отправившийся в поездку с визой, которая начнёт действовать только на следующие сутки, через три часа.

Человек в капюшоне старался не копаться во всём этом глубоко, чтобы не оставлять новых следов. Почти удавалось.

Когда тронулись (мужчину с недействительной визой сняли с поезда), человек в капюшоне принял две таблетки снотворного и приладил к голове наушники. Показывали фильм о советских полярниках.

Через полчаса он уже спал. Никаких эфирных шумов. Никаких следов.

* * *

Старший был пьян. Не прошло и часа, как поезд отчалил

от брестского вокзала. Пьян размеренно и умиротворённо, и в этом состоянии напоминал дрейфующую льдину.

Майор поднял фляжку ко рту. Глеб никак это не комментировал. Старший есть старший. Даже со стеклянными глазами. Состояние майора было даже на руку – Глеб надеялся, что старший разговорится под мухой. Но тот лишь хитро щурился и тянул из металлического горлышка. В купе пахло крахмаленным бельём (постель взял только Глеб) и крепким дыханием старшего.

В Тересполе поезд стоял дольше обычного по их вине. Старший допросил какого-то грузного бедолагу, которого больше суток мариновали на вокзале – держали специально для людей из Группы. На паранормала бедолага не смахивал. Значит, простой свидетель.

Отъехала в сторону дверь. Проводник поинтересовался, не принести ли чего. Глеб заказал чай. В его сумке лежали варёные яйца, сардельки, хлеб и печенье. Жена, Верочка, кинулась запекать курицу, просила подождать (не убежит твоя секретная командировка, а если убежит – и пускай, скатертью дорожка), но тут – красный вызов, вокзал, едем, ищем... Знать бы ещё кого. Информацией владел старший, постоянно на связи с Группой, прикован наушником к аритмичной ситуации.

Майор бегло глянул на проводника, только для того, чтобы убедиться, что услышанное соответствует увиденному, опустил обманчиво-сонные глаза, но тут же вскинул, уце-

пился за что-то, напрягся. Встал, высокий, статный, с синеватым квадратным подбородком. Произнёс почти стеснительно, с кивком:

– У вас на рубашке...

Только сейчас Глеб понял, что заинтересовало старшего. И проводник понял, и принялся было исправлять послунявленным пальцем – белую рубашку пятнала кровь. Три или четыре капли, правее пуговичного пунктира. Затем проводник соорудил из пальцев прищепку, защёлкнул на носу, разжал, глянул на розовое и влажное на подушечках...

– Да, спасибо... Извините, давление... Значит, один чай?

– И шоколадку, – сказал майор, ласково взглянув на фляжку; он расслабился, его больше не интересовали красные пятнышки. – Любую. Можно батончик.

Проводник, снова с прищепкой из пальцев на носу, закрыл дверь.

Глеб попытался сложить два и два. Если, конечно, это были двойки, а не сложные дроби, и если было что складывать...

Чего старший так вострепнулся? Ну, дал течь шнобель эржэдэшника – не пулевое ранение ведь. Чего всматривался в жиденькие глазки, будто расспрашивал без слов? У проводника даже рот повело, безвольными сделались губы.

В голове щёлкнуло. Внутренний калькулятор выдал ответ. И правда – четыре.

Или что-то похожее на четыре? Когда работаешь на под-

хвате у старшего (Глеб догадывался, что его взяли из-за знания немецкого), будь готов к занимательной арифметике.

За стеклом тянулись привычные виды. Природа, трансформированная близостью железной дороги. На переездах нетерпеливые авто подпирали шлагбаумы. В одноэтажных домиках загорались жёлтые квадраты. На фасадах и вывесках было написано по-польски.

– У фрицев в гостях бывал? – спросил старший, запивая шоколад крепким.

Глеб ответил не сразу: вялость голоса майора отвлекла от смысла вопроса.

– В Баварии проездом. В Гамбурге разок у знакомых.

Старший кивнул. Счистил остатки фольги с батончика. Глотнул из фляги. Укоризненно глянул на каплю сгущёнки на пальце.

Глеб решился:

– Мы ведь *нуса* ищем?

– Нуса? – Старший хмыкнул. – Быстро же прижилось...

Нус, нус, нус, почти «гнус»... Может, в этом дело? Гнусный нус, выходи, подлый трус... Нет, тут старенький фильм Кроненберга больше подходит: «Вы назвали меня нусом. Что это такое?» – Майор замолчал, откинулся на переборку, глянул лукаво на молодого. – Хоть знаешь, что значит нус?

– Ум, – отчеканил Глеб. – Мысль.

– Перевод с древнегреческого выучил. Садись, пять. А если глубже? По Аристотелю? По Платону?

Глеб открыл рот (не для того, чтобы дать исчерпывающий ответ), но старший отмахнулся: забудь. Закрыв глаза.

Минут десять ехали молча.

– А как нусов ещё называли? – спросил Глеб.

Майор глянул из-под опущенных век.

– Как только не называли. Щупачи, мозговики, телекины... Статью хочешь написать?

Глеб громко и неестественно рассмеялся.

Ещё через десять минут старший приоткрыл левый глаз и сказал:

– Да. Мы ищем нуса. – Майор порылся в портфеле, бросил на колени Глеба папку. – На, почитай перед сном.

* * *

В Берлине сошли на Восточном вокзале и принялись играть в туристов. Прогулялись к огрызку Берлинской стены (Глеб хотел сфотографироваться на фоне целующихся Брежнева и Хонеккера, но старший глянул неодобрительно), посмотрели на Берлинский кафедральный собор, Рейхстаг, Бранденбургские ворота.

Майор ходил не поднимая головы, будто и не существовало величия уходящих в голубое небо колонн, куполов и статуй; старший напоминал ищейку – принюхивался, брал след.

В точку – брал след. У Глеба было время, чтобы ещё раз сложить два и два и снова получить четыре. Красный вызов.

Охота на нуса. Талантливый психокинетик с силовыми способностями третьего уровня (воздействие на живые объекты вплоть до фазы разрушения)... Из головы не шли материалы из папки старшего. Особенно фотография убитого нусом полковника: расколотая по поперечному шву голова, кровавые ошметки на рабочем столе... Кто может поймать (или, что вероятнее, уничтожить) нуса? Правильно...

Старший тоже был нусом.

Странно, что Глеб не понял этого раньше. Ведь был немой разговор майора с бедолагой, которого сняли с поезда Москва – Берлин на Тереспольском вокзале. Майор *сканировал* его. Как и проводника в заляпанной кровью рубашке.

Принять тот факт, что старший – паранормал, оказалось на удивление сложно. До задания Глеб ни разу не пересекался с майором – оперативные группы формировали неизвестным рандомом, – но успел привыкнуть к этому красивому пьянице, обычному, как считал, человеку... не из этих, с нестандартными способностями...

Сотрудники-паранормалы не то чтобы скрывали свою сущность, но и не афишировали без надобности. Особенно перед неоперившимися птенцами из учебки. Перед «запасками».

Глеб криво усмехнулся. Разумеется, до него доходили слухи. Легенды для внутреннего пользования. Самой фантастичной (но вряд ли смешной) была легенда о том, почему старшие всегда работали на выездах в паре. Чтобы иметь под

рукой «подушку безопасности». Случись что – просто подключатся к нервной системе младшего, выжгут себе местечко и перепрыгнут в новое тело. Как носить с собой шанс на реинкарнацию.

Брехня! Наверняка брехня... Не каждый старший – нус, да и другие паранормалы (пирокинетики, телепорты, биоцелители и т. д.) встречаются среди них редко.

К обеду добрались до Центрального вокзала.

– Ушёл, – сказал старший. – Немного наследил и ушёл.

– Вы его чувствуете?

– Я бы не отказался... – Майор снисходительно улыбнулся. – Нет, это работает по-другому. Мыслеформа, или энергетическая программа, или концентрат, выбирай сам, какое-то время искрит, не рассеивается. А наш клиент, похоже, без денег в бега ушёл. Пришлось выкручиваться. Хорошо, что он, как и я, не шпрехает на дойче. Кассиршу в оборот взял.

– И куда мы?

– В немецкий Лондон. Ну что, поработаешь гидом?

Младший не ответил. Покопался в меню билетного автомата, скормил несколько купюр. В лоток выпал билет, посыпалась сдача.

– Что, один на двоих?

– Групповой.

– Почти синергический, – пошутил старший, но увидел, что Глеб не понимает. – Синергия... ну? Совместные моле-

ния. Слепленная на двоих мыслеформа.

Глеб вспомнил. В учебке был курс о паранормалах. Да и во время тестов лаборанты трепались не умолкая. В том числе про то, что два нуса могут объединить силы (стать сотелекинетиками) и убраться объект, даже не видя его.

– Сколько до поезда? – спросил старший.

– Сорок минут.

– Гут.

В кафешке они взяли по коробке острой корейской лапши, майор добавил два пива, в одну кассу.

* * *

Человек в капюшоне смотрел на уличных мимов. Живые статуи.

Серебряный попрошайка висел в воздухе, опираясь на трость, на его правой руке сидела серебряная фрау, которая в свою очередь держала на руке манекен, единственного из троицы, кто ничего не ждал от толпы туристов. Над мимами прямолинейно текли, впечатляя, ренессансные формы Гамбургской ратуши.

Человек в капюшоне поставил попрошаек на «стоп» и выгреб из шляпы горсть монет. Глупый поступок – денег мизер, кругом люди, – но ему уж очень не понравились глаза серебряного человека, неподвижные, тоже с металлической ноткой.

Он не знал, удалось ли оторваться от преследователей. Не знал, что делать дальше. Осеть в этом безразличном к нему городе или бежать дальше?

Он был зол и напуган.

Кого пустили по его следу? Знает ли он ищейку? Наверняка знает... столько лет в структуре...

Человек в капюшоне решил: чему быть, тому не миновать. Если придётся, он убьёт снова, и только тогда побежит.

Пошёл дождь, мелкий, безнадёжный.

Человек в капюшоне сжал зубы, с некрасивой ухмылкой кинул в шляпу мелкий медяк и двинул в сторону метро.

* * *

Прошла неделя.

Группа нашла им квартиру в северном районе Гамбурга, рядом со станцией метро «Кивитсмор». Первый этаж, балкон с выдвижным навесом – идеально для старшего с бутылкой «Францисканера» или стаканом «Чивас Регал» в руке. Майор наслаждался затянувшейся командировкой. Вечером вышвыривал из головы все эти разноцветные фасады, черепичные крыши и перекрестия линий метро и расслаблялся, глядя на перерытую кротами и облюбованную кроликами лужайку.

Иногда у балкона раздавалось просительное мяуканье полосатого кота. И тогда сердце Глеба тянулось к жене и коту

Филимону. Сердце старшего, казалось, не имело магнитов для тоски, билось ровно и безупречно.

Скоро отзовут, думал без сожаления Глеб. След нуса потерян. Куплю Верочке сувениров и домой.

Иногда он думал о природе нусов. О людях с расстройством нервных клеток, экстрасенсорным феноменом. Думал поверхностно и некомпетентно, как думают об устройстве компьютера, ничего в этом не смысля.

– Медленно пьёшь, – сказал майор, вперившись взглядом в тяжёлые от дождя липовые соцветия. – Что, не угодили гитлеровские пивовары?

– Вкусное, – причмокнул Глеб. – Не люблю быстро.

– Так ничего не успеешь, – выдал философски старший.

– Вы его знали? – спросил Глеб, и глаза майора потемнели. – Он ведь из Группы? Так человека раскурочить – подготовка нужна.

– Много ты знаешь... – Старший вздохнул, потом сдался: – Знаю. Только нашим он перестал быть, когда полковника кокнул. А в бывших долго хаживать не позволят.

– А если не найдём?

– Так не одни мы ищем.

– А если перебежит?

– К фрицам-то? Испугается. Или они испугаются. Ты бы стал работать с шаровой молнией?

Глеб пожал плечами. Он пока не понял, как к этому относиться. Труп полковника на фотографиях оставался трупом

на фотографиях. Мало, что ли, он видел жмуров? В учебке на вскрытиях насмотрелся. А что до нусов... Ну, вот неделю бок о бок – как прислуживать волшебнику, не понимая секрета фокусов. Попросить старшего, чтобы стёр из памяти измену Верочки? Которую простил, выдавил кровью и гноем... но не до конца.

Кстати, умеют ли нусы стирать воспоминания?

– Чушь всё это, – сказал старший, и Глеб впервые почувствовал, что кто-то рядом, в его мыслях. Это было похоже на неприкрытую дверь в ванной.

Глеб понял, что майор безбожно пьян. Глаза провалились в глазницы, лицо будто онемело. Самое время для расспросов.

Только в голову ничего не лезло. Какая-то теория, общее и неважное.

– Как работает мыслеформа?

– Как стрела, раз – и всё, – отмахнулся интонацией старший, но по своему обыкновению продолжил: – Знаешь, что такое аффирмация? Установка, фраза... Например: «У меня всё хорошо» или «Чтоб ты сдох». Повторяй многократно, и будет тебе счастье. Ну, или несчастье другому. Рано или поздно. У сканеров, – старший говорил о нусах так, будто сам им не был, – аффирмация срабатывает почти мгновенно, временные рамки ужимаются, курок спускается: «рано или поздно» превращается в «сейчас». Фатальный сдвиг.

– Быстрое проклятие, – пробормотал Глеб. – Выходит, на-

до только подумать?

– Не только. Надо, чтобы тебя услышали. Подключиться к реципиенту, взломать защиту и проорать ему это прямо в мозг.

* * *

Старший лежал в наполненной до краёв ванне. Из воды торчали фермы колен, аккуратные ноздри и синеватые губы. Вода была холодной. Глеб поёжился, глядя на майора.

– Вода, – сказал старший, минуту назад позвавший Глеба, – совсем забыл о воде.

Младший ждал.

– Вода, которая помнит. Чем больше воды, тем лучше. Для телекинетиков – это как бесплатный Интернет. Знаешь такое местечко?

– Мы ведь были на Эльбе. Паром, старые порты.

– Да, да, – шевельнулись над водой губы старшего, – но там много шумов, вода слишком низко... Нет экскурсий на подводной лодке?

Глеб подумал. Заглянул в воспоминания трёхгодичной давности, когда одноклассница Верочки позвала подругу к себе, в Гамбург, и тут же увидел то, что искал майор.

– Эльб-туннель, – сказал Глеб.

– А поподробней?

– Старый туннель под Эльбой, почти полкилометра под

рекой. Построили больше века назад, когда перестали справляться паромы.

Старший сел в ванне. Высокий, даже в таком положении. По мраморным мышцам медленно ползли капли.

– Далеко от нас?

– Станций пятнадцать. С пересадкой.

– Погнали.

* * *

Каждое новое утро он говорил себе: завтра. Ещё один день – и уеду.

Но не уезжал – слушал тяжёлое шевеление Эльбы над головой. Часами бродил по туннелю и внимал отпечатавшемуся в воде прошлому. Самые яркие и крикливые воспоминания передавались от молекулы к молекуле, всегда оставаясь на одном месте. Над туннелем.

Человек в капюшоне чувствовал копошение образов, шёпот мёртвых голосов. Прошлое, как ржавчина, покрывало железобетонные плиты, которыми сорок лет назад укрепили свод.

Видел, как организмы строителей пожирает кессонная болезнь – чтобы избежать течи, в штольне поддерживали повышенное давление.

Видел агонию погибшего под колёсами парового автомобиля ребёнка.

Видел дуэль немецкого унтер-офицера и австралийского пилота, которого сбили над Эльбой. Забрызганные кровью погоны вермахтского типа и изогнутую нашивку с бледно-голубой надписью на тёмно-синем фоне. Безумные глаза. Они стояли друг напротив друга, как два сломанных орудия, а лампы на грязных стенах брызгали искрами. Из ушей австралийца выстрелили толстые курящиеся струи, кровавая каша полилась на спасательный жилет – из глазниц, из ноздрей, изо рта. Но первым упал унтер-офицер. Его лицо было чёрным, в глазницах кипела кровь, челюсть неестественно оттопырилась. Австралийский пилот улыбался мёртвым расплавленным ртом.

Человек в капюшоне пересматривал эту дуэль десятки раз. Как любимую сцену из фильма (такой когда-то была сцена на крыше из «Бегущего по лезвию»).

Ещё один день, говорил он. Ещё один. Последний. Но завтра был очередной сеанс. Дуэль длиною в жизнь. Трагичное, страшное, чарующее.

Человек в капюшоне хотел оказаться на месте одного из дуэлянтов. Остаться в тоннеле, в памяти Эльбы.

Ещё бы научиться ненавидеть противника, как немец и австралиец ненавидели друг друга. Видеть настоящего врага, а не того, кто хочет избавиться от тебя из страха.

Глаза в глаза. Ненависть, отражённая в ненависти.

На середине тоннеля, под информирующей об этом табличкой, кто-то нарисовал чёрным маркером фигурку чело-

века, сидящего в позе лотоса. У человека было три глаза, третий – между бровей. Чакра аджна. «Приказ» на санскрите. Аджна управляла умом. Третий глаз вывели синим маркером.

И ни фига она не синяя, со злобой подумал человек в капюшоне, чакроведы сраные. Она, аджна эта, жёлто-зелёная, трупного оттенка. А ещё ей можно взрывать черепашки. В прямом смысле: бах! – и кровь с кусочками думалки во все стороны.

Уеду, пообещал он себе, завтра.

* * *

Суббота пахла праздником. Была звонкой, яркой: розовой, зелёной, жёлтой, голубой. Ближе к обеду разноцветные струи потекли в чашу района Санкт-Паули.

Электричка наполнилась нарядными людьми. Напротив Глеба сидела троица в пёстрых брюках-клёш, блестящих пиджаках и кукольных париках. Мужчина у окна порос улыбчивыми подсолнухами. В пластиковых стаканчиках искрилось и пузырилось молодое вино. Повсюду были цветы и ленты: на одежде, в волосах, в глазах и даже, казалось, в немецкой речи – тяжёлые соцветия с треугольными лепестками.

– Что празднуют? – спросил старший.

– День хиппи. Любовь, свобода... что-то в этом духе.

Они вышли на станции Санкт-Паули, впереди стучали

огромные деревянные калоши, над эскалатором плыли золотые и изумрудные кудри, соломенные шляпы, бархатистые шарфы.

Автомобильное движение перекрыли, двери баров были распахнуты настежь, в хмельном воздухе покачивались шары и гирлянды, звучали шлягеры семидесятых. У Глеба рябило в глазах. Старший косился на мужчин, переодетых в женщин. Грузовики ждали у обочин, чтобы – скоро, скоро! – покатить по проспекту, изрыгнуть в толпу конфеты, цветы, мыльные пузыри.

Спустившись к набережной, они направились к кирпичной меднокупольной ротонде. Никаких табличек, вывесок. Глеб вёл старшего, как когда-то вели его.

В подъёмной шахте майор изменился. Но не до конца, будто по принуждению – на середине трансформации из человека в ищейку. Размашистым винтом уходила вниз лестница, липла к выгнутым стенам. Мерно гудели моторы грузовых подъёмников.

Они спустились лестницей.

По тротуару туннеля жиденько текли туристы. В жёлобе проезжей части зазвенел велосипед. Негусто: видимо, многих привлекли гуляния в Санкт-Паули.

Керамическая чешуя свода блестела в электрическом свете, казалась влажной. Длинные чёрные турбины, отвечающие за вентиляцию туннеля, будили воспоминания о Жюле Верне; барельефы из майолики – раки, рыбы, змеи, пингви-

ны – о Лавкрафте.

– Что? – вырвалось у Глеба при виде осунувшегося лица старшего.

Майор остановился и смотрел вверх. Парочка корейских пенсионеров с ворчанием стянула чемодан на проезжую часть, чтобы обойти зазевавшегося мужчину.

– Если он был здесь и видел это... – произнёс старший, – я найду его.

– Видел – что?

– Это, – повторил майор. – Эти двое... уф-ф... память о них как радиация...

– *Мы сами как радиация!*

Глеб дёрнул головой в сторону старшего. Голос принадлежал не майору, но странным образом исходил из его головы, будто череп нуса превратили в динамик.

Превратил тот, кто продолжил:

– А теперь они пытаются залить нас бетоном. По одному. Что тебе сказали, майор?

– Правду. Что ты стал убийцей. – Старший смотрел на человека в капюшоне, который сидел у стены в нескольких метрах от них.

– Стал, – согласился человек в капюшоне. – Выбор, как всегда, был невелик. Убей или будь... Ирония в том, что тот, кто направил мне ствол в лицо, тоже был в списке. Ты знал, что полковник Цигун – сканер?

– Догадывался, – ответил старший.

Майор оставался неподвижным. Нусы использовали для схватки другие мышцы – ментальные. Глеб почувствовал, как в старшем разгорается жаркий ком, пульсирует, ищет выход, зеленовато-жёлтый, опасный, прожорливый. Каким-то образом Глеб оказался включён в искрящую цепь, на концах которой были два телекинетика: слышал их мысленный разговор, задыхался от едких паров решительности. Если они начнут сейчас, пострадают люди, подумал Глеб, надо их остановить... пока не подступило, не порвалось, не выцелило...

Он двинулся вдоль стены, пальцы левой руки скользили по белому кафелю, правой – скручивали колпачок со шприца со снотворным.

Сидящий у стены человек поднял голову, в чёрном овале капюшона Глеб не увидел даже глаз. Не смотри туда! Он отвёл взгляд, принялся повторять про себя дурацкую считалку – всё, как учили в учебке.

– При любом раскладе Группа в выигрыше, – сказал человек в капюшоне. – Минус один сканер. А то и два. Как семьдесят лет назад... Ты ведь видел эту дуэль, майор... видел что-нибудь прекрасней?

– Видел, – невозмутимо произнёс старший. – Улыбку дочери.

– Тогда отступи. И любуйся ей каждое утро.

– Ты знаешь, что не отступлю.

– Знаю...

Человек в капюшоне замолчал. Почему? Майор взял верх?

Глеб подскочил к нусу и выбросил вперёд руку.

Игла чиркнула о плитку, застряла в шве за спиной бесплотной фигуры и сломалась.

– Фантом! – крикнул старший.

Глеб понял это секундой раньше. Человек в капюшоне создал своего двойника, обманку из эфирной энергии.

Взгляд майора метался по туннелю. От туриста к туристу, словно плёл невидимую сеть. Рот старшего распахнулся, лицо постарело, под кожей проступили чёрные вены.

– Где ты?!

Мимо Глеба проковылял мертвец в замызганной полевой куртке, стальном шлеме и чёрных сапогах. Челюсть призрака словно выдернули из черепа. Глаза были забиты свернувшейся кровью. Нашивка, свастика...

Мертвец прошёл сквозь велосипедиста, и оба миража потеряли чёткость.

Длинные жёлтые лампы оглушительно моргали, между металлическими конструкциями в кирпичных дырах проскакивали голубые молнии.

А потом в туннеле под Эльбой остались лишь трое.

Глеб, старший и тот, кто шагнул к ним из темноты со стороны южного входа.

Голова нуса едва помещалась в капюшон. Человек ткнул пальцем в розовую опухоль на лбу и крикнул:

– Я забрал их у воды, майор! Теперь они здесь! Продолжают сражаться и умирать. Взгляни на это последний раз!

Мыслеформа была настолько сильной, что увидел и Глеб. Дуэль двух паранормалов прошлого века. Скрученные пальцы пилота Королевских военно-воздушных сил Австралии. Пену в уголках рта унтер-офицера. Две столкнувшиеся стихии, два энергетических потока, извергнутых разумом противников. Немец атаковал первым, но *gogo* (ответный удар) австралиец не уступал в силе.

Глеб не видел в этом сражении ничего прекрасного. Лишь бессмысленность, облачённую в бессмысленность. И восхищение этой матрёшкой разрушений, которая овладела сердцами старшего и человека в капюшоне.

Бессмысленно, особенно в свете того, что паранормалов в те времена не использовали по назначению – о них попросту не знали; ещё не были созданы ни Группа, ни *Zentrale*, ни что-там-у-них-в-Британии...

Бессмысленно...

Мысль показалась правильной, яркой, способной разорвать замкнутый круг копирования смерти. Она подняла Глеба на ноги и поставила между нусами, лицом к старшему. Надо было остановить его, дать уйти человеку в капюшоне.

Глеб сконцентрировался на полубезумных глазах майора, постарался мыслить направленно, как учили на тестах.

«Бессмысленно. Всё уже было раньше. Копия. Обманчивая красота», – транслировал он.

«Отпустите его. Он уже мёртв. Мертвецы в голове. Холодная вода».

Рот старшего левобокко пополз вверх.

Глеб почувствовал проблеск согласия, словно в голове майора вскрылась рана, и гной уносил напряжение и яд, но... не кончался.

А выплеснулся – прямо в рассудок Глеба. Горячим, ярким, жёлто-зелёным.

Глеб вскрикнул, сдавил виски ладонями, страшно выгнулся назад. Его тело дико хрустнуло. Из рта выплеснулся фонтанчик крови.

– Уйди! – закричал без слов старший. Не просьба... возможно, попытка обмануть себя, улыбку дочери, оправдать, заглушить. Майор жаждал дуэли не меньше, чем человек в капюшоне.

Кожа рвалась багровыми полосами, сухожилия отслаивались от костей, мускулы натягивались и лопались. Глеба словно сломали через колено, но он продолжал висеть в воздухе, скребя по полу носками ботинок.

А потом стало жарко и бело – и больше никак.

Яд чужих мыслей вскипятил мозг, давление алого пара разломило череп на фрагменты – треугольный осколок вспорол кожу под правым глазом, цветом свернувшегося молока.

Лоб младшего ударился об асфальт. Сердце остановилось. По костям и позвоночному столбу прошлось чёрное землетрясение.

Глеб рухнул, и его встретила и приняла тяжёлая вода.

Дуэлянты мысленно шагнули друг к другу в старом туннеле под Эльбой.

Перила выщербленной лестницы

– Мне нельзя, – сказала она.

– Ой, а кто это нам запретил? – поинтересовался он дурашливо. Его пальцы замерли под резинкой её трусиков.

– Матушка Природа. Потерпи пару дней.

Олег погладил Олю по животу, поцеловал в плечо, откатился на свою половину кровати. По потолку проползли серые полосы – во двор свернула машина.

Он не сильно расстроился из-за несвоевременного каприза матушки Природы. Теперь, перед сном, мог спокойно подумать о том, что его волновало весь день и, похоже, не отпустит...

– Я в пятницу уезжаю.

– Куда? – сонно спросила Оля, и её голос с трещиной-хрипотцой всё-таки заставил его пожалеть о несостоявшемся сексе – снять напряжение не помешало бы: не думать о письме, о прошлом...

Она ведь тоже оттуда, неожиданно подумал Олег, из их прошлого. Белокурая, весёлая, воздушная Олька, с которой недолго встречался Стас, танцевали Жека и Игорёк, о которой мечтал Олег... Она нравилась им всем – четырём друзьям, их компании, банде.

– В Брест, – сказал Олег, – в «Оверлук».

Глаза привыкли к темноте. Оля перевернулась на другой

бок. Её лицо лежало на подушке красивым овалом, светлая прядь спадала на пухлые, словно искусанные губы... и никуда не делась её лёгкость, её неисчерпаемая юность. Он встретил Олю спустя десять лет и не смог отпустить. А ведь раньше они с ней даже не целовались...

– Ты шутишь? – спросила Оля без надежды на положительный ответ. – Его, наверное, давно снесли.

– Не снесли. А выкупили и достроили. Я погуглил.

– «Оверлук»? Тот самый?

– Ага.

Оля села, зажгла бра и подтянула острые коленки к груди, разглядывая напедикюренные пальчики.

– Рассказывай, – сказала она. Словно ждала сказку на ночь. Тёмную историю.

– На «мыло» письмо пришло. – Он сел рядом с ней и тоже обхватил колени руками. Оля толкнула его плечом. – От кого-то из парней.

– Жека?

Олег обрадовался, что она вспомнила первым Жеку, а не Стаса. Конечно, у Оли со Стасом было не очень серьёзно, не так, как хотел Стас, до самого главного не дошло, но всё-таки... Олег был уверен, что Оля любила Стаса – тогда...

– Не знаю. Может и он. Письмо не подписано. А название ящика... сейчас...

Он взял с тумбочки телефон, открыл письмо и показал. Overluk2004@mail.ru.

Оля прочитала, а затем перечитала. Олег следил за её лицом.

– Хм. А если это шутка?

– Тогда посмеюсь и возьму такси до вокзала.

– Ты на письмо отвечал?

– Само собой.

– И что?

– Тишина.

– Но всё равно поедешь?

Олег кивнул.

– Я с тобой.

– Нет, – вырвалось у него.

– Почему?

– Потому...

– Хорошо, – помогла ему Оля, – хорошо.

Понятливая. Тёплая. Желанная. Осязаемый призрак прошлого.

Её рука зашарила по внутренней стороне его бедра.

– Хочешь, я ручкой?

Он закрыл глаза и утвердительно промычал.

* * *

Почему он не хотел, чтобы она ехала с ним?

Из-за Стаса?

Или потому что один из его друзей умер тринадцать лет

назад?

Умер и возвратился.

Это практически не имело значения, потому что ничего не изменилось. Потому что они были вместе. Молодые и настоящие. Почти всеильные в своей дружбе, почти дикие в её обнажающихся трещинах.

Они были лучшими друзьями. Которые раз и навсегда. Которые с самого начала. Которые уже никто – огрызки людей, – когда всё кончается. Но, естественно, не понимали этого тогда. Не каждое из условий.

Они просто жили.

Даже после того, как один из них *ушёл и вернулся*.

* * *

В поезде до Бреста Олег перечитал письмо с ящика Overluk2004@mail.ru:

«Приезжай. Соберётся всё каре. Встретимся в вестибюле Оверлука».

И никакой даты и времени. Просто приезжай.

Каре. Так они называли свою банду. Четыре одинаковые карты. Четыре друга.

Он попытался вспомнить строки стихотворения Бродского, которые когда-то привязал к потерянной дружбе, к навалившемуся одиночеству, но не смог правильно выстроить слова. Пришлось лезть в телефон:

Да. Лучше поклоняться данности
с убогими её мерилами,
которые потом до крайности,
послужат для тебя перилами
(хотя и не особо чистыми),
удерживающими в равновесии
твои хромающие истины
на этой выщербленной лестнице.

За шторкой чувствовалось угасающее солнце. Олег убрал шторку. В окне прополз зелёный с жёлтой полосой бок тепловоза, открытые вагоны с углём и дровами. Посыпались окраины Минска. Кирпичные склады с синими крышами, гниющие под навесом деревянные поддоны, щётки вентиляционных труб, цистерны.

Он следил взглядом за высоковольтным проводом, считал ворон. Одна. Через столб – две. На следующем пролёте – четыре. Потом восемь. Геометрическая прогрессия какая-то...

Пожилой сосед напротив рассказывал краснощёкой женщине о качественной белорусской обуви, даже расшнуровал ботинок и продемонстрировал.

Олег улыбнулся и закрыл глаза.

На боковушке кашляла чеченка (чеченцы пёрли через Брест в Польшу – их возвращали, а они снова) в чёрном платке, сплёвывала в ведёрко из-под майонеза. В проходе гомонили её отпрыски, два пацанёнка в спортивных костюмах и

шапочках «адидас».

Олег открыл глаза. Бетонные заборы. Грузовые вагоны без локомотива, некоторые с лесом. Провода разлиновали красноватое небо, Олег, как в детстве, следил за их нырками и резкими взлётами, надеясь, что вот-вот всё изменится: вселенная смилостивится, и он, наконец, выиграет в эту игру – провод избавится от столба-надзирателя и уйдёт ввысь, не останавливаясь...

– Можно пройти? – обратилась к смуглому мальчонке краснощёкая женщина.

– Куда вы все спешите, на тот свет? – сказала чеченка, оттягивая старшего.

– Это вы сейчас умно сказали, – фыркнула краснощёкая. Пожилой мужчина возился с ботинком.

«*Оверлук*», подумал Олег. *Банда-каре*.

А потом: *Оля*.

Они, парни из каре, прозвали её Редиской. Она не обижалась. Казалось, что она не умеет обижаться в принципе. Даже когда её бросил Стас, перестал отвечать на звонки, – она, спокойная и рассудительная, с грустной улыбкой попросила Олега передать Стасу какую-то мелочёвку, тому не важную, но, наверняка, важную ей. Отпустила.

Моя девочка, подумал Олег, и в этот момент низкое, налившееся кровью солнце скрылось за облаками, и тёплая ладонь соскользнула с его лица.

Что он знал о дружбе? Даже не так: что он знал о *настоящей* дружбе?

Была ли их дружба настоящей? Или они просто выросли вместе? Или – была, но сплыла?

Эти вопросы, мучившие Олега больше десяти лет, сейчас звучали особенно громко.

Он отмахивался.

Его друзья, банда-каре – это раз и навсегда, других не будет. Других не нажил. В универе и на работах случались хорошие знакомые, которые, чего греха таить, были лучше и надёжней Стаса, Жеки и Игорька (во всяком случае, казались такими), но Олег полуосознанно держал новых знакомых на расстоянии, не впускал всецело в свою жизнь; возвращался в домик на дереве, над входом в который была прибитая табличка «ДРУЖБА»... чтобы встретиться с призраками старых друзей.

Однажды он прочитал у Прилепина (на страничке в социальных сетях), из чего, по мнению писателя, складывается настоящая дружба: из комфорта в компании человека, в застолье с ним, и общей цели. Революции. Литературы...

Общих целей с парнями из каре Олег не имел. Какие, откуда? Когда не видишься долгие годы с теми... с кем *просто вырос вместе*.

– Пошёл ты, – сказал Олег Прилепину. – Они мои друзья, что бы там ни было. И других не будет.

Он бросил сигарету в металлическую воронку урны и потянул на себя дверь отеля «Оверлук».

Они прозвали так это место, когда в бетонном остове чернели неостеклённые дыры, а ветер беспрепятственно гулял по этажам: целую вечность здание стояло недостроенным, брошенным инвесторами, разрушаемое влагой и температурой (отец Олега, архитектор, говорил, что стройку не законсервировали на зиму).

Никаких призраков в «Оверлуке» не водилось, но придуманное Олегом прозвище сразу прижилось. Правда, пришлось пересказать друзьям сюжет романа Стивена Кинга – кроме Олега, никто «Сияние» не читал.

Не водилось...

А теперь?

Дверь не поддавалась.

Олег заозирался, словно ошибся местом. Возможно, временем.

Он спустился по широким ступеням и задрал голову, измеряя взглядом стеклянный цилиндр. Гостиница казалась прозрачной – в ней отражались облака. Округлый мираж.

Зеркальные панели у основания башни искажали пешеходную улицу: выпучивали фонари, лавки, прохожих. Комната кривых зеркал. Олег посчитал этажи: двадцать четыре. Или двадцать пять, если считать зеркальный пояс, делящий

здание пополам. Гостиницу не только довели до ума, но и добавили несколько этажей – превратили в билдинг из сверкающих блоков и нержавеющей стали.

На фасаде всплыло и стало расправляться огромное лицо, разобранное зеркальными поверхностями на кривляющиеся части. Один фрагмент не очень удачно сходился с другим. Будто бы не одно лицо, а по кусочку от разных. Мужчина с плоской улыбкой и подленькими глазами – или глаза не его? и рот не его? и всё это по отдельности? Олег смотрел, как скользит, как дробится, как играет солнечный свет – как ползёт вверх титаническое бездушное лицо.

Он обернулся через плечо.

Рабочие крепили баннерную растяжку, метров пять в длину и четыре в высоту: фальшивый врач с плоской улыбкой, реклама какого-то медицинского центра или стоматологии – Олег не вникал. Ткань трепетала на ветру.

– Олег Баткович! Не проходите мимо!

На крыльце стоял Евгений Коржан. Жека. «Оверлук» открыл свои двери.

Олег поднялся к другу, немного смущаясь. Прошрое стыковалось с настоящим, он не знал, что чувствовать, как себя вести.

Олег протянул ладонь.

– Отставить, – широко, по-хозяйски улыбнулся Жека. – Дайка брата обнять.

Олег опустил сумку на ячеистый резиновый коврик, и они

обнялись. Олег смотрел на макушку друга, короткие, с седой волосы, и чувствовал себя одновременно глупо и хорошо. Жека был самым низкорослым в каре, но по этому поводу не грустил, брал девчонок нахрапом, бойкостью, иногда деньгами. В девяностых он тарился оптом аудиокассетами (позже дисками) и толкал их скучающим в приграничных очередях дальнобойщикам, имел хороший навар – хватало и на погулять, и на отложить. Школу бросил после девятого класса, подал документы в техникум, где почти не появлялся. После отчисления брат помог устроиться водилой в облизполком. Лучше всего Жека умел, да и любил, крутить баранку; в принципе, никакой другой профессии он так и не приобрёл (про Жеку-коммерсанта забудем – в девяностых каждый второй был коммерсом).

Надёжный, правильный (как говорили, по понятиям), простой Жека.

– Привет, друг, – сказал Олег.

– И тебе привет. Ты зачем, дурилка, шевелюру отпустил?

Олег неосознанно провёл рукой по волосам: в юности он брился под машинку.

Жека усмехнулся.

– Ну заходи, заходи. Вэлком. Сумку не забудь.

Коридор вывел в круглый гостиничный холл. Стойка регистрации без портье выглядела сиротливо. Дремали, смежив пластиковые веки, торговые киоски. От пола до потолка клочкотала восточная страсть: пёстрые камни, яркий орна-

мент ковров, резная мебель, много пальм, тканей и броских мелочей. Не хватало разве что фонтана.

В вестибюле звучали только шаги двух друзей. Полированные полы отражали не хуже зеркал.

– «Тысяча и одна ночь» ещё не открылась? – спросил Олег.

– А? Ты про отель? Пока нет. Хотя кое-кто живёт. – Жека сделал невнятный жест рукой. – В общем, не удивляйся.

– Тестовый режим?

– Типа того.

В простенках стояли цветочные горшки с экзотической растительностью. Часы над стойкой вращались почти на час.

Олег и Жека устроились на диване в зоне отдыха. Олег погладил резную спинку, положил на колени декоративную подушку-валик, будто кота, который поможет обвыкнуться в новом месте. Жека пододвинул к краю стола мозаичную пепельницу, положил рядом пачку сигарет и закурил.

– Помнишь, как по детству бычки собирали?

– А то, – улыбнулся Олег. – Потрошили и самокрутки делали.

– Или так добивали. Вы со Стасом даже проблевались однажды.

– Было.

Жека выпустил изо рта серию колечек, откинулся на спинку и взял с места в карьер:

– Рассказывай, братка. Как живёшь, чем дышишь? Семья?

Дети?

– Пока не обременился.

– Встречаешься с кем?

– Есть такое дело.

Олег решил, что позже расскажет об Оле (о Редиске, чтобы долго не объяснять). Как случайно, после стольких лет, встретил её в минской подземке, пригласил в кафе, чтобы вспомнить, прочувствовать то звонкое время, которое считал лучшим в жизни. Как всё следующее утро лежал и думал о ней, а потом вскочил, чтобы разыскать в «ВКонтакте» или «Фейсбуке», где угодно, и нашёл, и... Он расскажет, когда соберётся вся банда-каре, – если придётся к слову, и без всяких розовато-приторных подробностей.

– Ну а ты?

– А что я! – хлопнул по коленям Жека. Маленький, щупленький, в сером костюме (Олег помнил Жеку исключительно в водолазках и спортивных кофтах), как-то высохший лицом и телом, но узнаваемо бойкий, прежний. – А я лучше всех! Сегодня одна, завтра другая, и все довольны. Коллеги мы с тобой, брат!

Олег не стал спорить, что «сегодня одна, завтра другая» вовсе не про него.

– Хотя, если подумать... – Жека вздохнул, скорее мечтательно, чем с грустью. – Конечно, семьи хочется. Малышню... Как у Стаса. Только пацанов, чтобы в танчики, пестики, на костёр поссать... Сорокет скоро, сворачивать надо ла-

вочку.

– У Стаса девчонки?

– Ну. Две. Ты не слышал?

– Кажется, слышал. – Олег не был уверен; странное дело: то, что у Стаса две дочки, не стало для него новостью, но он не мог вспомнить, когда и от кого это узнал.

– Пить хочешь?

В сумке была бутылка минералки, но Олег сказал:

– Не откажусь.

Жека затушил окурок, сходил к киоску (тот оказался не заперт) и вернулся с двумя стекляшками пива. Чокнулись горлышками. Олег закурил. Они проговорили почти час, в основном о прошлом, в котором банда-каре была неразлучна. Олег погрузился в воспоминания, как в тёплую ванну. Расслабился и даже будто бы задремал.

– Теперь ясно, почему детишками не обзавёлся. Реакции нет... – Голос Жеки потянул на поверхность. Что-то упало под ноги. Та-а-ак... Выяснилось, что Олег, оказывается, стоит у мраморного изгиба стойки. Он опустил взгляд и увидел ключ-карту.

Олег поднял пластиковый прямоугольник, который ему кинул через стойку Жека, озадаченно повертел в руке. Всего несколько секунд назад они с Жекой сидели на диване, разговаривали, и было тепло и уютно. Что изменилось, ну, кроме их местоположения? Олег зажмурился: о чём это он...

– У меня скоро встреча, тёрки с хмурыми поставщика-

ми, – сказал Жека. – Ты в номер вещи закинь, отдохни, отель глянь. А вечером словимся.

– А остальные?

– Стас в городе только завтра будет. А Игорёк вечером подтянется.

– Игорёк в Бресте? – спросил Олег.

– Ага. Там же, на Востоке. С женой, малым и мамкой в двушке локтями толкаются.

– Слушай, а что название отеля значит?

По лицу Жеки стало понятно, что он подумал о другом, и Олег уточнил:

– Не «Оверлук», а настоящее. «Бурдж-что-то-там». Читал, но не запомнил.

Жека пренебрежительно поморщился.

– Это по-арабски. Башня. Не загоняйся.

– А арабы здесь при чём?

– А арабы сейчас при всём. Деньги вкладывают.

Они остановились у лифтов, и Олег обернулся. Арабы, значит. Ну да, вестибюль как бы располагал.

– А ты здесь кем?

– Управляющий, – важно сказал Жека.

Из водил да в управляющие отеля. Олег присвистнул.

– Стас подсобил, – добавил Жека.

– Стас?

– Ага. Это всё его, если закрыть глаза на арабские инвестиции.

Олег медленно кивнул. Не свистелось. Не хотелось признаваться даже самому себе, но, похоже, это была зависть. И не сказать, чтобы абсолютно белого оттенка.

– Падишахом, значит, заделался.

– Чего?

Олег помотал головой.

– Ладно, – не стал уточнять Жека, – увидимся. Хорошо, что приехал, брат.

Первыми открылись двери правой кабины, внутри играла спокойная музыка. Лифтовые шахты поднимались по оси башни. Второй этаж, третий, четвёртый... Олег обратил внимание, что на панели нет кнопки «13».

Лифт открылся в тамбур. Олег прошёл по кругу, читая таблички над дверями в коридоры-лучи. Толкнул нужную дверь.

Короткий серо-зелёный коридор со скупым декором из хромированных полос, светильников и зеркал. Ни одной изогнутой линии. Хай-тек – так ведь называется этот стиль? Только техники маловато – потолочные камеры наблюдения да динамики. Восточный стиль холла, видимо, был уступкой арабским инвесторам.

Олег остановился у последней двери и сверился с наклейкой на электронном ключе. Дверь с табличкой «1428» смотрела на лестничную площадку. Олег задержался взглядом на цифрах. Хмыкнул. А что, забавно бы вышло: ночевать в «Оверлуке» в номере 1408. Вполне. Главное, не в 217-

ом. Ванные комнаты и мёртвые женщины (даже воображаемые) – не самое вдохновляющее сочетание.

В отличие от Дэнни Торренса, стоящего перед номером 217 в параллельной литературной вселенной, номер 1428 ничем не манил Олега. Он приложил ключ-карту к замку и открыл дверь. В узкой прихожей было темно. Олег щёлкнул выключателем. Темнота усмехнулась. Олег нахмурился, сильнее надавил на клавишу, но тут сообразил, что надо вставить ключ в специальный пластиковый кармашек на стене. Да будет свет!

Было душно: помещение, будто пёс, обрадовалось хозяину жарким дыханием. Олег бросил сумку под дверь гардеробной, разулся, снял куртку и прошёл мимо двуспальной кровати к радиатору. Так и есть – кочегарят. Рановато для отопительного сезона, октябрь только зашевелился. Олег удивился, когда не нашёл ни регулятора, ни шаровых кранов: радиатор висел на торчащих из стены толстых трубах и грел так, что не прикоснуться.

– Что за подставка, – сказал Олег и потянулся к двери на лоджию.

Открыть удалось не сразу, будто кто-то держал дверь с той стороны, а наигравшись – отпустил. Обливаясь потом, Олег вышел на лоджию, распахнул окно и закурил. Внизу, за пустой парковкой, лежал двух-, трёх-, редко пятиэтажный Брест – кусочек старого центра. Над трубой бывшего консервного завода вертелся флюгер, декоративные часы пока-

зывали полночь. Олег поискал пепельницу и, не найдя, достал из пачки последние две сигареты, смял окурочок о внутреннюю поверхность крышки.

Пульт от встроенной в стену телевизионной панели лежал на прикроватной тумбочке. Там же стоял белый, с оплавленным носиком электрический чайник. Узкий дээспэшный шкаф справа от арки, слева – письменный стол со стулом, забитый напитками карликовый холодильник... Стандартный номер в стиле «ухоженная съёмная однушка». В ванной нашёлся тёмно-синий банный халат, тапочки (маленькие, розовые, влажные на вид), мыло, шампунь и лосьон после бритья. Ау, господа инвесторы! Где витые золотые скульптуры, рога антилоп, резная мебель, чеканные безделушки, арабская вязь? Где романтика восточных сказок? И балдахин над кроватью – где? А ванна... какие у них ванны? Мысль застряла на хаммаме. Олег выбрался из тесной душевой кабинки, вытерся, прошлёпал босиком к застеленной простыней кровати и упал на неё с телефоном.

До чего же жарко, как в парилке, даже с открытыми окнами. Климат-контроль слабо было поставить? Олег позвонил Жеке. Гудок – бесконечно-длинный, за статическим шумом. А затем щелчок (наверное, так заканчивается что-то важное в одном месте и начинается неведомое в другом) и – «номер не существует». Сменил, поди, как-никак десять лет прошло. Ладно, новый вечерком запишем, куда Жека денется с подводной лодки... управляющий, блин! Котельной!

Единственным напоминанием о прохладном душе остался колющий халат.

Было начало первого.

Олег набрал номер Оли. Сначала ничего – ни гудков, ни треска; тишина в поисках другой тишины. Потом пошли обычные гудки дозвона, но Оля не отвечала. Олег нажал на «сброс» и встал с кровати, чтобы одеться и исследовать внутренности «Оверлука».

* * *

Он спустился на лифте на первый этаж. Сквозь стеклянные панели струился солнечный свет. Ступенчатый потолок, укравший часть второго и третьего этажей, переливался мозаикой. В животе у Олега урчало. Прогуляться до ближайшей забегаловки? А как же ресторан при отеле? Где она, эта отдушина для постояльцев? В вестибюле не было и намёка на лобби-бар или кофейный зал.

За стойкой регистрации появился портье, возился со стендом: вынимал ключи-карты из одних кармашков и опускал в другие, перепутывал... Зачем? Пустых кармашков было около десяти. Слева от стенда на крючке висел красно-синий магнит-подкова, большой и какой-то мультяшный, из «Автомобиля Кота Леопольда», кажется. Олег устремился к портье, чтобы узнать про ресторан, но тот скрылся в подсобке. Олег постоял у стойки, разглядывая холл.

Тишину нарушала поломочная машина, за которой сидела пожилая горничная. Машина ползла в направлении входных дверей, цилиндрические щётки скребли по полу, горничная клевала носом над панелью управления. На диване, укромно спрятанном в тени пальм, сидел сухой старик. К подлокотнику была приставлена трость с набалдашником в виде головы какого-то животного.

Прошло десять минут, портье так и не вернулся.

Олег поднялся по лестнице на второй этаж и сразу наткнулся на яркую вывеску, обрамлённую бутфорскими пивными бокалами с пенными шапками. На буквах «Б», «А» и «Р» раскинули увесистые клешни багровые раки. Стиль а-ля рюс. Всё смешалось в Датском королевстве, упрятанном в стеклянную башню.

«Пока не открылись, – сказал Жека. – Хотя кое-кто живёт». А раз живёт, значит, кушает... Олег потянул за ручку: не заперто.

Цепляясь взглядом за развешанные по стенам веники, черпаки, шайки, запарники и шапки, Олег прошёл по деревянным трапикам к барной стойке. Бармен поднял на посетителя скучающе-равнодушное лицо.

– Пиво, – сказал Олег. – И меню.

– Какое?

– Обычное, со списком блюд.

– Какое пиво?

– А, светлое... Живое есть? Отлично. Живое.

– Сделаем, – ответил бармен с натянутой угодливой улыбкой.

Когда на стойку опустилась деревянная кружка с ароматной пеной, Олег заказал сваренных в пиве раков и картофельные дольки с чесноком. Столов было пять – винные бошки в окружении низких бочонков с подушками. Олег решил остаться у стойки, какое-никакое общение – но бармен передал на кухню заказ, устроился на высоком стуле в дальнем конце своей вотчины и уткнулся в телефон.

Олег медленно пил пиво и думал о друзьях. Как сильно они изменились – внешне, внутренне? Как пройдёт встреча? Так же легко, как и с Жекой? С Жекой всегда было легко, но эта лёгкость отдавала унынием – общих тем мало, Жеку интересовали только машины да пустоголовые курицы, которых он катал на рабочих авто; он почти не пил, просто был рядом с друзьями, важный, но неприметный кирпичик... Интересней всего Олегу было со Стасом – интеллектуальное родство, братское уважение, боязнь обидеть своим мнением... А Игорёк... с Игорьком было проще, но в то же время сложнее – слишком обидчивый, упрекающий всех своим неблагополучием... Олег вернулся мыслями к Жеке: интересно, Жека сохранил засмотренные до зажёванной плёнки кассеты с сериалом «Бригада»?

Подспели картошка и раки. Олег быстро разобрался с первым клешнявым, не забыв о сочной мякоти лапок и панциря. Мясо было нежным, немного сладковатым. С пальцев

капало. Олег ухватил за поджатый хвост второго рака, с икрой между жабрами, и в этот момент двери бара распахнулись.

Вошедшего мужчину Олег не знал. Сухой, длиннолицый, с ушами без мочек и серыми веками. Он устроился через стул от него, кивнул бармену, положил безвольные руки на стойку и уставился в зеркало над стройными рядами алкоголя.

Видимо, кивок был условным сигналом – бармен поставил перед длиннолицым пять рюмок, которые наполнил коньяком. Завсегдатай, значит. Завсегдатай в ещё не открывшемся отеле. Олег улыбнулся краем рта и с хрустом оторвал рачью шейку.

В кармане заёрзал телефон. Олег вытер руки салфеткой и ответил:

– Привет. Почему не брала?

– Что-то с телефоном. Завис, наверное. Ты как? Встретился?

– Только с Жекой. Остальных ещё нет.

– А зачем в ночь поехал?

– Только сейчас спрашиваешь?

– А что это меняет?

Олег пожал плечами, словно Оля его видела.

– Хотел немного подумать... свыкнуться.

– С чем?

– С городом. Со встречей.

– И что ночью делал? Поезд в половине первого в Брест прибыл. С бомжами вокзальными на лавках куковал?

Не похоже на Олю: она никогда не разговаривала с ним таким тоном. Первые ростки ревности? К кому, чему? К прошлому?

– Прогулялся по центру.

– А сейчас где?

– Обедаю.

– В «Оверлуке»?

– Да.

– И как там?

– Неплохо. Внушает. Оказывается... – Он запнулся: передумал говорить, что отелем владеет Стас. – Жека тут управляющий.

– Ничего себе!

– Вот и я о том же.

Раков больше не хотелось. Прижав телефон плечом к уху, Олег ковырнул вилкой остывшую картошку.

– Сколько планируешь пробыть?

– Не знаю. Стас только завтра подъедет. Может, два дня или три.

– Передавай всем...

Связь оборвалась. Олег перезвонил, но в трубке звучали короткие гудки. Он спрятал телефон.

На лице человека с ушами без мочек застыла ухмылка, призванная сообщить Олегу, что он сделал что-то не то.

– Цепляешься за звонки?

– Не понял?

– Абонент *безвременно* недоступен, – сказал длиннолицый и прикончил очередную рюмку. Полных осталось две.

– И что это должно для меня означать?

Завсегдатай ответил так, будто оказывал Олегу необязательную услугу.

– То же, что и для всех.

Олег отвернулся. Продолжать не хотелось. Бред какой-то. Бармен оторвался от телефона и напялил на голову банную шапочку, словно только сейчас вспомнил об этом элементе униформы.

Олег попросил счёт и одним глотком допил пиво.

Длиннолицый напряжённо вглядывался в зеркало. Пальцы крутили пустую рюмку.

Олег расплатился и встал. В фальш-окнах искрился зимний пейзаж. Свет ламп едко сочился сквозь полукруглые решётки, собранные из фигурных реек. Олега окатил приступ клаустрофобической паники.

– Как получаются отражения? – спросил завсегдатай.

– Что?

– Свет, с другой стороны тьма. И между ними, на тонкой плёнке, – человек. Или...

Олег не хотел реагировать, но не сдержался:

– Или?

– Или не человек, – ответил любитель коньяка и обратил

в сторону Олега глуповато-угрожающее лицо.

Ясно, подумал Олег и двинулся к выходу.

Из горла длиннолицего вырвался хриплый, свистящий звук. Пародия на смех.

* * *

В поисках нормального окна – в настоящий мир, в отрицание удушливого одиночества – он почти бежал по коридорному кольцу. Толкнул первую попавшуюся дверь и оказался в просторном помещении с греческими колоннами и столиками, покрытыми белоснежными скатертями. Окна, здесь были окна, глубокий панорамный глоток, и улица за ними, и разноцветные зонты, и баннер с лицом лже-врача, плоско улыбающегося прохожим. Изображение перечёркивала стрела автокрана, в люльке стоял рабочий. Водил газовым резаком по ткани, превращая правый глаз в чёрную дыру. В оранжевую каску барабанил дождь.

– Добрый день, – поприветствовала Олега молоденькая официантка. – К какому столу вас проводить?

– Я просто... э...

Официантка услужливо ждала.

– А Евгений... э... – Олег не мог вспомнить отчества Жеки, – управляющий отеля не заходил?

– Евгений Вячеславович? Нет, сегодня не было. Но у него заказан столик на вечер, для друзей.

– Хорошо, – кивнул Олег. – Спасибо.

Ресторан находился на втором этаже, в противоположном от бара секторе окружности. Олег не сразу отыскал проход к лифтовому фойе. Зато обнаружил дверь с табличкой «КИНОЗАЛ», закрытую и неприметную, в тон стен. Пришпиленный под табличкой стикер сообщал, что кинозал работает только по чётным дням. Хоть бы расписание сеансов повесили, афишу...

Из динамика в потолке кабины лилась всё та же негромкая мелодия, но теперь в ней чувствовалась скрытая угроза – Олега словно хотели усыпить, чтобы сделать с ним нечто ужасное. Он нажал кнопку «14», затем коснулся пальцем кнопки «12»... И сюда добрался предрассудок? Как там называется боязнь числа тринадцать? Тердекафобия? Ну, с американцами понятно (хотя не совсем: при образовании Штатов объединились как раз таки тринадцать колоний), а нам-то зачем?.. Делать вид, что тринадцатого этажа нет, когда он есть, – глупость какая.

В спёртом воздухе номера вспомнился бар: в «бане» было прохладно, а в номере жарко. Мир, определённо, сдвинулся с места. Олег снова покрутился у горячего радиатора, и снова не нашёл, как его утихомирить. Включил телевизор, пощёлкал каналы, остановился на «Науке 2.0», разделся до трусов, умылся ледяной водой и устроился на кровати, подальше от глумливой отопительной трубы. На улице лило как из ведра, истерично крутился флюгер над старой котель-

ной трубой, ряженой под средневековую башенку. В распахнутые окна летели призраки прохлады.

На программе о тайнах человеческого мозга Олег уснул (сказалась бессонная ночь – странное знакомство с городом, в котором вырос и который покинул десять лет назад), а проснулся от стука в дверь.

На пороге с улыбкой во всё круглое лицо стоял Игорь Буткевич. Игорёк.

* * *

– Дайте нам водочки, бутылки этак четыре, – начал Игорёк, наблюдая за реакцией официантки; та невозмутимо записывала, – пивка литров десять, – девушка на секунду-другую задумалась, посмотрела на Игорька, потом на Олега, видимо, складывала, делила, – и по одной новой жизни, – закончил Игорёк и только тогда довольно улыбнулся.

Официантка моргнула, посмотрела в блокнот, нахмурилась.

– Так нести?

– Девушка, милая, это шутка. Водочки нам бутылку, а пива по бокальчику для начала.

– Некогда мне шутить...

– Так шутил я, а не вы. Ну же, улыбнитесь.

– К счёту прикреплю.

– Улыбку? Вот! А говорите, некогда шутить!

– Чем закусывать будете? – строго спросила официантка. Олег смотрел на девушку поверх меню. Может, бывшая Жека? Ладно, Жека придёт – проясним.

Они выбрали закуски, и официантка поцокала на кухню. Игорёк плотоядно смотрел на её зад в фирменной юбке.

– Хорошая, да?

– Ты точно женат? – спросил Олег. – Или развёлся?

– Не каркай!

Олег примирительно поднял руки.

– Понял. Годы идут, Игорёк стоит. Сколько малому стукнуло?

– Двенадцать.

– Ого! Скоро баб начнёт домой таскать.

– Лучше в номера. С папой! – Игорёк хохотнул, плеснул в рюмки принесённую официанткой водку. На томно-запотевшем фужере вывел пальцем улыбающуюся рожицу. – Ну, за встречу!

– Прозит!

Они выпили и предались воспоминаниям. Как куролесили на турбазе по купленной мамой Олега путёвке; на базе отдыхали только семьи проектировщиков, часто с детьми, и банда-каре быстро заработала дурную славу: перевернули холодильник на общей кухне (искали закатившийся шарик для пинг-понга), горланили ночами напролёт у мангала, браконьерствовали сетями. Как помогали сливать Жеке бензин с рабочей машины (кажется, Жека тогда возил замдиректора

отделения железной дороги), чтобы найти лавэ на обезвоживающие дискотеки; Олег и Игорёк покидали танцпол лишь под утро, если, конечно, Игорёк не срывался в разгар ночи с какой-нибудь кралей.

– Что у тебя с головой? – с напускной серьёзностью спросил Игорёк.

– А что с ней?

– Парикмахер дядя Толик заболел?

– А-а, и ты туда же.

– Татуировки, пирсинг, генные модификации?

– Присутствуют.

– Ты это брось, – пожурил Игорёк, с волос которого можно было собрать тюбик геля.

За столиком у окна пила вино женщина с большой грудью. Видимо, ждала кого-то. Вино в бокале было красным, губы грудастой постоялицы – бледно-розовыми, в креманке на подложке из взбитых сливок нежились огромные виноградины. Странно, что Игорёк игнорировал грудастую – официантка и в подмётки ей не годилась.

Они снова выпивали и снова вспоминали. Песни под гитару на лавочке. Футбол двор на двор. Лапта. Тархун в автоматах с газировкой. Речка-вонючка Мухавец...

Принесли жаркое и овощную нарезку. Графин опустел на две трети. Игорёк запивал пивом, Олег не рисковал – в голове приятно шумело.

– У Жеки отец в прошлом году умер, сердце, – сказал Иго-

рёк. – Жека поэтому в Брест и вернулся.

– А до этого где был?

– В Москве таксовал.

– На похоронах был?

Игорёк кивнул, с осуждением, как показалось Олегу.

– Только я *из наших* и был. Каждый день к Жеке ездил, поддерживал, помогал.

Олег запил грейпфрутовым соком, отвёл взгляд. За окнами шумел дождь. С баннера улыбался ослепший на оба глаза лже-врач. Олег всё-таки вчитался в рекламный текст: «Центр микрохирургии глаза». Вот те на...

– Хорошо, что с Жекой не потерялись, – сказал Олег, чтобы нарушить молчание. – А со Стасом часто видитесь?

Игорёк нахмурился.

– Как же. У него когда первая малая родилась, с третьего раза трубку стал брать. А дальше... – Игорёк досадливо отмахнулся. – Деловой теперь, *бизньесмен*. На кривой козе не подъедешь.

– Жеку вот пристроил.

– Пристроил, – буркнул Игорёк.

А тебя нет, подумал Олег. *В этом ведь дело?*

Десять прошедших лет утяжелили и округлили Игорька. Перед Олегом сидел полноватый парень с лицом, в котором угадывался его старый друг. Тяжёлые веки, двухдневная щетина с чешуйками отшелушенной кожи, красноватые глаза.

– А ты на кого вкальываешь?

Игорёк работал на стройке; его плечи остались узкими, но обросли мышцами. Олег не рискнул бы, как в детстве, сойтись с Игорьком в шутовском спарринге.

Игорёк рано женился, сразу после армии. Побегал за девушками по дворам и общагам, подъездам и форточкам, да и женился через год. Стас был уверен, что по залёту, но эту тему при Игорьке они никогда не поднимали. Крёстным стал Жека.

– Стас... и нас, и вас... – сказал Игорёк, остервенело опрокидывая рюмку. Всё не мог отпустить эту тему. – Легко быть добрым, когда всё хорошо. А пускай попробует, когда плохо.

Официантка принесла луковые колечки в панировке и ещё двести грамм в маленьком пузатом графине. Олег воспользовался заминкой, чтобы направить разговор в безопасное русло:

– А помнишь, как за Танькой Каплан всей бандой бегали? – сказал он, и глаза Игорька загорелись. Скуластая да сисястая Танька в итоге предпочла именно его.

– Эх, времена! Видел бы ты лицо её мамки, когда она нас застукала...

Олег видел: и маму Тани Каплан, и саму Таню, и Игорька, смазливового, светловолосого, а-ля молодой Ди Каприо, девочки от него пищали...

Жека в тот вечер так и не появился.

Телефон Оли не отвечал. Это не сильно его расстроило – не хватало только нотаций. Оля никогда не упрекала его за алкоголь (Господь с вами, она не упрекала его ни в чём до этого дня), но Олег чувствовал: сегодня будет. Как будто «Оверлук» воздействовал на неё на расстоянии. Глупость, конечно, но перед внутренним взором настойчиво шипел раскалённый котёл, стрелка манометра ползла по шкале вправо.

– Что ты сделал с моей девочкой? – невнятно спросил Олег и громко икнул.

Тут же схватился за перила, оступившись. И зачем попёр по лестнице? Продышаться? Надышишься тут, ик... Ох, и набрался он с Игорьком. Хотя по тому не скажешь, бодренько прощался, по спине хлопал, обещался завтра же... ик, зайти... всенепременно... и тогда – все вместе, банда-каре, *живые и мёртвые...*

Олег похлопал себя по щекам. В глазах немного прояснилось.

Сколько ещё этажей? Пять? Десять?

Напомнил о себе мочевого пузыря. Зря он всё-таки брал второе пиво, да и первое зря... Но ведь хорошо было, несмотря на проскальзывающие обиды Игорька и шумный осадок в голове, хорошо...

– Теперь расхлёбывай, – сказал он пустому лестничному пролёту и обрадовался, что прошла икота.

На четырнадцатый этаж он попал со второй попытки, сначала перевыполнил план и ввалился в коридор пятнадцатого. Чертыхнулся и спустился вниз.

Подпёр лбом дверь и занялся поисками ключ-карты. Карманы брюк казались бездонными, полными мелочи, гальки и крошечных крабиков. Олег не помнил, платили ли они по счёту или записали на Жеку.

Его отвлёл звук шагов со стороны лифтов.

Пустой коридор показался плохо освещённым и неестественно длинным. Несколько секунд по нему расхаживали люди в тёмносиних халатах и розовых тапочках. Стояла странная, абсолютная тишина, в глубине которой прятался едва уловимый звук шагов. Шорохи.

Кто-то прошёл у лифтов за стеклянной дверью, Олег не понял кто. Не в том смысле – знакомый или нет, мужчина или женщина, а – человек или... кто-то ещё, всего лишь похожий на человека. Да, именно так.

Ясно было одно – этот кто-то (или что-то) был красного оттенка. Алый костюм и маска? Олег в это не верил, но очень старался.

Онемевшие пальцы нащупали электронный ключ, Олег впечатал его в замок и рванул на себя дверь.

В номере его разморило окончательно. Парилка ведь. Олег залез в душевую кабину, пустил холодную воду и сел на поддон. Ледяные струи жалили кожу. Олег стиснул зубы.

Из ванной он вышел не тем человеком, что цеплялся за перила и разговаривал с отелем. Клацнул пультом телевизора. Почему Игорёк не потребовал продолжения банкета? На Игорька не похоже. Или потребовал – да он, Олег, отбрыкался? Олег не помнил...

Дверь на лоджию была открыта. Ему не настолько полегчало, чтобы курить, поэтому он просто вышел к ночному городу. В центре парковки плескалась огромная лужа. Чудилось, что башня гостиницы плывёт по воде. Олег смотрел на фонари по периметру забора, на редкие жёлтые окна жилых домов и представлял, что он единственный постоялец.

Пленник.

Кто-то стучал во тьме, там, куда не доставали фонари. Нет, за спиной... стучат в дверь номера... Вернулся Игорёк? Жека?

Олег открыл. Дверной проём заполнил фактурный здоровяк с монументальным лицом. Рот, казавшийся на этом лице биологической избыточностью, кривился и подёргивался.

– Это нормально? – Здоровяк подался всем корпусом вперёд, будто хотел войти таким странным образом, не пересту-

пая порог. – Вы время видели?

Олег не видел, но примерно представлял – что-то около часа ночи. Или детина имел в виду какое-то материальное воплощение Времени?

– И?

– Сколько можно бегать?

Оправдываться за то, чего не делал, Олег не хотел.

– На пятках, – уточнил здоровяк.

– Что – на пятках?

– На пятках хватит бегать.

– Никто и не бегают. – Всё-таки придётся объяснять.

Включить дурака – не выход. Здоровяк распаялся. – Я недавно пришёл, только из ванной.

– А кто тогда бегают?

– Без понятия.

– У меня что, галлюцинации?

Олег почувствовал, что сам начинает злиться. В голове хмельно заплескалось.

– А я откуда знаю.

Знавал он таких соседей. Любил с Олей потанцевать в зале, посмеяться и попрыгать под что-нибудь незатейливо-ритмичное. Поздние танцы иногда заканчивались визитом соседей. Снизу обитала недавно родившая школьница, которой мамаша оставила квартиру, и её тощий, покрытый тату хахаль; хахаль продержался недолго – сбежал, но свято место пусто не бывает, его сменил парниша повыше и по-

крепче, который постоянно таскался с кейсом для перфоратора. Олег успел познакомиться и с первым (папашей ребёнком), и со вторым (возможно, будущим отчимом) – они возникали на его пороге с возмущёнными лицами и просьбами «не шуметь». У Олега сложилось впечатление, что школьница хвалится перед ним своими избранниками.

– Так ведь по потолку, – настаивал здоровяк.

– Хорошо. Понимаю. По потолку. Пятками. Но мне что делать, если даже на цыпочках не бегаются?

Здоровяк озадачился. Подался назад.

– Тогда извините.

– Ничего, – буркнул Олег и закрыл дверь. Тут же открыл: –

Вы с тринадцатого?

– Какого тринадцатого? Нет здесь тринадцатого. Проспитесь.

Олег щёлкнул замком.

Набрал в графин воды, вернулся на диван. Поднёс графин к сухим губам, замер.

– А что у нас над двенадцатым? – спросил он у шепчущего телевизора.

* * *

– Ну здравствуй, дорогой, – сказал Станислав Варюха. Стас.

Утро. Тяжёлое. Рыхлое. Подвывающее в черепной короб-

ке.

Олег приподнялся на кровати. Искал правильные слова – и не находил. На Стасе были серая жилетка, аквамариновая рубашка, остроотутюженные тёмные брюки и блестящие туфли – Олег видел правую туфлю, потому что Стас заложил ногу за ногу.

– Привет, друг, – сказал он, сдавшись, и протянул руку.

Стас крепко её пожал. В глазах цвета зелёного бутылочного стекла плескалась сдержанная радость.

– Хорошо вчера погуляли? – Стас улыбнулся, помахал рукой, разгоняя воздух. – Амбре ещё то. С Жекой гудели?

– С Игорьком. – Олег сдал виси. – Жека не пришёл.

Стас кивнул.

– Деловой теперь. Впрочем, как всегда.

Стас почти не изменился. Разве что пивной животик отрастил... Пиво они обожали, под сушёную рыбку, беседу, даже с некой извращённой гордостью называли себя пивными алкоголиками; личный рекорд Олега насчитывал десять бокалов за вечер, Стаса – двенадцать.

Со Стасом Олега связывали самые крепкие и тёплые отношения, но в то же время – немного натянутые. Оба понимали хрупкость и уязвимость их дружбы, и это, наверное, сплачивало ещё крепче. Привлекательный, немногословный, всегда собранный Стас... С ним было интересно, хотелось, даже после стольких лет дружбы, заслужить его доверие, но порой казалось, что Стас что-то недоговаривает.

– Полечиться достать? – Стас кивнул на холодильник.

– Не, переболею.

– Болеть нельзя.

– Минералки, если не трудно...

Стас достал из холодильника запотевшую бутылку и кинул Олегу. Тот словил и спустил с кровати ноги. Стас задержался у столика, на котором лежала книга в самодельной бумажной обложке. Открывать не стал.

– Что читаешь? – спросил Стас.

– Урсулу Ле Гуин перечитываю.

– А я Мураками. К тебе подходит: *«Если можно – угловую комнату подальше от лифта»*. Помнишь? Отель «Дельфин» из «Охоты на овец», откуда герой начал поиски овцы.

– Угловую... – задумчиво произнёс Олег, – в круглом здании... Я бы глянул на схему «Оверлука». Номера ближе к центру вообще без окон – я правильно понимаю?

– Сразу видно, сын архитекторов, – усмехнулся Стас, но на вопрос не ответил.

– Слушай, а почему здесь так жарко?

– Жарко?

– Ну. Как этот гадский радиатор обесточить.

Стас глянул на стену под открытым окном на лоджию и почему-то засмеялся, резко и отрывисто.

– Разберёмся. Слушай, мне сейчас бежать надо. – *Узнаю друга*, подумал Олег. – Давай через пару часиков найдёмся. Заходи ко мне в пятьсот второй.

Сквозь жалюзи падал полосчатый свет. Олег основательно приложился к ледяной минералке, аж зубы заломило.

– С отелем познакомился? На втором есть кинозал, сходи, покемарь в кресле.

Олег кивнул. Веки были тяжёлыми. Голова звонкой.

Стас хлопнул в ладоши и сделал движение к двери.

– Добро. Тогда до встречи. – Он нахмурился, снова глянул на радиатор. – Жарит, говоришь? А как вообще здесь... неплохо «Оверлук» отгрохали?

– Неплохо. Жека кое-что рассказал. И как тебя угораздило в такие деньги вляпаться?

– А-а, – отмахнулся Стас. – Скучная история. Влез в удачное дельце. Потом расскажу.

– А пятьсот второй... живёшь там? С женой поругался?

– Типун тебе на язык. Для работы номер. Ну, иногда на ночь остаюсь. Людка и девчонки понятливые. И знаешь, что иногда чувствую здесь? – Стас задумался, вспоминая. – *«Боюсь гостиниц. Может, потому, Что чувствую, что в номере когда-то. Остаться мне случится одному. Навеки. В самом деле. Без возврата».*

Олег сглотнул. Ему почему-то стало не по себе.

– Это кого?

– Евгения Винокурова, – подмигнул Стас, но весёлость исчезла из его зелёных глаз. Он всматривался в лицо Олега, искал реакцию. Потом тряхнул головой. – Ладно. Увидимся!

И вышел из номера так, словно ожидал удара по шее.

Олег выключил телевизор, набросил на плечи куртку, запер дверь и отправился в кинотеатр на втором этаже.

Электронное табло над дверью сообщало, что сеанс начался в 15.15. Олег сверился с телефоном. Пропустил двадцать минут «Драйва» с Марком Дакаскосом. В юности у Олега была кассета с этим фильмом, а ещё «Саботаж» и «Плачущий убийца». К фильмотеке Олег подходил ответственно: записывал достойные ленты (второй видеомэгнитофон приносил Жека), стирал шлак, удлинял или укорачивал плёнку на бобинах, маркировал кассеты, вёл каталог; а потом, после разгромного наступления дивиди, снёс две огромные сумки с кассетами Игорьку, и видик присовокупил; Игорёк с радостью принял – прогресс халяве не помеха.

В крошечном аванзале ютился стол с кассовым аппаратом, но ни кассирши, ни расценок Олег не обнаружил. Толкнул дверь в зрительный зал и, подсвечивая телефоном, спустился по боковому проходу к первому ряду кресел. Всего рядов, по прикидке Олега, было не больше десяти, в каждом по семь кресел. Олег сел на четвёртое. Остальные кресла первого ряда пустовали.

Олег обернулся в зал, тускло освещённый экраном. На крайнем месте пятого ряда сидела грудастая из ресторана. Женщина, как показалось Олегу, посмотрела на него и даже

улыбнулась. Двумя рядами выше сидел длиннолицый из бара. Ряды за ним терялись в полумраке, в котором кто-то сидел, но *кто* – понять было решительно невозможно; угадывался только силуэт с неправдоподобно большой головой.

Олег повернулся к экрану и, поёрзав, нашёл оптимальную позу.

«Драйв», как и в юности, увлѣк трюками и несерьѣзностью происходящего... Ностальгия в чистом виде. Интересно, как сложилась карьера у смешливой миловидной актрисы, хозяйки отеля?..

Кто-то упѣрся ногами в спинку его кресла. Олег был уверен, что за ним никто не сидел. На экране Дакаскас красиво делал капоэйру плохим парням.

Давление на спинку кресла исчезло, но через минуту кто-то снова толкнул в неё. Олег сжал зубы. Его всегда выводили из себя подобные ситуации. Что ему делать? Обернуться и высказать? Или не обращать внимания?

На какое-то время сосед сзади утомился. Напарник Дакаскаса – негр, фамилии которого Олег не помнил, – плясал под градом пуль в номере отеля с картонными стенами.

Кресло снова качнулось.

Да что ему там не сидится?

Чужие колени или ступни давили Олегу в спину. Ему было стыдно обернуться, поэтому он с силой откинулся на кресле. Сидящего сзади это не смутило.

Нет, это уже наглость! Сейчас Олег ему скажет... скажет

что? Сразу наехать, мол, ноги девать некуда? А вдруг там здоровяк с двенадцатого этажа... Вежливо попросить убрать ноги?

Чувствуя неловкость за чужую наглость, Олег будто невзначай опёрся на подлокотник, делая вид, что рассматривает что-то в проходе. Между спинками кресел маячила аморфная приземистая фигура. О большем боковое зрение умалчивало. Повернуть голову и встретиться с мучителем взглядом?

Олег сел прямо. У героев «Драйва» случилась редкая передышка между мордобоями и перестрелками.

Давление на кресло исчезло.

Через минуту вернулось.

Исчезло.

Вернулось.

Исчезло.

Через мгновение в спинку кресла ударили – по ощущениям, сразу двумя ногами. И – прежде чем Олег успел переварить дикую выходку – ещё раз, да так, что Олега едва не выкинуло из кресла.

Он вскочил и развернулся лицом к залу. За подголовником кресла никого не было. Ни монументального лица здоровяка, ни какого-либо другого. Олег перегнулся через спинку, чтобы убедиться, что это не дело рук (точнее, ног) ребёнка.

Никого.

Причём не только на втором ряду.
Зрительный зал был пуст.

* * *

Олег вызвал лифт. Двери тут же раскрылись. Внутри теснились две расфуфыренные дамочки с детской коляской. Выходить они не собирались.

Олег сдержанно улыбнулся: дождусь другого. Дамочки даже не взглянули в его сторону, продолжали щебетать, громко, но неразборчиво, как почерк врача. Та, что без коляски, нажала на кнопку «13». Но как? Не было на панели кнопки тринадцатого этажа...

Двери медленно съехали. Олег продолжил стоять, раздумывая, могут ли различаться кабины соседних лифтов. Кстати, каким он пользовался до этого? Тем, в котором после «12» шла кнопка «14»...

Двери разъехали. Дамочка с коляской смотрела на Олега.

– Это вы вызвали?

– Нет, – сказал он.

Вторая дамочка нажала на кнопку, и двери снова затворились.

Олег вызвал второй лифт. Судя по экрану, кабина находилась на двадцать пятом этаже.

Открылись двери соседнего лифта. Держась за ручку ко-

ляски, как за поручень, дамочка выглянула в фойе.

– Зачем вы нажимаете?

– Я не нажимал, – глупо улыбаясь, покачал головой Олег.

Дамочка хмыкнула. Она отклонилась так сильно, что было непонятно, почему коляска остаётся на месте. Олег услышал, как подруга мамыши нервно стучит пальцем по кнопке нужного – тринадцатого? – этажа. Дамочки считали, что не могут уехать из-за его шkodничества, и Олег пытался стряхнуть несправедливое чувство вины.

Мамаша вернулась в вертикальное положение. Лифт закрылся. Соседний застрял на двадцатом этаже.

Прошло несколько секунд. В шахте что-то щёлкнуло, и двери почти бесшумно подались в стороны. Олег едва сдержался, чтобы не сбежать. Теперь наверняка на него свалят, а он стой, оправдывайся.

– Наверное, что-то с лифтом... – начал он, отступая влево.

Кабина была пуста. Ни дамочек, ни коляски, ни «улик» – такие особы обычно пахнут, как разбившийся пробник парфюма.

Ничего не понимая, Олег зашёл в лифт и нажал на кнопку пятого этажа. Двери закрылись, кабина поползла вверх. Олег поднял глаза на панель.

К добру или нет, но кнопки «13» на панели не было.

Стас открыл сразу.

Номер 502 оказался намного просторней 1428-го. Застеленная кровать. Телевизор на полстены. Барный шкаф. Велотренажёр. А главное – не кочегарит радиатор! Свежо, уютно...

– Входи, дорогой. Как здоровье?

– У Дакаскоса лучше, – буркнул Олег.

– Что? А-а, понял. Ну да... Жека афишей занимался.

– А сам управляющий где?

– По делам отеля всё мотается.

– А Игорёк?

– Звонил утром.

– И?

– Забыл перезвонить.

Письменный стол был завален бумагами, тетрадами, папками, книгами. Документы лежали на вертящемся кресле. Хм, на аккуратиста Стаса не похоже.

Стас опустил на стул возле кровати и предложил Олегу сесть в офисное кресло.

– На пол скинь, – показал он на бумаги.

В комнате был второй стул – свободный, в отличие от кресла, но Олег не стал спорить. Переложил документы на стол. Над столом висел рисунок, напоминающий черниль-

ный эскиз Леонардо да Винчи: песочные часы с шестью сферами в нижнем сосуде и шестью в верхнем, тринадцатая сфера – в горловине. Песочные часы были заключены в цилиндр, который что-то Олегу напоминал...

– Символ временного круга, – сказал Стас, – который замыкается через объединяющее звено.

– Объединяющее звено? – спросил Олег.

– Да. В центре, – ответил Стас, как будто это что-то объясняло. – В круглом здании этот принцип выстраивается идеально. Во внутреннем цилиндре с двенадцатью... объектами... появляется вектор времени. Пространство – это движение по спирали... помнишь ряд Фибоначчи?.. я тоже не помню, но он описывает круговое движение... А Время – это луч, вектор, проходящий через центр спирали... тут можно применить геометрическую прогрессию с двойкой в знаменателе...

– И что? – сказал Олег, недоумевая.

– А то, что одно без другого невозможно, – ответил Стас, словно равноценному участнику дискуссии. – Время и пространство. Как электричество и магнитное поле. Движение. Жизнь. В которую можно вовлечь... хм, удержать... объекты за пределами цилиндра, так сказать, тонкого мира. Тут, дорогой, какая штука... Материя – это идея, образ в сознании, которое вне времени и пространства, где все идеи и образы всегда одномоментны, существуют в чистом виде... Для их воплощения и требуются пространственно-временные коор-

динаты. Это если вкратце.

– Ага, – сказал Олег. – Ну-у... вкратце вопросов нет.

Стас нервно хохотнул и, вскочив со стула, стал копаться в баре. Забрякали бутылки.

– Извиняй, заумь попёрла, хобби такое... Ты что будешь, пиво или покрепче?

По поведению Стаса чувствовалось, что он сболтнул лишнего и старается это сгладить. Олег решил: плевать.

– Пиво.

– Будет исполнено!

Олег вдруг вспомнил, что Оля так и не перезвонила. Но при Стасе набирать не стал. Между Стасом и Олей всё случилось быстро и невнятно. Красивый мальчик, красивая девочка, поцелуи, прогулки, неудавшийся переход к сексу («это» едва не случилось на квартире Олега, когда он вломился в спальню, думая, что там закрылся пьяный Игорёк), проклянувшаяся отстранённость Стаса, смирение Оли. Безмолвный разрыв: Стас просто исчез на неделю, и Оля всё поняла. Да и бог с ним, с прошлым... но ведь сидит внутри, неприятно шевелится... Олег помнил глаза Оли, когда рядом был Стас...

Почему она не звонит?

Стас открыл по стекляшке немецкого пива, набросал на кровать закусок в пакетиках и налетел с вопросами. Где работаешь? С кем встречаешься? Как родители? Олег не узнавал старого друга, но догадался, что причина в остаточной

нервозности из-за разговора, навеянного эскизом. *Наверное, чувствует себя глупо из-за того, что поднял тему, от которой я далёк,* решил Олег.

Они скрестили горлышки бутылок, и Стас мечтательно вздохнул.

– Помнишь, как в санатории? Пирс, пиво... хорошо.

– Идеально, – улыбнулся Олег.

Тот отдых он считал лучшим в жизни; возможно, время сгладило и подкрасило, весь проблем хватало и тогда, – пускай! Неделя в санатории, вдвоём со Стасом, в окружении пенсионеров и зимнего леса, виделась иллюстрацией к настоящей дружбе. Кусочек застывшего в прозрачном льду времени. Путёвки предложила мама Стаса, и друзья рванули на озеро – от непоняток с девчонками, новогодних обид Игорька, от всего... Утром они завтракали в санаторной столовой, затем шли на процедуры, после обеда брали пиво в придорожном магазинчике и устраивались на пирсе с видом на заснеженное озеро, вечером смотрели кулинарную программу Юлии Высоцкой по старенькому телевизору и встречали ночь на высоте тринадцатого этажа, на балконе номера, с килькой в томатном соусе и бутылкой водки, которая почти не пьянила... Они много разговаривали, читали (Олег – «Морского волка», Стас – «Так говорил Заратустра»), вживались в размеренную тишину, и не мешали друг другу в ней, а дополняли...

Они с радостью окунулись в воспоминания о том време-

ни. Стас принёс ещё пива, а потом ещё. В голове Олега прояснилось, а потом снова затуманилось. Через какое-то время он с удивлением понял, что они говорят о детях.

– Всегда хотел девочек, – говорил Стас. – Когда старшая родилась, с собой постоянно носил её варезку, молоком пахла...

– И вторую девочку хотел?

– И вторую. Дочки такие ласковые, ты не представляешь...

Олег внутренне спорил. Что бы не говорили мужики по поводу пола своего ребёнка, если они говорят, что хотели девочку (разумеется, дочку они и получили или получат – об этом красноречиво сообщает узи), – они трюндят. Врут себе и другим. Конечно, любой ребёнок желанный, поймите правильно, любимый и лучший, но... Мальчик – вот мечта настоящего мужчины. Мальчик, первенец, продолжатель рода и фамилии, маленький ты. И точка. Остальное семейный и социальный этикет. Мина при плохой игре, если хотите. Пока у мужчины не родится пацан (первый, второй, третий, ... ребёнок), он не обретёт полной гармонии. Будет подгонять ожидания под реальность, говорить нужные слова. Мужчина хочет сына. Он может впоследствии быть плохим отцом, но это ничего не меняет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.